

/ Литературная
критика
/ эссе
/ рассказы
/ стихотворения

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ

Третий Всероссийский литературный конкурс
на основе творчества А.С. Малиновского

Союз писателей России
Министерство культуры Самарской области
Совет ректоров высших учебных заведений
Самарской области
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»
Самарская областная писательская организация

Экология души

**Литературная критика,
эссе, рассказы, стихотворения
на основе творческого наследия
Александра Станиславовича
Малиновского**

Самара
2026

УДК 82(06)
ББК Ш6(2Р)6я4
Э 400

Экология души: Литературная критика, эссе, рассказы, стихотворения на основе творческого наследия Александра Станиславовича Малиновского. – Самара: ФГБОУ ВО Самарский государственный технический университет, 2026. – 324 с.

ISBN 978-5-7964-2513-8

Сборник «Экология души» составили литературоведческие работы и художественные произведения лауреатов третьего Всероссийского литературного конкурса «Экология души», объявленного в ноябре 2025 года.

Впервые конкурс был инициирован ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» в конце 2023 года в преддверии 80-летия со дня рождения российского писателя Александра Станиславовича Малиновского.

Тематика конкурса отражает творчество писателя, произведения которого, проникнутые гуманизмом и основанные на традициях русской литературы, воспитывают в человеке духовно-нравственное отношение к окружающему миру. Заложенный в творческом наследии А.С. Малиновского культурный код обладает мощным притяжением и значим для современного российского общества.

Конкурс проводится при поддержке Союза писателей Российской Федерации и Министерства культуры Самарской области.

Учредители конкурса: ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самарская областная писательская организация Союза писателей России, Совет ректоров высших учебных заведений Самарской области.

Конкурс проводится ежегодно. Актуальная информация о конкурсе и сборники работ победителей и финалистов конкурса размещаются на сайте mcenter.samgtu.ru в разделе «Конкурс».

Все тексты в сборнике приведены в авторской редакции.

© Авторы, 2026

© Самарский государственный технический университет, 2026

Александр Громов

г. Самара,
председатель Правления
Самарской областной писательской организации

СВЕТЛЫЕ ЛИКИ

Живое всегда движется. Не обязательно количественно и качественно. Порой вглядываясь в живое, даже если не обращать внимание на пространство и время, можешь вдруг обнаружить, почувствовать, уловить во внутреннем жизненном токе то, чего не замечал раньше. Нечто новое открывается. Так живое взаимодействует с живым.

Да, это я о третьем Всероссийском литературном конкурсе «Экология души». Да, он прирос количественно, да и качество (особенно прозы), мне показалось, тоже приросло, появились отличные литературоведческие работы, и это повод для отдельного разговора. Еще не так давно хорошую литературоведческую работу днем с огнем не сыщешь – и вот они стали появляться (у меня незавидная судьба быть в разных жюри разных конкурсов, поэтому знаю) – почему, откуда? Мне кажется, ответ прост: люди стали читать друг друга, то есть люди стали интересоваться друг другом. Люди стали замечать окружающее. А это, кстати, одна из целей конкурса «Экология души». Но сейчас не об этом. Пусть это будет заделом для статьи в следующий альманах, а то, что он будет (а значит, будет и следующий конкурс), в этом нет никаких сомнений – живое движется.

Так вот. Что же для меня открыл третий конкурс. Или, скажем так, на какие размышления подтолкнул.

Мы бы не начали говорить об экологии вообще, если бы природа, окружающий нас мир оставались естественными. Ну, правда, кто обратит внимание на то, что с ним поздороваются у подъезда соседи? Это естественно. Ответишь на приветствие и идешь себе дальше – все нормально. А если не поздороваются? Тогда что-то не так. Что не так? Прическа, куртка, штаны? И уже мелкая тревога если и не поселяется, то пробегает в душе. Да, надо что-то поправить. Так появляется экология. И если это применимо к миру, то то же самое, наверное, можно сказать и о душе – что-то не так, требуется экология.

И вот литературный конкурс «Экология души», как мне кажется, и является возможностью задуматься: а что не так?

В который раз подчеркну: само название, тематика конкурса идеально совпали со временем. Еще несколько лет назад чувствовалось в обществе некое безразличие, желание закрыться ото всего: моя хата с краю. Но сейчас не так, сейчас чувствуется движение, словно оживающая весной природа.

Литература же, на мой взгляд, прекрасный помощник разобраться, что не так, потому что литература предоставляет возможность взглянуть на себя, на мир чуть со стороны. Взгляд со стороны необходим, тогда он становится более объективным, более понимающим.

У Александра Малиновского в его повести «Колки мои и перелесья» есть отрывок, где он описывает краткую поездку в Женеву, где ему вручали награду ООН. Ну, сама награда не столь важна, это лишь повод для поездки, да и сама поездка была не особо ко времени, так как дома навалилось много производственных проблем. Но он поехал, да еще угодил там, в чудесной красивой Швейцарии, в природный катаклизм, когда ураган вздыбливал волнами озеро, рвал деревья, сбивал с ног людей... И вот там, в далекой стороне, у Малиновского рождаются удивительно лиричные (а кругом буря), проникновенные, мудрые слова о России. Я все думаю: а мог бы он их написать, если бы не оказался тогда в Женеве? Кто знает... И все же именно эта поездка помогла вдруг увидеть то, что здесь в России, так и могло бы остаться привычным, рутинным... Так Александр Станиславович начал писать одну из прекраснейших своих повестей «Колки мои и перелесья», пронизанную любовью к родной земле. А любовь – это ведь не только радость и свет, это и боль, и сострадание.

И сейчас к нам возвращается чувство любви. Мы выбираемся из безразличия. И помогает в этом литература. А конкурс «Экология души» помогает собрать лучшие ее проявления.

**Александр Станиславович
Малиновский**

УТРЕННИЙ СВЕТ

из повести «Колки мои и перелесья»

Довольно странной была эта моя поездка... Вначале пришло письмо:

«Уважаемый Александр Станиславович!

От имени организационного комитета программы «ЭРТСМЕЙКЕР–2000» имею честь пригласить Вас к участию в последней церемонии награждения уходящего века. Причастность к данному событию позволит Вам войти в следующее тысячелетие с почетным званием лауреата награды «ЭРТСМЕЙКЕР–2000», что в вольном переводе на русский язык звучит как «ЧЕЛОВЕК, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ЛИЦО ПЛАНЕТЫ».

По результатам исследования, проведенного независимыми экспертами на основании информации, полученной из авторитетных источников, Ваше предприятие удостоено международной награды «ЭРТСМЕЙКЕР–2000» в номинации «ЗА ДИНАМИКУ И ПРОГРЕСС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТКРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИКИ», а Вы лично, как его руководитель, удостоены персональной награды «ЭРТСМЕЙКЕР–2000» в номинации «ЗА ПРОЯВЛЕНИЕ ВОЛИ ЛИДЕРА И УПРОЧЕНИЕ ПОЗИЦИЙ СВОЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ».

В динамично меняющихся условиях современного мира залогом успеха в делах является изучение и адекватная оценка потенциального партнера на предмет его предсказуемости и надежности. Ценность информации в этой сфере оправдывает постоянные и дорогостоящие усилия. С этой точки зрения заслуженная Вами награда «ЭРТСМЕЙКЕР–2000» является еще одним способом укрепления Вашего имиджа и развития атмосферы доверия в деловом мире.

Во время торжественной церемонии награждения, проводимой в Швейцарии с 21 по 27 декабря 1999 г., Вам будут вручены художественно выполненные символы нашей награды – хрустальный рыцарь «ЭРТСМЕЙКЕР–2000» и золотой нагрудный знак, а также корпоративный и персональный дипломы. Эти регалии станут свидетельством Вашей принадлежности к сообществу лидеров различных отраслей промышленности, науки, культуры и здравоохранения XXI века.

С уважением и наилучшими пожеланиями,

Питер Мамо

Действительный член Института банкиров в Лондоне

Президент международной программы

«ЭРТСМЕЙКЕР–2000»

Был конец года. Горячая пора. Более того, я готовился через неделю передать один из двух заводов, которые были под моим руководством, новому директору. Мне казалось, что сейчас не до поездок. Но вокруг стали говорить, что поездка нужна, что такое бывает редко, когда и завод, и директор так отмечены.

...И вот я в Женеве, одной из главных банковских столиц мира. Большой номер четырехзвездочного отеля «Бристоль» на улице Монблан. За окном река Рон, а чуть дальше за островком – Женевское озеро.

Все настолько опрятно, ухожено и вылизано, что, даже находясь на улице, чувствуешь себя как в наскучившей своей прибранностью квартире и хочется куда-нибудь выбраться туда, где больше не так гладко причесанного.

Когда я смотрел на Женевское озеро, мне невольно вспоминался наш санаторий «Волжский Утес», что недалеко от села Усолье с громадной морской водной гладью внизу и широко раскинувшимися лесистыми отрогами Жигулевских гор. Невольно напрашивались сравнения. И наши Жигули в этих сравнениях чаще выигрывали.

...После церемонии награждения, на другой день, в конце долгой автобусной экскурсии по городу нам было предложено наутро проехать вдоль всего Женевского озера и добраться до города Монтре. Всем это сразу понравилось, и мы охотно согласились покинуть свой ухоженный скворечник.

...Очень мне хотелось попасть в Шильонский замок, так когда-то поразивший поэта Шелли своей холодностью и олицетворением бесчеловечности, которую люди часто проявляют, чтобы влиять на себе подобных. Это там, в камере Боннивары, Байрон вырезал свое имя, и поэты попросили рассказать им историю жертвы тиранов, а Байрон в одну ночь написал «Шильонского узника». Здесь они, однажды отправившиеся на прогулку по озеру, были застигнуты бурей у Мейерн. Байрон, натура, унаследовавшая кровь великих бунтовщиков, разделся и предложил спасти Шелли. Но не умеющий плавать Шелли сел на дно лодки, готовый потонуть, не сопротивляясь. Этот эпизод я помнил из прочитанного у Андре Моруа.

«Байрон, глядя на отражение звезд в воде и на громадные тени гор, как будто слышал, как вокруг него смутно колеблются доброжелательные и таинственные силы. Но эти ощущения были в нем мимолетны».

Что-то похожее ощутили потом и мы, горстка туристов. «Забыть свое «я», раствориться в красоте всеобщего – возможно ли это для Великого Эгоиста?» – эти строки я отыскал у Андре Моруа в его книге

«Байрон» уже по приезде домой, следуя своей занудливой привычке сравнивать случившееся со мной с мыслями и ощущениями тех, кто ценит подобное и для кого они – сама жизнь.

...Мы вышли из гостиницы «Виктория» и пошли к фуникулеру, намереваясь попасть к замку. Нас было человек десять. Надо было спускаться к Женевскому озеру метров семьсот вниз, так нам сказали в гостинице «Виктория». Оказалось, что фуникулер не работает, отключено электричество. Недоумевая – бывает же и у них такое – не раздумывая, решили спускаться самостоятельно. То, что поступили опрометчиво, мы поняли уже минут десять спустя. Спускаться по узеньким с мокрым асфальтом тропинкам и большим уклоном вниз было довольно трудно. Каждую минуту мы рисковали. Наша группочка, как нанизанные разноцветные бусы на незримую нить, протянутую между высоко стоящей гостиницей «Виктория» и угрюмым, неприветливым Шильонским замком – там внизу – повисла, казалось, в воздухе. Порой сильный ветер заставлял прижиматься к изгороди и ждать момента, когда можно проскочить через очередной участок пути.

Это начинало походить на опасную игру. Общее спортивное настроение изменилось, когда элегантный и галантный замминистра украинского правительства, неудачно ступив кожаными подошвами на мокрый и скользкий асфальт, вдруг потерял устойчивость и его понесло вниз. Сообразив, что лучше бежать, иначе, остановившись, сорвешься вниз, он стремительно пронесся по извилистой тропинке метров пятнадцать, повернувшись вокруг собственной оси на повороте. Выбрав участок изгороди, поросший кустарником, ринулся на него. Он оказался удачлив – зеленая изгородь самортизировала удар. Мы подошли к бедняге. Кроме небольших ссадин на руке и щеке ничего не было. Но то – внешнее. Ноги его не слушались. Он не сразу смог идти. Стоял, стараясь не смотреть вниз.

До замка оставалось метров двести. Внизу манили к себе ухоженные домики, крохотные дворики. Все было бы прекрасно, если бы не этот сильный ветер. И странное дело: озеро и Альпы по ту сторону то раскрывались перед взором в изумительной красоте рериховских красок, иссиня-черной враждебной и космически необъятной, становилось не по себе, то все куда-то враз девалось, оставалась сплошная темная завеса. Триста метров глубины озера и около семидесяти километров его длины давали знать: могучие волны, когда мгла вокруг в считанные минуты уходила, чтобы возникнуть вновь, вздымались так, что даже с высоты захватывало дух от мощи, великости происходящего. Ничего подобного по грандиозности я раньше не видел.

Посоветовавшись, мы решили не испытывать судьбу, не спускаться отвесно вниз, а по пологим тропинкам не спеша взять вправо и уйти в город. Монтре был справа от нас... «Вот тебе и тихая, наскучившая квартира, если бы я не оказался на этом конце озера – я не знал бы Швейцарии», – думал я.

Глядя на резко меняющуюся картину над озером, смену изумительной красоты на неуступчивую жестокость природы, вспоминал я и Шелли с Байроном, застигнутых бурей в лодке, и слова молоденького русского гида, который еще в автобусе обронил, что Швейцария занимает первое место по количеству самоубийств в Европе. В Лозанне даже есть мост, где дежурят добровольцы Красного Креста, чтобы круглосуточно прийти на помощь... Что это? Есть много объяснений, есть и самое, очевидно, верное, но мне почему-то вспомнился поэт Шелли, который отказался, чтобы его спасали от гибели в разбушевавшейся стихии... Таится что-то притягательное в природной мощи, в ее всепоглощающей претензии покорить и поглотить все в себе. Гуляют вокруг нас силы, против которых не каждый способен устоять. Эти мысли мне пришли естественным образом, я с ними ни с кем не успел там, в Монтре, поделиться.

Я все искал глазами виллу Диодати, зная, что она где-то здесь. Спросить было некого. Вокруг удивительно пустынно и космически одиноко. Я знал, что роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» был написан здесь, в Швейцарии, в 1816 году дождливым летом на вилле Диодати, недалеко от Шильонского замка, на берегу Женевского озера. Общеизвестно, что инициатором создания романа была Мэри Годвин, жена поэта Перси Шелли. Оба они приехали отдыхать в Швейцарию по приглашению их друга, молодого поэта, аристократа со спорной репутацией Джорджа Гордона Байрона. Было решено сочинить роман с тайными роковыми страстями, кошмарами, вперемежку с тогдашней новомодной наукой, граничащей с чертовщиной. Поэтам скоро наскучила эта идея, а вот Мэри Шелли не отказалась от нее.

Потом Мэри Шелли писала: «Мне хотелось сочинить нечто такое, что вернуло бы читателя к его собственным внутренним кошмарам, что вызвало бы в душе его ужас. Тот ужас, который заставляет с замиранием сердца озираться в пустой комнате и студит кровь».

Что ж, страшилку, в свои девятнадцать лет, она создала грандиозную, на века. Вот уже две сотни лет герой ее навевает ужас на читателей. Одним из первых игровых фильмов в истории оказался «Франкенштейн», снятый еще в 1910 году.

Мне представляется, что этот роман мог быть написан только здесь, у Женевского озера, где кажется, что таинственные и космические

силы так ощутимо и неотвратимо действуют на человеческую психику. Под стать и сама Мэри Шелли – волевая, капризная и авантюрная, ставшая в свои шестнадцать лет любовницей Перси Шелли, а затем его женой, через двадцать дней после того, как утопилась жена поэта.

...А Перси Шелли все-таки утонул, но не в этот раз на прогулке с Байроном, а позже и в другом месте – в июле 1822 года, отправившись кататься на яхте. Страшные эти две смерти – поэта и его первой жены – связаны с водой, и не одна ли следствие другой?..

Бог обошел природными ресурсами Швейцарию, но наделил красотой. Ледники в свое время сделали свое дело – снесли плодородную часть земли, и Женевское озеро, самое большое в Европе, образовалось в результате того, что скалы когда-то обвалились, перегородив реку Рон. Река разлилась, образовав в расщелине озеро шириной в шестнадцать километров. Это озеро-терморегулятор. Летом охлаждает воздух в городе. Температура не более 22 градусов. Частые туманы, ветра здесь вызывают головные боли. Странное озеро – в нем не купаются. Засилье уток породило множество блох. И они, окаянные, кусаются. Очень много уток черных, есть кряквы. Много лебедей.

Местные жители на противоположной стороне от гостиницы «Бристоль», где причал и стоят разнокалиберные катера и яхты, любят подкармливать птиц. Я видел, как раскрасневшийся от холодного декабрьского ветра человек с двумя сыновьями, лет по десять-двенадцать, кормил из рук хлебом чаек. Чайки крикливой стайей налетали на протянутую руку с куском хлеба, хватали и тут же отлетали в сторону. Это повторялось многократно, отец радостно каждый раз подбегал к рюкзаку за хлебом, поспешно и самозабвенно ломал замерзшими руками корку. На большом, почти греческом, его носу висела тривиальная сопля. Он даже ее и не смахивал. Он, как мне показалось, был счастливее в тот момент своих сыновей.

После этого похода я стал замечать и других птиц. Во дворе за гостиницей спокойно уживаются сизые голуби, воробьи, чайки. Переводчик нам сказал, что кормивший чаек мужчина, возможно, кельт – представитель коренного населения Швейцарии. Их мало, они живут по окраинам. Хотя конституция и написана на языке кельтов, язык этот мало кто хорошо знает.

Курьез: в Швейцарии всего два местных дерева. Бук и граб. Остальные все привозные. Бедность – сестра рачительности, а последняя – прародитель достатка. Химические удобрения здесь запрещены, пользуются только органическими. Даже для уничтожения насекомых-пожирателей их привозят из-за границы, они почему-то

«не додумались» до нашего: бац с верхотуры с самолета сразу всем на голову отраву и... как ножом отрезало... от всего живого.

«В двадцать пять лет надо жить в Париже, а в пятьдесят – в Швейцарии». Эти слова принадлежат, кажется, Вольтеру.

...Странное было ощущение, когда мы вошли в город Монтре. То порывы ветра срывали куски черепицы с крыш, то уличный фонарь, сорвавшись, катился по тротуару. На улицах – редкие прохожие. Все будто вымерло. И лишь когда мы спустились совсем вниз к озеру, увидели признаки активной жизни. Но не саму жизнь. Приглаженную и как бы затаившуюся. Странно было узнать, что в Монтре ежегодно проходят джазовые фестивали, что Игорь Стравинский здесь жил и писал балеты.

Я поотстал от своей группы и шел один, находя удовольствие в своей обособленности от нашей шумливой компании. Где-то здесь жил в свое время Чайковский.

Озеро продолжало бушевать. На безлюдной набережной появилась невесть откуда семья: родители и двое мальчиков. Они подошли к озеру, до воды оставалось метров двадцать. Вырвавшаяся из озера волна огромной своей дикой массой ударила о землю, и брызги ее окатили ребятишек. Порыв ветра потащил их за отступающей волной в озеро. Шипя, белопенная волна уходила по газонам, по изумрудной и картинно красивой набережной назад в свою огромную завораживающую чашу, обрамленную с той стороны столь же красиво картинными хребтами.

Напуганная мать схватила одного из мальчиков, тот успел зацепить своего брата за полу куртки. Так, балансируя, пытаясь устоять на ногах, они двигались к воде. Подоспевший отец, включившись в эту цепочку, приостановил сползание их вниз, в какой-то момент ему удалось ухватиться за фонарный столб. Порыв ветра ослаб, они все собрались вокруг столба. Улучили момент и вновь цепочкой, во главе с отцом, метнулись к ограде, а потом пропали в парковой зелени, изредка мелькая разноцветными спортивными куртками.

Сзади крепко захрустело. Я обернулся. Ураганом рвало два дерева. Заваливаясь одно на другое, а потом согласованно, будто в каком-то чудовищном танце, они вывернулись корневищами из земли и рухнули на три припаркованные рядышком машины. Послышался хруст ветвей, звон разбитого стекла. Стволы деревьев огромными ветвями накрыли автомобили и легли, как исполинские веники, забытые кем-то в разноцветном металлическом мусоре.

Была во всем в этот день какая-то несоразмерность. Стихия природы, сама природа не сдерживала своей огромности, великости своих сил. И это делало все то, что сотворено человеком, и самого

человека второстепенным, не главным, как он себя считал в своей самонадеянности.

Вокруг, кроме меня, никого не было. Одежда моя намочла. Я поднялся выше в город и рассеянно побрел по улице, удивленный тем, что видел и чувствовал. Чтобы как-то согреться, зашел в отель и, задумчиво глядя перед собой, вздрогнул. Передо мной, ссутулившись, сидел бронзовый... Владимир Набоков. Не веря, я вышел на улицу и прочел название гостиницы. «Монтре палас» – это, конечно же, была та гостиница, в которой, кажется, около шестнадцати лет в конце своей жизни жил Владимир Набоков.

Я знал, что похоронен писатель на кладбище в Монтре. Где-то в этом городе живет его сын, бывший певец, а теперь – переводчик.

Набоков, живя в Монтре, не писал. Все уже было написано.

Он собирал здесь бабочек. Человек без дома и без Родины. Писатель и умер в этой гостинице.

Сидящий напротив меня в холле металлический Набоков был крохотно мал в сравнении со своими делами, которые он свершил живой. Его как будто нарочно, с умыслом, уменьшили теперь, когда он уже ничего сделать не мог...

Подобное чувство было у меня, когда я впервые увидел фигурку Ломоносова, поставленную в центре нашей заводской площади в Новокуйбышевске. Наш первый директор завода очень хотела сделать как лучше, но привезенная из Москвы подростковая (по-другому не скажешь) фигурка великого ученого никак не соответствовала масштабам его великих дел.

Памятник тут же заводские остроловы прозвали «Местный главный специалист»...

Странно, в этом пустынно-загадочном городе, где ураган разогнал жителей по домам, я, никогда не страдавший от одиночества, а, наоборот, находивший в нем неотразимую прелесть, почувствовал себя сиротой. Как это бывало в детстве: ты много чувствуешь, знаешь, понимаешь, хочешь помочь, а тебя не принимают всерьез. Ты – никто. Что ты есть, что тебя нет – это твое личное дело. А то, что в душе твоей лежит, сокрыто то, что готово сделать нечто большое, – никому не надо, это недоказуемо. Если сейчас войти в гостиницу, подойти к администратору и сказать: «Я – русский», – то он, вспомнив, возможно, фильм, который вчера вечером был на одном из телевизионных каналов, будет смотреть на меня, как на тех, которые полуголые в вырезвители, матерясь, валялись поперек коек.

...В последнее время я слишком раним. А, оказавшись за границей, глядя издали, отсюда на нас, русских, которые там далеко

на огромных своих просторах все еще «выживают», стал необъективен? Не может быть! И там, на родине, и здесь, в одной из главных банковских столиц мира, я – русский. И думаю о нас – русских. В голове был сумбур. Я не смог с утра, а вернее, со вчерашнего вечера, еще прийти в себя после того, что увидел по телевизору.

В отличие от номера в Женеве, здесь, в Монтре, в «Виктории», в сотом номере, куда меня поселили, не было российского канала, к которому я привык и постоянно смотрел. Вчера на одном из 34 каналов я наткнулся на фильм о русских. Он был не на русском языке. Начала я не видел, но мне показалось, что авторы фильма – русские.

Фильм был о том, как мы пьем. Отвратительный фильм об одной из, кажется, неискоренимых наших дурных привычек. «Для них Россия, как матрешка. Каждый раз открываешь и каждый раз можно ждать сюрприза», – так в Женеве сказала нам наша улыбчивая переводчица-полька.

В этом фильме никаких сюрпризов от русских уже не ждали. В нем был поставлен крест на русских как нации. В фильме пили все. Дома пили. На поминках. На работе. На рыбалке. На стройке. На улице. В подворотне. Пили работяги, нищие, полковники. Пили помногу и тупо. Потом шли безобразные, скотские сцены в вытрезвителе. Женщины и мужчины были одинаково животными.

Пристегнули в конце фильма и шолоховского Андрея Соколова с его стаканом водки в немецком плену. Все в кучу. Было жутко и стыдно смотреть на нас таких и нестерпимо больно оттого, что с нами так могут обращаться. Смаковать нашу беду.

«Неужели мы так беспросветно погрязли в этом? Ну, хорошо. Мы давно уже не сверхдержава, да и раньше-то наша сверхдержавность строилась не на экономике, а на ядерном оружии. Бог с ним, двуполярным миром. Меньше уйдет сил на противостояние. Пусть США будут сверхдержавой. Так что же наш мир – будет однополярным? Живут же Швеция, Норвегия, даже Люксембург, не претендуя на лидерство. И довольны. Будет своя иерархия меж тех государств, которые стоят ниже. И они найдут в себе силу. Но культура, здоровый образ жизни – эти признаки нормальной жизни должны быть! Не все же мы пьем, и далеко не большая часть из нас. И не надо топить нас в вине и водке. Вкладывать в наше сознание, что мы уже ни на что не способны. Это просто кому-то надо». Так думал я ночью. Так сбивчиво думал и в этот странный день, наблюдая необычное действие природы в необычной для меня стране.

«С надеждой на мировую и мирную миссию ООН, но я – русский, и вера моя начинается с веры в мой народ», – так я записал в Книге

почетных гостей Организации Объединенных Наций 23 декабря, куда нас пригласили после награждений. Совершенно ясно, что модель двуполярного мира окончательно распалась. В русских силу уже не видят. После десятилетий разрушительных, большей частью экономических, реформ победил Запад. Претензия теперь на единоличное лидерство. США и Западная Европа ухватились за идею «глобального мира» – по сути, мирного распространения рыночного мирового капитализма. Остальные – за «многополярный мир».

А что остается делать? Теперь сделка будет определять все. Теория концентрического расширения Европы-НАТО, по которой вначале страны СНГ, потом по частям территории России должны объединиться под единым органом, не совсем уж и теория – в горячих головах она бродит как реальный план.

Россия стала окраиной Запада. Об этом я думал дома в России. Это приходит на ум и здесь, за границей. Окраина, но великая. Окраина, которая и в однополярном мире не позволит себя просто так кантовать, кому куда захочется...

Но для этого надо экономически укрепнуть. Надо успешно работать. Но разве наше поколение, поколение наших отцов не работало? Работало! Жизни целых поколений, результаты их деятельности были принесены в жертву чему-то абстрактному и всепоглощающему. Мне порой начинало казаться, что я вот хожу по чужой земле, смотрю, а мои земляки, мои россияне, глядят на меня из своего далека, а те, кого уж нет на земле, смотрят на меня сверху, из этого бездонного, синего, ничейного, огромного неба и ждут от меня чего-то такого, что я должен обязательно сделать. А может, понять для себя, может, сказать слово...

Огромность неба своей бездонностью и неохватностью всего того, что в нем сейчас отражалось и глядело на нас, живущих, давило... Казалось, все, что было с моими отцами и дедами, все каким-то образом закрепленное, зафиксированное, приумноженное – посылало мне какие-то знаки...

У меня побаливала голова и я чувствовал себя разбитым. Я вновь зашел в холл гостиницы. Зачем-то подошел снова к скульптуре сидящего в задумчивости монтрейского старца. Сколько еще осталось за властными языковыми опытами, прихотливой игрой с читателем, аристократизмом, каламбурами. Где вымысел, а где сама жизнь? Почему-то более всего удручал меня факт его жизни в гостинице в течение последних шестнадцати лет...

Как вам жилось здесь, маститый писатель, на чужбине, пусть и прекрасной? Как вы выживали на Западе, русский человек? Многое известно о вашей жизни. Но сколько всего осталось втуне! Ведь

выживать всегда досадно. Я сел в кресло напротив, слева от входа. Мысли путались, я не пытался их привести в стройный порядок. Меня удручал тяжеловесный вывод: русский народ всегда находился в режиме выживания.

...Подойдя к администратору, я зачем-то попросил сфотографировать меня около Набокова. Элегантный и услужливый молодой человек исполнил мою просьбу. Я поблагодарил и вышел, не зная, куда деть себя со своими мыслями. Вспомнил, что где-то неподалеку есть город Вивей, в котором жил наш Федор Михайлович Достоевский, работая над «Идиотом». В Вивее у него родилась и умерла дочь. На доме должна быть мемориальная доска. Я взял было уже такси, намереваясь наугад махнуть от неприкаянности в Вивей, но, почувствовав перегруженность от всего, увиденного за день, и слабость (кажется, была повышенная температура), попросил шофера довезти до гостиницы.

...Минут через двадцать мы подъезжали к подъезду «Виктории». Расплатившись с таксистом, я направился в номер. С левой стороны гостиницы лежало вывороченное с корнем огромное, метровой толщины, дерево. Корни его вздыбились над ямой, похожей на громадную воронку. Время было обеденное, но электроэнергии еще не было и кормить нас в ресторане было нечем.

...Вечером, когда восстановили подачу электроэнергии, по телевидению сообщили о первых жертвах в Альпах – погиб ребенок. После пошли страшные сообщения: в обвалах во Французских Альпах погибло 26 человек. Затем уточняли цифры, но число жертв трагически росло.

Таким оказался второй день католического рождества. Ночью опять не спалось. Пришла мысль, что надо бы написать небольшую повесть о том, что чувствует русский в подобных командировках. Не давали успокоиться те чувства, которые я испытывал, посмотрев фильм о пьянстве. Я понял, что напишу эту повесть. И название пришло: «Записки провинциала».

А под утро написал стихотворение «Утренний свет», о котором и не помышлял.

*Кóлки мои и мои перелесья,
Лица моих земляков в поднебесье,
Лица живых земляков! И поныне
В сердце моем к вам любовь не остынет.
Зной над равниной и тень чернолесья –
Все уместилось в сердечную песню.
Русичи, где мы?! Какими мы стали?*

*Колки мои и равнины устали
Ждать возвращенья былого усердя.
Вялость душевная хуже ведь смерти.
Дух наш восстанет, я верую свято,
Будут поля и поселки опрятны.
Будет в душе не разврат, не смятенье,
Снова придут и покой, и уменье.
Радость придет. Без нее не бывает
Жизни цветущей. И тень побеждает
Утренний свет. Над моею равниной
Сумрак уходит. И разум былинный
Крепнет и крепнет. На подвиг великий
Благословляют нас светлые лики!*

Весь следующий день это стихотворение не выходило из головы. Состояние было приподнятым. Будто я обрел новые силы. И знал, как их тратить и на что...

...О повести не забыл и еще утром добросовестно начал записывать в блокнот все, что видел в комнате. Потом подошел к окну, стал искать мелкие подробности. Вновь прислушиваясь к себе, понимал, что все это может оказаться тем самым строительным материалом, из которого способно вырасти то, что пока неведомо мне... Но что-то очень нужное...

...Я посчитал и оказалось, что побывал в пятнадцати странах. Разные были цели поездок. Деловые, туристические. Были поездки: в Париж, Рио-де-Жанейро, связанные, как теперь, с получением международных наград. Во время этих поездок за границу написалось всего одно стихотворение – «Матери». В Нью-Йорке, в гостинице «Веллингтон», оно приняло свой окончательный вид. А «пробормотал» я его в томительном долгом ожидании отложенного рейса «Боинга» в аэропорту Шереметьево-2:

*Как хлебную корку,
В далеком Нью-Йорке
Я память о нашей
Утевке храню.*

Потом, в гостиничном номере, я по сути ничего не мог существенного добавить к тому, что пришло в ожидании самолета. И меня тогда сильно поразило то обстоятельство, что свои чувства и ощущения, которые потом были у меня, впервые прилетевшего в Америку, один к одному легли на уже написанное. Все было предвосхищено еще там, на Родине. Тогда, помню, впервые подумал о том, что, как бы это точнее сказать, пишущий человек тем проникновеннее и ярче пишет, чем больше он закомплексован на чем-то. В этом случае срабатывают

неведомые силы на иррациональном, рефлекторном уровне, как родниковые воды, они подпирают, а уж выйдя наружу, попадают в русло, которое зависит от очень многого, в том числе, конечно, и от владения ремеслом, в самом лучшем смысле этого слова!

...Рейс номер 272 «Женева-Москва» отменили. Прибыв 27 декабря в аэропорт «Женева», мы сели было в самолет, но, просидев около часа, получили вежливую команду выгружаться. Оказывается, перед самым взлетом, уже при работающих двигателях, командир экипажа обнаружил утечку из топливных баков керосина. Как нам потом говорила бортпроводница, керосин протекал по крылу до фюзеляжа. Фирма «Люфтганза», продавшая американский самолет нашему «Аэрофлоту», выслала для ремонта своих представителей. Наш рейс задержался ровно на сутки. Среди пассажиров гуляла кислая шутка, которую вроде бы обронил командир экипажа: хорошо, мол, что утечку обнаружили на земле, а не в воздухе. Негде было бы дозправиться.

Меня лично как-то не очень беспокоили возникшие неудобства. Я думал о своей повести, и мое внешнее спокойствие, раздражающее попутчиков, моя неактивность в переживании возникшей ситуации с задержкой вылета были мне просто необходимы.

Внутреннее волнение от зародившегося замысла заслоняло многое, если не все...

Марианна Дударева

г. Москва

д.ф.н., заведующая кафедрой общей и славянской филологии
Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина

ИЗБЯНОЙ КОСМОС АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО

Когда мы пишем о традиции в чем-либо творчестве, то мы должны придерживаться двух положений. Во-первых, следовать за кем-то, копировать чей-то стиль в русской культуре, которая основана на *вертикальной трансмиссии*, на сакральном акте передачи знаний от деда внуку, не является художественным преступлением и низким признаком поэтики. У каждого поэта должен быть свой *вечный спутник* (выражение критика Д.С. Мережковского), фигура которого особенно актуальна на ученическом этапе творчества, но может остаться с ним и на всю жизнь, как, например, А.С. Пушкин – для Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчев – для Н. Рубцова. В литературоцентричной России важна преемственность и традиция, которую здесь понимаем в значении *предания* (по А.Н. Веселовскому). Во-вторых, художник слова вступает в диалог с этой традицией, или, вернее, с ее формами, усовершенствует ее, обогащает и развивает уже то, что было сделано до него. В этом отношении показательно неожиданное в аспекте нашей темы замечание фольклориста В.А. Смирнова о проявлении фольклорной традиции в

авторском творчестве: традиция может принимать разные формы, но эстетическая и сакральная сила мифа, народного искусства передается автору, который в тот или иной период истории ответственен за свой народ [7, с. 4].

В наше цифровое время с развитой цифровой памятью, почти не имеющей пределов, кажется, так легко сохранить традицию. Однако пространство digital memoire еще не прибрано, в нем *смешались кони, люди*, низ и верх часто меняются местами, и дело государства, государственных мужей – навести порядок в литературе и культуре, с одной стороны, но, с другой стороны, и сам поэт должен выбрать правильную художественную дорогу и открыть ее перед читателем, чтобы тот не блуждал в *цифровом лесу* до конца дней. Период постмодернизма приучил нас к тому, что все может быть дозволено: черное выдано за белое, творец превратился просто в автора, а читатель имеет право на любую игру с текстом. Однако для подлинно русской художественной словесности характерен *инстинкт культуры*, который невозможно обойти стороной, и тогда не получается обмануть читателя. Так, в сборнике современного поэта А.С. Малиновского «Окошко с геранью» (2006) обращает на себя внимание одно стихотворение, которое имеет такое же заглавие, как у книги, и, очевидно, составляет ее центр:

Матица с крюком над зыбкой скрипела,
 Матушка песни сердечные пела.
 Детство давно уж мое отзвенело,
 Матица в доме свое отскрипела.
 Выпорхнул, встал на крыло и умчался,
 Шарик земной небольшой оказался.
 Все-то мне кажется раннею ранью,
 Матушка смотрит в окошке с геранью:
 Где я, какой я и песни какие
 Нынче пою, в наши годы лихие?
 Матица с крюком над зыбкой скрипела,
 Матушка песни сердечные пела...

[6, с. 57]

Простое по форме произведение, почти детское, заставляет задуматься над образом *окошка с геранью* (разговорная форма, видимо, специально выбрана поэтом). Однако прежде, чем придем к главному, обратим внимание на некоторые есенинские интонации в стихотворении. А.С. Малиновский не просто ценил поэзию С.А. Есенина, но и глубоко ее понимал, о чем свидетельствуют его дневниковые лирические наброски, которые издает его семья, дочь и супруга,

отдельным изданием и которые включены также в собрание сочинений. Философской глубиной понимания русской литературы обладает раздел «Мысли на ходу». Для современного поэта Сергей Есенин – народный большой художник, гений, который сумел слышать голос своего народа и передать его красоту через образы природы и деревни. А какие темы важны для русского человека? Корневым является образ матери, который неразрывно связан с образом дома. И оба имеют онтологический характер.

Окунаясь в мир своего детства, осознанно анализируя свою прожитую жизнь и как бы отматывая ее назад, лирический герой возвращается к истокам, не просто в свой дом, а в колыбель, в которой он лежал и слушал *сердечные песни* своей матушки. Здесь сразу вспоминаются два ранних есенинских стихотворения «Матушка в купальницу по лесу ходила...» (1912) и «Разбуди меня завтра рано...» (1917). Кажется, что сюжетно эти тексты никак не связаны со стихотворением Александра Малиновского, но на внутреннем уровне показательно, во-первых, ласковое, трепетное обращение к матери как к *матушке* (в этом слове есть некоторая торжественность), и сам миметический момент, то есть сакральное припоминание, связан с пространством дома, избы и миром раннего детства. Во-вторых, поэты как бы желают разгадать тайну своего рождения, вернуться в начало судьбы, и именно поэтому у А. С. Малиновского лирический герой сначала оказывается в зыбке, подвешенной к *матице*, то есть главной балке, конструкции, скрепляющей избу.

В народных поверьях мать и матица вовлечены в одно семантическое поле в русском языке. По тонкому наблюдению фольклориста Н. Криничной, матица в системе знаков-символов русской избы обозначает череп жилья, связана с верхом человеческого тела, условно небом, наделена высоким семантическим статусом [5, с. 117]. Значит, лирический герой в стихотворении «Окошко с геранью» не просто отматывает свою жизнь, как киноплёнку, до детских лет, а доходит до той поворотной крайней точки, когда он пришел в этот мир *оттуда* и воспринимал его еще на *дорациональном* уровне, то есть в нем осуществлялась жизнь *сердечная (матушка песни сердечные пела)*, а не *головная*. Связь ребенка с тем светом опять-таки выразительна в нашей художественной культуре: дети пришли только *оттуда*, и им *иномир* ближе и понятнее, чем нам, на что обратил внимание О. Э. Мандельштам («мы в детстве ближе к смерти, чем в наши зрелые года»). Парадоксально, но на образе матицы, центральной балки, осевой для избы, держится и архитектоника стихотворения А.С. Малиновского: детство отзвенело, жизнь прошла, матица отскрипела, то есть

выполнила свои функции и тоже как бы разрушилась. По народным представлениям, матицу трогать нельзя топором, если ее задеть, повредить, это будет равноценно смерти дома. То, что в фольклоре выражено явно, в поэзии может быть имплицитно представлено. И здесь не случаен образ земного шара, с которым поворачивается и жизнь лирического героя, вернувшегося к своим истокам. «Символика, связанная с матицей, некогда включилась не только в анатомический, но и в космологический код крестьянского жилища» [5, с. 118]. И этот космологический код передается нам современным поэтом, чей лирический герой возвращается уже не просто в детство, это было в начале стихотворения, а в момент *до рождения*, что выражено в странном с точки зрения языка выражении *ранняя рань*. Однако именно это апофатическое состояние, вневременное по своей сути, отсылает нас и к поэтике Сергея Есенина с характерным *предрассветным, синим, ранним*, в котором осуществляется встреча с Другим (стихотворение 1925 года «Листья падают, листья падают...»). Но здесь также можно говорить и о фольклорной формуле раннего вставания: для русского человека вставать с петухами, *предупреждать зари восход*, как это делает Татьяна Ларина, является правилом жизни, настоящей корневой, которую он проживает по законам космического цикла. И лирический герой стихотворения современного поэта осознает свою жизнь, не сидя на диване или в уютном кабинете, а вставая рано, останавливая тем самым ход самого времени, поскольку формула *рано* связана с началом новой судьбы [2].

Парадоксален с точки зрения пространства нравственный выбор лирического героя, который оказывается в конце жизни не в избе, а за ее окном, на что косвенно указывает предположный падеж: матушка смотрит не в окошко (куда?), а смотрит (смотрится) в окошке (то есть – где?). Это я (лирический герой) ее вижу с улицы в окошке с геранью, и в этом есть некоторая живописность, своего рода *экфрасис*, как в цветах на подоконнике С. Есенина (стихотворение «Форма»): «Цветы на подоконнике, / Цветы, цветы. // Играют на гармонике, / Ведь слышишь ты...». И эти цветы (у обоих поэтов) являются символом разделения мира на *свое* и *чужое*, древнее, бывшее и новое, неизведанное. Лирический герой выбирает оказаться за окном, узнать новую жизнь, но при этом не отказывается от прожитого и пережитого – в этом закон поколений, который соблюдает русский народ, что, кстати, прекрасно показал писатель В. Распутин в повести «Прощание с Матерой» [1]. За окном не так уютно и комфортно, поскольку это пространство не освоено, оно чужое и потенциально опасное, но герой А.С. Малиновского должен духовно расти и пройти свою инициацию, чтобы новым человеком вернуться к своим корням перед

смертью. Русский человек до парадоксальности любит это *закононое* пространство, любит оказаться в *поле-море*, снежном и голом, чтобы к Богу ближе быть. Так, у другого современного поэта Валерия Дударева в одном из ранних стихотворений наблюдаем такую же ситуацию выбора, связанную при этом с образом окна и дома:

Бывает: метель закрутит!
Сидишь за чайком в тепле.
Думаешь: где-то люди
По снежной бредут земле.
Бывает: метель закрутит!
По снежной бредешь земле.
Думаешь: где-то люди
Сидят за чайком в тепле.

[3, с. 96]

Стоит сказать, что в поэтике Александра Малиновского образ окна имеет *онтологический* статус и связан с судьбой, экзистенциалом ночи:

Я любить не устану,
Много сердцу дано.
На ночном полустанке
Приоткрою окно.
В лунном свете неровном
Слышен с белых полей
За сугробом дородным
Скрип далеких саней.
Сколько жил я, не помню
И считать не берусь,
Весь тобою заполнен,
Моя матушка-Русь.

[6, с. 70]

Есенинские интонации здесь уже проявляются открыто: лирический герой не просто любит родину, он готов за нее умереть. Когда мы наполняемся Другим (у А. Малиновского это матушка-Русь), тогда мы сами умираем, поскольку трансцендировать за пределы своего «Я» невозможно, не преодолев своей земной эгоистической сущности. Открытое окно как портал в Иное, в вечное. В этом семиотическом жесте кроется *воля к сакральному*, желание быть бессмертным: не важно, сколько я прожил дней, важно то, что я сделал для России. И скрип далеких саней есенинских («Слышишь – мчатся сани...»), пушкинских («Зимняя дорога»), гоголевских (Русь-тройка мчится и не дает ответа, а только порождает *вопросы-вопрошания*) с *белых снежных полей*

(танатологический символ в отечественной культуре [4]) слышится в сакральный час герою и, думается, самому поэту, выросшему в русской избе в селе Утевка Нефтегорского района Самарской области и явившему нам, цифровым, метафизически глухим, поэзию избяной Руси-России.

-
1. Галиева М. А. Власть земли. Фольклорная традиция в творчестве С. А. Есенина и В. Г. Распутина // Традиционная культура: науч. альм. 2014. № 3. С. 28–37.
 2. Галиева М. А. Фольклорные формулы в поэтике раннего С. А. Есенина (формула «встану рано») // Научный диалог. 2016. Т. 49, № 1. С. 141–148.
 3. Дударев В. Ф. Интонации. М.: Художественная литература, 2010. 192 с.
 4. Дударева М. А., Арипова Д. А. Лексико-семантическое поле «зима» в поэзии Валерия Дударева: апофатика метели // Казанская наука. 2023. № 11. С. 149–151.
 5. Криничная Н. А. Матица – слово, образ, символ // Русская речь. 2014. № 4. С. 116–121.
 6. Малиновский А. С. Окошко с геранью: Стихи. Самара: Самарское отделение Литфонда России, 2006. 176 с.
 7. Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. 233 с.

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ О КОНКУРСЕ

Представленные на конкурс «Экология души – 2026» работы примечательны тем, что в одних произведениях авторы бережно и с горячей душой относятся к заявленной теме, хотя литературное письмо их отличается порой наглядной неумелостью. Тогда как в других вещах чувствуется достаточно смелая авторская рука, но восприятие высоких понятий оказывается, скорее, дежурным. Это касается прозы.

В поэзии все более очевидно, нежели в прозаических текстах. Иной раз неверное слово губит весь сюжет, а легкость версификации часто убивает благие порывы автора и «гасит» заявленную им тематику. Отсутствие реальных примет окружающего мира разрушает связь между читателем и стихотворцем.

Эти вполне распространенные изъяны творчества литераторов-любителей в нашем случае успешно преодолевались в материалах поэтов и прозаиков, попавших в число лауреатов. Отчетлива художественная разница при сопоставлении текстов «лучших» и «не лучших». Так было и в прошлом году. Мы видим, что конкурс становится хорошим инструментом не только в поиске талантливой литературы, но и в благородном деле поддержки начинающих писателей. Что касается авторов опытных, то их участие в самарском конкурсе становится безусловным репутационным приобретением города Самары.

Отдельно стоит упомянуть эссеистику. Часть работ написана в жанре комментария к творчеству А. Малиновского, но самые удачные оттапливаются от его творчества и развивают изначальную тематику вполне индивидуально.

Думаю, что конкурс «Экология души» в 2026 году творчески состоялся, а его авторский актив с каждым годом становится все шире.

**Писатель, литературный критик, член Союза писателей России,
председатель Совета по критике Союза писателей России,
заместитель директора – главного редактора журнала «Подъем»
Вячеслав Лютый (Воронеж)**

В творчестве победителей нет. Другое дело – результаты этого творчества. Древнегреческий мудрец искренне аплодировал слабому музыканту не за то, что тот играл из рук вон плохо. А за то, что этот человек выбрал музыку. Вместо какой-нибудь скользкой дорожки. Участники Всероссийского литературного конкурса «Экология души» 2026 года занимаются творчеством. И это уже экология души! Результаты этого творчества радуют. Я с большим интересом и удовольствием погружался в конкурсную прозу. Впечатляют многие произведения, где авторы как бы стоят за кадром, их незримой волей действуют персонажи. Однако самым настоящим открытием стала для меня поэзия участников конкурса. Если в стихах большинства юных и молодых авторов сверкают алмазные россыпи, то поэзия зрелая восхищает своими бриллиантами. Тем труднее было отдавать кому-то предпочтение...

***Поэт, член Союза писателей России
Сергей Еремеев (Москва)***

Каждый раз, когда организаторы конкурса «Экология души» приглашают меня стать участником этого удивительного процесса – прочитать и попытаться оценить произведения конкурсантов, я испытываю одновременно неловкость и радость. Неловкость и сомнение от того, что «кто я?» чтобы оценивать творчество людей, пишущих стихи, рассказы, повести, эссе, имею ли я на это право. Но при этом каждый раз я очень рада, что могу прикоснуться к чему-то новому и интересному, познакомиться через слова с новыми людьми, с их чувствами и восприятием мира.

В этом году как никогда были прекрасны произведения поэтов. Стихи простые и сложные, лиричные и патриотичные, такие разные, но самое главное – все искренние. Вот именно «искренность» – это то, что отличает этот конкурс, то, чем были наполнены произведения Александра Станиславовича! И так же искренне я благодарна организаторам конкурса «Экология души», особенно Юлии Александровне, за то, что каждый год дается шанс авторам (важно, что и совсем неизвестным) представить свои произведения, а мне лично – удовольствие и счастье познакомиться с их живым творчеством.

***К.т.н., доцент кафедры «Химическая технология
и промышленная экология» СамГТУ, руководитель
экологического клуба «Жизнь» СамГТУ
Алина Копнина (Самара)***

Александр Станиславович Малиновский хорошо знал, что такое счастье. Счастье – это проснуться утром и не сразу понять, что ты дома, в Самаре, а не сплавляешься в лодке по реке Самарке. Хотя и Самарка – это тоже счастье, – и Самарка, и лодка, и Утевка, и те самые сны, которые были с ним всю его жизнь. Еще счастье – идти в институт читать лекцию и знать, что потом, после лекции, ты снова придешь домой, сядешь за любимый рабочий стол, откроешь неоконченную рукопись. Каждая буква – маленькое счастье, а если их десятки, сотни?.. Он создавал это счастье своими руками, каждодневным трудом, вниманием, негромким голосом, который звучит и будет звучать в памяти всех, кто его знал. Стоит только взять с полки любую из его книг, открыть наугад на любой странице...

Быть рядом со счастливым человеком – значит прикоснуться к счастью. Такими прикоснувшимися к счастью Александра Станиславовича Малиновского представляются мне и участники сегодняшнего литературного конкурса «Экология души». Для кого-то это прикосновение, может быть, первое и почти случайное, нечаянное, для кого-то – ожидаемое и чаянное даже очень. Это прочитывается с первых же слов и строчек, потому что в словах и строчках – некуда спрятаться и трудно выглядеть не таким, каков ты есть на самом деле. Но в чем я почти убежден: и в том, и в другом случае эта встреча и общение сегодняшних авторов со счастливым человеком Малиновским не пройдет для них бесследно, даром. Хочешь быть настоящим – коснись настоящего, Хочешь понять, с чего начинается счастье, – спроси об этом человека, который это твердо знал.

***Д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета, директор музея-усадьбы А. Толстого, Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького
Михаил Перепелкин (Самара)***

В лучших произведениях, представленных на конкурс «Экология души», проводимый уже в третий раз, личное, не теряя черт индивидуальности, ее неповторимых признаков, стремится к обобщению социокультурного и духовного опыта поколений, где собственное «я» автора отзывается на чужую боль равно как на свою, где всякое душевное движение невольно сверяется с определенными идеями, выстраданными в исторических потрясениях. Идет поиск широкого единения, потребность в котором ныне ощущается довольно остро.

Это тем более важно потому, что многие современные читатели далеко не всегда способны обнаружить свои сущностные связи с миром.

И ждут от писателей не теоретических построений или эпатажно-скандальных выходов, а вдохновенно-проникновенного слова о самых сложных и насущных проблемах современности. И когда такое слово звучит, произведения обретают высокий смысл и свое оправдание в жизни. К сожалению, происходит это не часто в потоке литературных мнимостей, отмеченных вместе с тем многими приметам словесного искусства. Они способны оказать серьезное воздействие на сознание читателя, заблокировать его самостоятельные, нравственные и гражданские искания. Многие участники конкурса пытаются, и подчас безуспешно, противостоять этой тенденции.

Нельзя не сказать и о том, что уже сложившаяся конкурсная традиция стала импульсом к новым исследованиям наследия Александра Малиновского. Среди них можно назвать статьи:

«Есенинская традиция в поэтическом мире А.С. Малиновского». Казанская наука, №11, 2025. С.425–428, авторы: М.А. Дударева, В.И. Могузова, Н.В. Новоселова;

«Лексико-семантическое поле «свет» в сборнике А.С. Малиновского «Окошко с геранью». Казанская наука, №7, 2025. С. 286–288, авторы: М.А. Дударева, А.С. Митронова, Т.С. Яковлева;

публикация С.В. Семенова «Радостная встреча» А.С. Малиновского как первоисточник поиска и описания икон Григория Журавлева (Двадцать девятое Иоанновские чтения. ООО «Научно-технический центр», г. Самара, 2026. 183 с.) и доклад М.А. Дударевой «Фольклорная традиция в современной поэзии (о творчестве Александра Малиновского)» на научно-практической конференции «Без корней и трава не растет: христианские ценности русского фольклора» (в рамках XXXIV Международных Рождественских образовательных чтений).

И есть все основания полагать, что у конкурса «Экология души» – хорошие перспективы дальнейшего общественно-творческого развития.

***К.ф.н., доцент кафедры дошкольного образования
Самарского государственного социально-педагогического
университета Алексей Молько (Самара)***

Сегодняшний мир выдерживает одновременно две атаки: на экологию природы и душу человека. А может быть, на душу природы и экологию человека. Тьма, что была противопоставлена свету с первого дня творения, теперь не просто отравляет природу и искушает человека: она порывается лишить мир естества, извести в нем и природное, и человеческое.

Наш конкурс – это контрастование на тьму, умножение света. Это высаживание «леса души» и возделывание «сада природы». Наши участники делают миру «прививку слез», но не слез горести и отчаяния, а слез очищения. Тех слез, что омывают раны земли.

Наш конкурс – о сохранении дома, в котором душа и природа неразлучны.

***Писатель, литературный критик, член Союза писателей
России, к.ф.н., доцент Оренбургской духовной семинарии
Михаил Кильдяшев (Оренбург)***

Конкурс «Экология души» для современной словесности – событие чрезвычайное. Он неподвластен литературным модам, независим от творческой конъюнктуры, то есть – самодостаточен. При этом год от года растет количество его участников, и голос каждого в расширяющейся вселенной конкурса звучит по-особому.

В наиболее запоминающихся произведениях до предела обнажен один и тот же мотив поиска всепримиряющей гармонии. Путь к ней лежит через обжигающие душевные испытания, которые проходят не только герои, но, прежде всего, авторы. Это трудная дорога не для массовых шествий, по ней всегда идут в одиночку. И индивидуальный опыт здесь становится творческой проекцией тысячелетнего движения человечества от хаоса к космосу, от тьмы невежества к светоносной правде.

***К.ф.н., член Союза журналистов РФ,
главный редактор журнала «Технополис Поволжья»,
начальник управления пресс-службы и информации СамГТУ
Максим Еремин (Самара)***

Эссе – один из сложных жанров, который предполагает, кажется, полную свободу выражения. Однако эта свобода должна принадлежать не пишущему «я», а миру. Автор не должен сковывать этот мир, выдвигать к нему требований, он должен позволить ему быть и заселить свое творчество.

Некоторые эссе о жизни Александра Малиновского поразили тем, что наш герой наполнил, заселил чистыми мыслями чью-то другую жизнь, и эта жизнь открылась самому человеку иначе. Авторы эссе и очерков о Малиновском вышли навстречу другому и мир засиял для них.

***Писатель, литературовед, фольклорист,
доктор культурологии, д.ф.н., профессор кафедры общей
и славянской филологии Института славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгина
Марианна Дударева (Москва)***

Чистая и чудесная радость – читать, рассматривать с разных сторон, как травинку в поле или цветок, как перламутровое облако в широких небесах, каждое произведение, присланное на Всесоюзный литературный конкурс им. А.С. Малиновского «Экология души». Прежде всего это радость открытия: удивительно, как человек видит мир, как искренне, трогательно он любит его, живой и неповторимый, уходящий от нас и опять возвращающийся к нам, – так же, как и мы, продолжаясь в потомках наших, возвращаемся к нему; как нежен и внимателен человек к ходу Времени, как плачет он над прошлым и страстно надеется на будущее! Память – жизнь, живое – природа – душа и сердце – вот аспекты, вот акценты, которые надо было расставить каждому автору в своих сочинениях; но творчество таково, что оно вырывается из рамок, из начерченных карт, из обозначенных лоций, и устремляется прямо в открытый Космос. Таковы были поэзия, проза и эссеистика на конкурсе имени Малиновского 2026 года – в их лучшем, высшем изводе. Поэтому моя радость читателя-исследователя сопоставилась внутри меня, в тайниках моего внутреннего мира, с радостью художества, созидательного начала. Читая присланные на конкурс тексты, я думала о великой жизнеспособности русской литературы; о живом продолжении ее славных традиций; о нащупывании непроторенных путей-дорог; о завтрашнем дне, ибо конкурс дал огромную возможность высказаться молодому поколению (стихи, проза и эссе авторов от 14-ти до 35-ти лет). Поздравляю всех, кто участвовал в конкурсе! Поздравляю и поддерживаю замечательную команду жюри! Дай Бог конкурсу стать традиционным, продолжаться

в пространстве-времени и стать заметным явлением русской литературы и русской культуры!

***Поэт, прозаик, искусствовед, лауреат российских и международных литературных премий, член Союза писателей России, член Российского Союза профессиональных литераторов
Елена Крюкова (Нижний Новгород)***

Такое ощущение, что наметился сдвиг в интересе не только к себе и к тому, что со мной происходит, но и к людям: а что с окружающими меня людьми? Еще недавно в пору было говорить о некоем «литературном эгоизме», который, разумеется, является отражением нашей жизни. И вот – такое ощущение – что-то сдвинулось. Заметнее всего, мне показалось, это в прозе и, конечно, в литературоведческих работах, что особенно радостно. Да многое вообще радостно: столько прекрасных открытий для меня как редактора «толстого» литературного журнала сделал этот конкурс! Пусть эта радость длится и ширится.

***Писатель, председатель Правления Самарской областной писательской организации,
Александр Громов (Самара)***

Начал читать присланные на конкурс произведения – и почти сразу окупился в океан любви, доброты, сострадания.

Рожденный три года назад, конкурс продолжает жить, набирая силу, напоминая всем, как мы нуждаемся в единении с природой, в прикосновении к прекрасному, в надежде и вере, что мы не одиноки в нашем желании творить добро и дарить людям частицу своего тепла.

А иначе зачем же тогда мы вообще пришли в этот мир?»

***Главный библиограф краеведческого отдела Самарской областной универсальной научной библиотеки, советник Комитета по культуре, спорту и молодежной политике Самарской губернской думы, член Совета по культуре и искусству при губернаторе Самарской области
Александр Завальный (Самара)***

ГРАН-ПРИ КОНКУРСА «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 ГОДА

«За глубокое и оригинальное истолкование
творческих исканий Александра Малиновского»

Анатолий Логинов

г. Санкт-Петербург

ЧЕРТЕЖ ЦЕЛОСТНОСТИ: ИНЖЕНЕРНОЕ СЛОВО И ЭКОЛОГИЯ ДУШИ АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО

Эссе

От педагогической формулы – к личности-синтезу

За двадцать лет работы в университете и в школе я слышал одну «формулу» чаще других: «Сильный математик редко бывает поэтом». Но вместо того чтобы вступать в спор, я предпочитал присматриваться – к детям, к студентам, к их особому складу ума, к тому, как в одном человеке могут уживаться, казалось бы, противоположные способы познания мира.

Постепенно меня стал притягивать не сам спор, а те, кто молчаливо его опровергает, – люди, для кого профессиональная точность и нравственное чувство не противостояли, а усиливали друг друга. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), соединявший в себе хирурга-виртуоза и глубокого пастыря, стал для меня первым таким маяком. Позже этот ряд пополнился именем Александра Станиславовича Малиновского – инженера, ученого и писателя, в судьбе которого

цельность мышления проявилась с удивительной полнотой. Это не список профессий. Это свидетельство единого способа быть в мире. Открыв его «Радостную встречу», я увидел, как в одной точке сходятся линии, обычно расходящиеся: память и прогресс, чертеж и душа.

Размышляя о наследии Малиновского, я понял: «экология души» у него – не красивая метафора, а проектируемое состояние внутреннего равновесия. Состояние, в котором разные дары не дробят личность, а, как в точном механизме, работают на общую цель – ответственность.

Единое пространство мышления: дисциплина как форма честности

Цельность Малиновского – не в сумме достижений, а в единой интенции, пронизывающей и расчет, и слово. Его инженерная дисциплина – это внутренняя установка, которую он переносит на прозу. Здесь нет случайных деталей: каждая подробность либо несет смысл, либо держит равновесие повествования, как расчетный узел в конструкции.

Он избегает приблизительности – в факте и в интонации. Такое письмо рождает доверие: читатель верит рассказчику, как верят инженеру, чей расчет проверен опытом. А опыт у Малиновского был двойной: ответственность за технологический процесс и память о деревенском мире, где вещи не лгут.

Эта двойная честность – перед формулой и перед жизнью – и есть почва его «экологии души». В романе «Зеленый чемодан» это проявляется в виде тревоги: *«Все скоро подчинится тому, что отделяет, уносит нас дальше и дальше от природного к синтетическому»*. Позже, в повести «Колки мои и перелесья», диагноз станет жестче: природа *«потеряла способность самовосстанавливаться... Человек остается в одиночестве со своим столь агрессивным разумом»*. Его мышление – это постоянный поиск меры там, где прогресс ее утрачивает.

Текст как исследование: документальность – это нравственная позиция

Повесть «Радостная встреча» – лучший пример того, как инженерный метод становится художественным. Это не просто рассказ об иконописце Журавлеве. Это протокол воскрешения памяти, выстроенный как научное изыскание.

Малиновский фиксирует детали с бесстрастной точностью: *«Икона средних размеров, исполнена масляными красками на обычной доске, размером 26х31 см»*. Это не поэзия – это техническая спецификация, призванная исключить ошибку восприятия и забвения. Дословные цитаты писем, точные отсылки к архивным источникам («Самарские губернские ведомости» №5 от 16 января 1885 года) создают эффект неоспоримой достоверности.

Сюжет движется как алгоритм: находка – гипотеза – поиск – доказательство. Даже личная неудача описана без сантиментов, как экспериментальная погрешность: *«Я привез за сто верст съёмочную группу... и ничего не могу сделать»*. Эмоция здесь не цель, а часть исследовательского процесса.

Документальная точность для Малиновского – это высшая форма уважения к предмету. Будь то судьба человека или формула катализатора, честность перед фактом становится краеугольным камнем его «экологии души». Это нравственный императив, рожденный на стыке лаборатории и поля.

Природа и память: где «экология души» обретает плоть

В произведениях о природе и малой родине («Под открытым небом», «Красносамарские родники», «В плену светоносном») синтез мышления Малиновского проявляется с особой силой. Здесь инженер-наблюдатель и поэт-созерцатель работают в унисон.

Он описывает заволжские степи, регенерацию дубрав, повадки птиц не как лирические картинки, а как живую систему, где все взаимосвязано. Его описания – это своего рода естественнонаучные отчеты, написанные с любовью. Вспомним цаплю: *«Судьба белой цапли – плата за ее красоту. Природа наградила эту птицу необычайно красивым и оригинальным оперением»* (повесть «В плену светоносном»). Или кулика-сороку, из той же повести: *«Эта птица, на которую природа не пожалела сочных красок, но не придала статности»*. Это взгляд натуралиста, фиксирующего диспропорции в «конструкции».

За этой точностью – экзистенциальная тревога. Описывая чудо вишен, цветущих под снегом, он видит в этом не только красоту, но и сбой: *«Все увядало, замерзало на глазах, совсем неожиданно, случайно. Пропадала логика явлений в природе: вначале тепло спровоцировало буйное цветенье, а потом природа сама себя и губит («Колки мои и перелесья»)*. «Экология души» здесь напрямую связывается с экологией среды: разрушая внешнюю гармонию, человек прежде всего губит свои внутренние опоры. В повести «Под открытым небом» этот мотив звучит с первой строки – от древнего моря, на месте которого раскинулось село, до сегодняшнего дня, где открытость небу становится метафорой духовной незащищенности и одновременно стойкости.

Корни как система: деревня – это не прошлое, это фундамент

Деревенское детство в Утевке – не просто биографический факт для Малиновского. Это исходный код его личности, система координат, в которой сформировались его этика и тип мышления. В его прозе деревня – это не ностальгический образ, а сложный социально-природный организм, живущий по своим законам равновесия.

Герои, выросшие из этой почвы, несут в мир индустрии ее нравственный геном. Он пишет о *«детях крестьян – интеллигентах... духовно связанных со своим деревенским прошлым»* (роман «Совмещение»). На них, по его мнению, лежит «особая миссия» – быть буфером, проводником, переводчиком между логикой земли и логикой машины. *«Они не могут безоглядно вредить земле»,* – заключает он. Автобиографический поиск собственных корней (польский отец, пропавший на войне, сорокалетние розыски) лишь усиливает эту тему: цельность личности начинается с ответа на вопрос «откуда?».

Эта тема получает удивительное развитие в детских произведениях. В повести «Под старыми кленами» двор, река, сад – это и есть тот самый «общий дом», живая экосистема, в которой ребенок учится первым урокам гармонии и порядка. Деревня здесь – не архаика, а модель сбалансированного мира, которую инженерный ум должен не разрушить, а понять и взять за основу для проектирования будущего.

Проектирование души: уроки для детей как инженерная задача

Произведения, посвященные детству, у Малиновского – это не побочный продукт творчества, а стратегический раздел его «проекта». Здесь синтез мышления автора обретает педагогическую форму. Он буквально «проектирует» читательское восприятие, создавая тексты, которые работают как воспитательные алгоритмы.

Возьмем «Хромоножку». История кошки Муры – это не просто трогательный сюжет. Это модель преодоления, где физический изъян компенсируется силой духа, – техническое задание для внутреннего развития.

В «Приключениях трех смельчаков» (бобр, тушканчик, скворец) сюжет строится как череда инженерных задач: построить плот, сориентироваться в пути. Это урок системного мышления и командной работы, поданный в форме сказки. Даже в стихах, например в «Мартовских днях», описание пробуждения природы (*«Взбудоражена природа / Наступило утро года!»*) учит ребенка видеть мир как цикличную, самовосстанавливающуюся систему.

Таким образом, детская литература у Малиновского – это практический инструмент «экологии души». Она закладывает в ребенка основы целостного восприятия, где любовь к природе, смекалка, дружба и ответственность – не абстракции, а рабочие элементы личности.

Философский итог: тревога и надежда в автобиографической прозе

Автобиографические вставки в разных произведениях Малиновского – это место, где все линии сходятся в философский диагноз

эпохи. Здесь Малиновский говорит уже не как инженер или писатель, а как мыслитель, оценивающий итоги столетия технического рывка.

Его метафоры становятся жесткими и безжалостными. «А Иван, вначале с кувалдой, а потом с жутким тесаком – это ставшие теперешними мы все: мужикастые, интеллигентствующие, высоколобые и не совсем. ...Все мы!

И не тесак в руках у нас, а сотовые телефоны, компьютеры... атомные электростанции, нанотехнологии... Но что бы человечество ни изобрело, ни придумало, – все в конечном итоге используется потом как орудие войны между людьми, нациями и народами, а в результате – против природы. Таков опыт человечества. Но, увы, кто о нем всерьез помнит?» (повесть «Красносамарские родники»).

Но эта тревога – не конец. Это точка отсчета для новой ответственности. Его собственный путь – от рабочего до генерального директора, от сельского мальчика до писателя – был постоянным упражнением в синтезе, поиском этой самой связи. Его фигура напоминает нам о той «особой миссии», которую он видел в выходах из деревни: быть мостом, соединителем, инженером человеческих и природных систем.

Заключение: чертеж для будущего

Наследие Александра Станиславовича Малиновского – это не архив. Это рабочий чертеж целостной личности, актуальный как никогда. В мире, где фрагментация сознания стала нормой, его пример показывает: противоположности не просто уживаются – они нуждаются друг в друге для полноты.

Для меня, педагога, этот урок оборачивается конкретной программой. Он напоминает, что наша задача – не закрепить детей в клетках «физиков» и «лириков», а помочь им увидеть мир как единый проект, где знание формул обогащает понимание художественных произведений, а любовь к слову делает более чутким научный поиск.

«Экология души» по Малиновскому – это и есть искусство синтеза. Это ежедневный труд по соединению в себе памяти и прогресса, точности и сострадания, корней и крыльев. В эпоху глобальных кризисов такая внутренняя цельность перестает быть личным делом. Она становится условием выживания культуры. Способны ли мы, как он, спасти «маленький исток, родничок», питающий великую реку нашей цивилизации? Ответ на этот вопрос начинается не в поле и не в цехе, а в том самом «едином пространстве мышления», мастером которого был Александр Малиновский. И наш долг – изучать этот чертеж, чтобы строить будущее, которое не будет «истерзанным», а будет цельным.

**ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ЭССЕ»

Возрастная категория
старше 35 лет

1 МЕСТО

Александр Ильин

с. Богатое, Самарская область

САДОВНИК СОБСТВЕННОЙ ДУШИ

Эссе

Мы привыкли к тому, что экология – это громкие слова. Это статистика выбросов, война с пластиком и сигналы SOS от тающих ледников. Это правильно и жизненно важно. Но в этой гонке за спасением планеты мы часто забываем прописную истину: когда внутри человека поселяется хаос, снаружи ничего живого не вырастет. Нельзя исцелить землю, если душа просит пепла.

О прозе Александра Станиславовича Малиновского хочется говорить именно здесь – на стыке природы и человечности. Он из тех редких авторов, которые не оглушают читателя криком, а осторожно касаются сердца. Родившийся и вскормленный самарской землей, впитавший в себя самую суть русского крестьянского быта, он дарит нам книги, которые в наше перенасыщенное время становятся глотком родниковой воды.

Откройте его «Радостную встречу», вчитайтесь в «Колки мои и перелесья» или «Дом над Волгой» – и время перестает дергать за поводок. Вы больше не тянетесь к телефону, не сверяете список дел, не бежите. Потому что здесь, в пространстве его текста, время

обретает плоть и кровь: оно течет неспешно и величаво, как сама Волга. И в этом медленном течении рождается удивительное открытие – экология души. Малиновский возвращает нам то, что мы утратили в асфальтовых джунглях: пуповину, связывающую человека с землей.

Мы привыкли к стерильному миру: мясо в вакууме, хлеб в целлофане, дождь за оконным стеклом. А у него люди не потребляют природу, не покоряют и не фотографируются на ее фоне. Они ею являются. Деревья в саду для его героев – не ресурс, а дети. Лошади понимают человеческую речь лучше иных собеседников. Читаешь – и вдруг физически, на кончиках пальцев, ощущаешь тяжесть налитого яблока и терпкий запах погреба, смешанный с мятой. Душа в этот момент проходит реабилитацию после долгого заточения в бетонной клетке мегаполиса.

Малиновский не гремит лозунгами и не выводит на сцену плакатных героев. Он пишет о стариках, детях и тех молчаливых тружениках, для которых очистить родник – не акция и не отчет, а естественное движение души, завещанное дедами. Он пишет о памяти на добро, которая сегодня часто кажется невыгодной архаикой. И в этой камерной, почти иконописной прозе скрыта жесткая правда: если внутри тебя завелась злоба или плесень равнодушия, вокруг очень быстро разрастается пустырь. Словами можно насорить так же, как мусором. Но если ты бережешь ближнего и тот клочок земли, который вокруг тебя, – жизнь обязательно расцветет. Буйно и благодарно.

Что цепляет в этой прозе больше всего? Она работает как противоядие. Наш мир сегодня орет, мигает стробоскопами и требует тотального внимания. А Малиновский пишет спокойно, веско, чуть старомодно. Его голос сбивает наш внутренний лихорадочный таймер, навязывая правильный, глубинный ритм. Читаешь – и начинаешь дышать полной грудью, глубоко. Вдруг понимаешь, что счастье – это не бесконечная гонка за новым «все», а чувство сопричастности. Сопричастности к роду, к народу, к этой неброской, но бесконечно родной земле под ногами.

Экология души – это всегда уборка. Это ежедневная, негероическая борьба с собственным хаосом. И Александр Малиновский в этой битве – не строгий генерал, отдающий приказы. Он мудрый и терпеливый садовник. Он не тыкает пальцем в ошибки, а просто показывает: вот тут хорошо бы прополоть грядку совести от сорняков злости, а вот к этому дичку характера можно было бы привить нежный росток милосердия. И не жди плодов завтра же – всему свое время.

Читая его, начинаешь верить старой, затертой истине: красота спасет мир. Но только та красота, что уже сумела пустить корни в самом человеке. И пока у нас есть такие писатели, как Александр Станиславович Малиновский, у наших душ есть шанс устоять перед натиском пустоты и остаться чистыми. Потому что, если внутри тебя цветет сад, он обязательно однажды прорастет наружу – в каждом твоём деле, в стенах твоего дома и в твоём последнем слове, обращенном к миру.

2
МЕСТО

Анна Глухова

г. Пикалево, Ленинградская область

ПЕСНИ ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Эссе

*«Как хлебную корку, в далеком Нью-Йорке
Я память о нашей Утевке храню»*

А. Малиновский

Мне посчастливилось родиться в селе Утевка, в Куйбышевской тогда области, таким образом являться землячкой Александра Малиновского. Даже бывала на его литературных вечерах, которые были проникнуты ностальгией, восторгом от нашей, сельской жизни, восхищением и преклонением перед трудом сельчан, красотой пейзажей... И только сейчас, приезжая к родителям в гости в родное село, как я разделяю его чувства – мне дорог каждый уголок, радуюсь каждому знакомому человеку и замечаю особенность и значимость не имевших тогда важности явлений.

Я не писатель, не поэт, просто музыкант, «играющий тренер», как в шутку я о себе говорю, потому что четверть века тружусь в детском саду музыкальным руководителем, с самого раннего возраста приобщаю детей к искусству, а вот в качестве исполнителя я – любитель, играю на фортепиано, аккордеоне, татарской гармошке, домре, гитаре... Обладаю

совершенно заурядными среднестатистическими музыкальными способностями (в этом случае уместна фраза моего педагога по вокалу Галины Викторовны Шмидт: «Парамонова, голосом своим ты никого не убьешь»). Только речь не обо мне.

Мне кажется, произведения Александра Малиновского, равно как (не побоюсь этого сравнения) Есенина, Пушкина, Лермонтова, разобрали на цитаты, домыслили и проанализировали, поэтому Америку я в этом направлении не открою. Погружаясь в тему «Экологии души», перечитала его сборники, а также «Экологию души – 2025» и подумала о том, что мало значения уделяется важному человеку, автору музыки на его тексты – Василию Александровичу Першину. А ведь именно благодаря ему слова поэта зазвучали! «Какая песня без баяна» – это тот самый случай, потому что песни в наш стремительный век становятся знаменитыми быстрее, чем просто стихи. Скромный, талантливый человек. Помимо преподавания музыки в школе, был концертмейстером народного хора, а также является автором нескольких песен на слова А. Малиновского. Редко гениальные люди бывают признаны своими современниками, а я восхищаюсь им сегодня, потому что, как музыкант, знаю, что не всем дано сочинить музыку. Тем более такую душевную. Поэтому, говоря об известности А. Малиновского, мне хочется, чтобы лучами славы был согрет и Василий Александрович.

Почему я и Малиновский? О точках соприкосновения изложу далее (первую – совместное место рождения уже обозначила выше).

Мне легко о нем говорить (в отличие от некоторых авторов, произведения которых вошли в предыдущую «Экологию»), потому что я видела его лично, в своей библиотеке имею две книги с его пожеланиями и автографом («Окошко с геранью» и «Дом над Волгой»), пою его песни и просто потому, что я родилась в Утевке.

Как это всегда бывает, сложная жизненная ситуация или недуг приводят людей к Богу, переоценке ценностей, поиску источников исцеления, так и я, пережив серьезную операцию, стала «возвращаться к жизни»: снова взяла в руки инструмент и запела... Три года (играла и пела только на работе, ибо профессия обязывает) молчала моя душа. Я и раньше радовалась каждому лучику, новому рассвету, а сейчас – просто каждой минуте своей жизни, и японская мудрость «Сегодня первый день остатка твоей жизни» приобрела для меня особый смысл.

Впервые я прикоснулась к его творчеству в качестве аккомпаниатора с песней «Нью-Йорк – Утевка» (известная как стихотворение «Америка»), музыку для которой написал мой учитель музыки Василий Першин.

А сейчас, спустя пару десятилетий, у меня возникла необходимость участия в вокальном конкурсе патриотической песни и мой выбор был мучительно сложным: казалось, спето все... Но номинация «Песня о малой родине» сузила круг поиска до фактически одной песни об Утевке, авторами которой и являются А. Малиновский и В. Першин.

На данный момент эта песня для меня актуальна как никогда. 14 лет назад я покинула родные края, и близки мне теперь берега Ладоги и Невы... Здесь, вдали, особенно проникновенно звучат строки :

А нынче – не скрою, я через чужое

Намного стал больше свое понимать...

Эта песня научила меня по-новому смотреть на мир, еще трепетнее относиться к месту своего рождения. И появилось чувство гордости от того, что я родилась именно в этом селе. Теперь, когда есть с чем сравнить. Да, Санкт-Петербург (не Нью-Йорк, конечно, но красивый и величавый) влюбляет себя с первой встречи, Пикалево – уютный рабочий городок, но люди здесь другие, воздух – тоже.

...Я гостем желанным

В домишко саманный

Приеду и будет, о чем рассказать...

И я также приезжаю с историями и рассказами о дворцах и встречах со знаменитостями, но дорого мне каждое событие нашей размеренной утевской провинциальной жизни.

Сколько патриотизма, любви к своей малой родине в этой песне! Как чувственно и тонко автор передает свои переживания.

Эта песня – малая частичка его творчества, наполненного искренностью, человечностью, размышлениями о жизни. В ней, на мой взгляд, заложен великий смысл: вдали от родины, несмотря на красоту чужбины, человек не забывает родные края и еще больше их ценит.

Александр Станиславович более известен как прозаик, но для меня он в первую очередь является поэтом-песенником. Настало время, и я «выросла» из легкомысленного репертуара. Теперь я не только аккомпаниатор, но и исполнитель песен Малиновского.

Выходит так, что строчки из сборника «Окошко с геранью» о том, что «...более двух десятков его песен стали песнями. Их поют на его родине в с. Утевка, в Самарском крае» совершенно сейчас актуальны – их пою я, моя мама, тетя, мой учитель. А теперь его песни звучат не только в Самарском крае, но и на северо-западе России, в Ленинградской области. С этой песней я приняла участие в двух конкурсах: Фестивале патриотической песни «Дружная Россия – родина моя», а также в Международном открытом фестивале вокального искусства «Голос безопасности», таким образом, география слушателей расширяется.

Моя мама раньше пела в народном утевском хоре, где аккомпанировал Василий Першин, часто выступали с песней «Страна родная» – своего рода «хит». Не перестаю удивляться, как автор сумел найти такие простые слова для определения географической точности месторасположения нашего села:

Справа – степь без края,
Слева – лес с рекой.
Церковь посредине
И зари простор.

А сами строчки «сторона родна-а-а-я» я не могу произнести иначе, как нараспев, так они поются сразу, какую мелодичность придал им Василий!

Сборник «Окошко с геранью» объединил стихи разных лет. Перечитывая эти произведения, отмечаю, что многих людей, которым поэт посвящал стихи, я знаю (знала) лично: Анатолий Плаксин, школьный учитель (его уже нет с нами), Василий Першин (повторюсь – мой учитель музыки), Анатолий – батюшка, настоятель нашего Храма пресвятой Троицы, Сергей Николаевич Афанасьев, который любит цитировать его произведение «Утевка»:

– Кишели утки. Было море –
Так к нам в преданиях дошло.
Исчезло море – на просторе
Мое раскинулось село.

В репертуаре утевского хора звенела еще одна песня дуэта авторов А. Малиновский – В. Першин «Я любить не устану». Сложная. Продолжая тему ностальгии, пронзают слова:

...Век настал окаянный,
Зло сильней и сильней.
Давит дух чужестранный
Все большее и злей...

Особенно актуальны они сейчас, во время проведения СВО (Специальной военной операции), когда это образное «зло» коснулось множества российских семей, в том числе моей.

Стихи о Нефтегорске, Самаре, Бариновской горе... Мои родные места!

Словосочетание «Окошко с геранью» отозвалось в моем сердце ностальгическими нотками, так как моя мама выращивает в большом количестве эти растения и на подоконниках в моем отчем доме стоят именно герани. И сразу вспоминаются строки: «И все же рай не за горами, как нам порою говорят, а там, где мамины герани на подоконниках горят» (из сети Интернет).

Это стихотворение автор посвятил С. Афанасьеву, по своему строению оно напоминает колыбельную песню, полную тоски, особенно проникновенно звучат слова:

Все-то мне кажется раннею ранью,

Матушка смотрит в окошке с геранью...

Еще одно стихотворение нельзя обойти стороной, говоря о ностальгии, – «Сны мои»:

Знаю, мой друг, нам с тобою не часто

Тихо попеть удастся вдвоем.

Надо бы, надо почаще встречаться,

Как-то не так мы, не так мы живем...

И из «Стороны родной»:

Не был здесь полгода –

Мчал на поездах.

Обращаю на внимание, так как они близки мне: посещаю малую родину раз в полгода, «мча на поездах», также редко встречаясь с друзьями, все реже мы поем, и действительно, посещают размышления о том, что «как-то неправильно мы живем...»

Продолжая разговор об Утевке, выделю стихотворение «Малая родина»:

О том, что в город наше бегство

Нельзя предательством назвать.

Как оправдание звучит для меня и моих односельчан: уезжаем, кто на заработки, кто по любви (как я)...

Вернуть престиж родному дому

Всем миром все-таки удастся.

А здесь содержатся правда о том, что мы бережно храним память о нашей малой родине, «стороне родной», воспевая эти песни, сохраняя великое культурное наследие, созданное авторами.

Далее процитирую А. Малиновского: «Пора заканчивать мои сентиментальные записки» – и, подводя итоги моим размышлениям о песенном творчестве поэта, скажу: раньше его песни играли мои руки. Сейчас же, когда я прожила еще значительную часть жизни и внимательно изучила его творчество, эти песни исполняет моя ДУША.

«Песни от всей души» – почему я выбрала такое известное название своей работе? Приоткрою закулисы моих творческих поисков: была мысль озвучить «Пикалево – Утевка» в тон стихотворению «Нью-Йорк – Утевка», «Сторона родная»... Но солируют две простые причины: первая – все песни дуэта авторов (А. Малиновский – В. Першин) написаны от души и исполняются для души; вторая – мечта у меня есть: взять аккордеон и поехать в Москву, к А. Малахову, на одноименную

передачу, (может, даже с самим Василием Александровичем) исполнить песню «Нью-Йорк – Утевка», пусть вся страна узнает о моих земляках – А. Малиновском и В. Першине, а в репортаже покажут нашу Утевку, моих родителей и наше родное окошко с геранью, у которого мы не раз еще споем!

3
МЕСТО

Анна Вакурова

г. Нефтегорск, Самарская область

ДОРОГОЙ ДОБРЫХ ДЕЛ

Эссе

Что такое смысл жизни? Как отыскать свою дорогу среди множества ответов и не потеряться в них? Эти вопросы все чаще звучат в моей голове, когда мне уже почти сорок.

Меня зовут Анна. Я живу в Нефтегорске – небольшом городке Самарской области. Он еще совсем юный, но такой уютный, что кажется, будто время здесь течет медленнее. Сюда приезжают те, кто устал от городской суеты. Здесь нет лишнего шума, нет вечной спешки – только тихие улицы, знакомые лица и ощущение покоя.

Несмотря на умиротворенность этих мест, мой жизненный путь наполнен событиями, поворотами, неожиданными встречами, необъяснимыми моментами. Они как мозаика сплетаются в узор моей судьбы. Как будто кто-то или что-то мягко подталкивает меня к добрым поступкам, указывая верный путь...

Я педагог – и мне по-настоящему приятно произносить эти слова. С детства я слышала, как уважают учителей, как ценят их труд – и это оставило глубокий след в душе. И где-то глубоко внутри всегда жила мечта: однажды начать учить детей, открывать для них мир

наук, помогать им расти. Хотелось быть рядом не только как учитель, но и как друг, показывать на деле, что такое доброта, искренность и справедливость. И вот прошло время, и я наконец попробовала себя в этой профессии. Сейчас мы с ребятами погружаемся в мир науки, разбираем сложные задачи, ищем логику в алгоритмах, делимся мыслями о жизни. И, конечно, учимся главному – быть добрыми, чуткими и человечными, что бы ни случилось. Знаете, что для меня особенно важно в нашей общей деятельности? Добровольчество! Мы участвуем в разных акциях, помогаем там, где это нужно, – и это не просто дела, а что-то большее. Чувствуешь, что ты часть чего-то доброго и настоящего. Именно этого так не хватает нашему беспокойному миру – миру, где так легко потеряться среди шума, скоростей и бесконечного потока информации.

Помимо преподавания, я провожу экскурсии в Нефтегорском краеведческом музее. Для меня это не просто работа – это возможность прикоснуться к прошлому, погрузиться в историю родного края и найти ответы на те вопросы, что давно живут в душе. И тут я вспоминаю про неожиданные встречи и необъяснимые моменты...

Тринадцать лет назад судьба привела меня на творческую встречу в музей имени Петра Владимировича Алабина, что в городе Самара. Там я и познакомилась с Александром Станиславовичем Малиновским. Знаете, такие люди сразу располагают к себе – простые, без пафоса, но при этом очень грамотные. Он говорил четко и ясно, слушать его было одно удовольствие. А еще меня поразило, сколько лет он посвятил поиску информации о своем земляке, художнике-иконописце Григории Николаевиче Журавлеве. По сути, он возродил его имя – вот это настоящее дело жизни! Эта встреча оставила неизгладимое впечатление в моей памяти, а моя домашняя библиотека пополнилась документальной повестью «Радостная встреча». Так, благодаря Александру Станиславовичу Малиновскому, в моей жизни появился Григорий Журавлев. Творчество Журавлева поражает с первого взгляда. Он писал иконы в уникальной манере – держа кисть зубами, потому что родился с тяжелым физическим недугом – без рук и ног. Но это не стало преградой для таланта. Его работы отличаются тонкостью линий. Каждая деталь прорисована с ювелирной точностью. Мягкие, приглушенные тона создают ощущение внутреннего свечения. Святые на его иконах смотрят так, словно видят тебя насквозь, но без осуждения, с тихой мудростью и состраданием. Все на своих местах, ничто не кажется лишним, будто сама вечность расставила эти фигуры и символы. Его иконы не просто украшают храмы и музеи – они разговаривают. Имя и творчество Журавлева стали для меня

источником вдохновения – с ними связаны наши большие проекты, участие в молодежных форумах, выставках и экскурсиях. А главное – в его работах я нашла то, что так важно для меня лично: духовность, доброту и умиротворение. Они не давали готовых ответов, они словно компас, указывали верный путь в жизни.

Прошли годы... И вот она – долгожданная, радостная встреча, пронесенная сквозь время и череду событий. словно эхо давних дней, она вернулась – светлая и волнующая. Две жизни – две судьбы, связь времен и судеб! На моих экскурсиях для школьников и студентов, на занятиях, в публикациях, акциях, добрых поступках, на моем жизненном пути! И каждый раз, начиная новый проект или беседуя с ребятами на экскурсии, я чувствую, что Александр Малиновский и Григорий Журавлев как будто рядом: их творчество, стойкость, свет продолжают жить и помогать другим находить себя.

3 МЕСТО

Антонида Бердникова

г. Нефтегорск, Самарская область

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ СЛОМА: «ОТКЛОНЕНИЕ» АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО

Рецензия-эссе

Состоявшийся инженер, семьянин, кандидат наук, человек, твердо стоящий в рядах российской интеллигенции. Мыслящий, рефлексирующий, совестливый. И вдруг эта самая совесть, а возможно, чувство самосохранения, уходит в глубокое подполье, и... человек решает застрелиться.

С этого трагического эпизода начинается повесть А. Малиновского «Отклонение». Жутко. Неправдоподобно. Подобной безысходности я не ожидала встретить у писателя с таким огромным оптимистическим зарядом. Откуда этот пессимизм, это неверие в жизнь, дарованную нам Богом?

Я прочитала это произведение четверть века назад. Тогда оно потрясло меня обнаженной болью за судьбу страны, общества и героя повести – Касторгина. Оно потрясает и сейчас, когда я вновь перелистываю «Отклонение», вмесившее свою историю в 160 страниц и двадцать глав.

Время, описанное в книге, было для страны и для всех нас страшным, переломным, хаотичным. Оно было наполнено лукавыми лозунгами горбачевской перестройки. Все мы в разной степени прошли путь мучительных раздумий и метаний, как и хорошо угадываемый прототип героя – Кирилл Кириллович Касторгин.

Однажды в беседе отворческой лаборатории писателя я спросила Малиновского о том, что во многом в его литературном наследии я вижу и угадываю самого автора: его мысли, суждения, твердую позицию по многим проблемам стремительно меняющегося общества. Александр Станиславович не стал отрицать, но уточнил, что все его книги – это сгусток его личного опыта, и без этого писать не имело бы смысла.

И это так! Столько энергии он вкладывал в своих героев, что невозможно не угадать, не услышать и не понять негромкий, но убедительный голос писателя. В «Отклонении» этот голос звучит и от своего имени, и от нашего общего, и от имени главного героя, потерявшего на время опору в жизни. Касторгин сам, по велению совести, уходит с завода, понимая, что не вписывается в новые рамки управления. Уезжает «за бугор» любимая жена, забирая с собой дочь. Стать пенсионером в 53 года и с особой остротой, почти безнадежно, ощущать, как прогибается под тобой земля, как мучительно шагать по знакомым улицам и скверам родного города и чувствовать себя ненужным, «выпотрошенным до донышка» горестными размышлениями о своей невостребованности.

Это подлинная трагедия, особенно для человека, привыкшего погружаться в работу, науку, книги, заботы о семье. Тут не только за револьвер схватишься – тут пустишься во все тяжкие... Но писатель проводит своего героя через тернии горьких и подчас безутешных раздумий, сталкивая его с самыми разными людьми. В беседах и спорах Касторгин сверяет свой внутренний компас и приходит к мысли, что самое первое, юношеское тяготение к литературе – это и есть путь, который ему был указан судьбой.

Отклонение – это несовпадение или нарушение чего-то устоявшегося, к чему человек привык. Для героя – это вынужденное отклонение от бурлящей жизни, от любимой работы и родного коллектива. На серьезном и взрывоопасном производстве, где Касторгин командовал ресурсами, техникой и людьми, нельзя было допускать сбоев, иначе – катастрофа. И подобная катастрофа в жизни самого героя едва не закончилась трагически. Собственно, и сам автор прошел через суровую проверку на прочность, поэтому он любит, жалеет, оберегает своего Касторгина и выводит его к живительному источнику – творчеству.

События в повести занимают временной отрезок с 1998 по 1999 год. Столько же длилась и работа над произведением. Можно сказать, оно создано по горячим следам – в годы, когда страну накрыла девальвация рубля, цены на продовольствие и товары резко взлетели, в высших эшелонах власти началась лихорадка перетасовок, а по всей стране – задержки зарплат. Сельское хозяйство и промышленность стремительно катились в пропасть разлухи и передела собственности.

Но вот что удивительно: читаешь споры и дискуссии героев о судьбе России, крестьянства, пролетариата, интеллигенции – и невольно оглядываешься на сегодняшний день. Прошло более трех десятилетий, а как пророчески отзываются те тревоги и опасения думающих людей! Словно это было вчера... Наверное, в этом и состоит миссия писателя – прозорливо увидеть завтрашний день и предупредить нас о том, что «этот шустрый бедлам вокруг власти будет, ох, как еще долго».

Во время одной из последних встреч я спросила Александра Станиславовича, сложилась ли дальнейшая жизнь прототипов его книжных героев и интересна ли их судьба для продолжения галереи портретов в его книгах.

«Безусловно, мне интересны и жизненные пути, и крутые повороты, и падения, и обретения моих героев, – раздумчиво сказал мой собеседник. – Человек я разноплановый, работает не только сердце, но и голову распирает от множества задумок и тем. Столько начато... Успею ли? А успеть надо!».

И словно на прощание прозвучали его философские размышления, перекликающиеся с мотивами полюбившейся мне повести «Отклонение»:

«Вот мы заговорили о том, как важно понять, в каком времени мы живем и что границы этого времени иллюзорны. Всего лишь миг – и кого-то бросает в житейскую суету и суматоху, кого-то возносит на волну славы или обрушивает в море забвения. Что же останется после нас, чтобы хотя бы изредка о нас вспоминали? У меня – мои книги. Мои герои. Мой мир, который мне дорог уже тем, что я попытался хотя бы отчасти отразить его в своих произведениях».

**ДИПЛОМ
УЧРЕДИТЕЛЕЙ И ЖЮРИ
КОНКУРСА «ЗА ЯРКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
ВОСПРИЯТИЯ ДЕТСКОЙ
АУДИТОРИЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО»**

Людмила Чернецова

с. Утевка, Нефтегорский район, Самарская область

ОН – СВОЙ

Лирический этюд

Знаю Малиновского всю жизнь... Вспоминаю деловые встречи, подсказки в музейном развитии и теплое дружеское общение за чаем с пирожками. Продолжаю, как в былые времена, вести диалоги, советоваться. Как-то так сложилось, что это внутреннее общение стало необходимой энергетической базой. Сколько бы ни перечитывала, ни пересматривала его наследие, нахожу ответы на вопросы, способ решения проблем, а главное, заряд бодрости и оптимизма, желание жить деятельно, активно, в отличном настроении. Оказывается, не только я испытываю такие эмоции...

Зашла как-то в нашу модельную библиотеку и вижу: лежат на коврикe молодая мамочка и ее дочь-первоклашка и тихо так хихикают над книжкой! Дай, думаю, загляну, что это такое их развеселило?

...А там... Всякие стихотвореньца дивные – и про птиц-зверей, и про детские проказы и приключения! Опускаюсь на колени и читаю в компании, как будто в первый раз! И так мне хорошо, словно это я бегаю по деревенским улицам и случаются со мной всякие забавности!

...А потом дома, с внучкой мы лежим на диване с этой волшебной книжкой – и та же история! Хихикаем над подружками, которые «пошли за горизонт», но вот незадача: на березовом скрипучем мосточке встретился «гусак щипучий» – пришлось вернуться домой! Узнали, что у Петрова Влада «ножичек что надо», а у Маши «развеселый карандашик». Пошли и мы взглянуть: может, наши цветные карандашики тоже что-то веселое нарисуют? Порисовали и опять нырнули в книжку!

И такое узнали, «будто есть страна на свете, где все взрослые, как дети...

В той стране живут все в мире,
Как в одной большой квартире...

Полосатые лошадки возят весело котят...»

– Ура, бабулечка! Я – котенок, а ты – лошадка! – вскакивает малышка, и мы направляемся на ковер-ипподром, чтобы сочинить эпизод из расчудесной страны... Ох, посочиняли... Умаялись! (Особенно лошадка!) Задремала моя красавица, когда читала я ей, какое письмо внуку отправил хитрый дед, чтобы тот непременно приехал погостить в каникулы, и про то, как незаметно приходит весна, прилетают разные птицы. И такое про них узнаем... Вот, например, скворец,

«То затенькает синицей,

То воркует голубицей.

То мяукает, как кошка...

Над моим резным окошком».

И про храброго ежика, что гадюки не боится. (Надо же, думаю я, сколько всякой интересной информации про птиц, зверюшек разных. Читаем, улыбаемся, вспоминаем своих домашних питомцев, узнаем новых животных, словно мы беседуем со специалистом-биологом!)

Моя внучка засыпает, а я думаю о том, как важно в детстве читать правильные книжки!

«Принесу вам хлебных крошек» – уже само название, словно волшебная палочка, возвращает нас в теплую сердечную суету с зернышками, семечками, кормушками под окном. Суета звонкая. Закрываешь глаза, но картинки деревенской немудреной жизни перед глазами, а звуковое сопровождение – гусиный гогот, собачий лай, тягучее мычание, зазывное мяуканье, птичьи переклички. Здесь нет тишины или, вернее сказать, в деревне тишина разноголосая даже ночью. Она живая, увлекающая, завораживающая и будоражающая. Чувствуется целебность в этой разноликости и пестроте, в любое время года она успокаивает и укрепляет душу... Ребенок улыбается, ему не скучно, значит, книга – настоящая.

Тест – как воспринимают дети. Они не терпят фальши. У меня встреча с первоклассниками, которые уже познакомились со стихами и отметили то, что особенно впечатлило. Вижу оживление, заинтересованность, глазки блестят. Наблюдаю и радуюсь. Перечитываем, что им особенно понравилось. И тут же узнаю, сколько у кого птичьих столовых, скворечников, у кого во дворе живет ежик, как зовут любимого кота и кого собака провожает до школы. А еще: кто гусака совсем не боится и даже быка, и даже был в зоопарке и видел слона и бегемота...

... Вспоминаю давний разговор.

– Как Вам удается писать для самых маленьких? – спросила я однажды Александра Станиславовича.

– Это самое большое удовольствие – писать для детей. Я так отдыхаю, – услышала в ответ. (А еще узнала, что иногда, в воскресный день на даче, надев старую широкополую шляпу, насыпал на нее сверху семечек, тихо замирал среди посаженных им деревьев и ждал, когда на угощение прилетят шустрые синички... И ведь прилетали!)

А это из дневника писателя: «Кажется мне теперь, что писатель, не способный писать для детей, не умеющий писать о животных, – подозрителен... Чтобы писать для детей, надо сохранить детскость души. Или быть артистичным! Первое – достойнее и надежнее...»

... Мудрый взрослый человек радостно пишет стихи и сказки для детей, для ангелов, посланных небом...

Уставший, но не исчерпанный. Побитый, но не сломленный. Умудренный опытом, но сохранивший ясный детский взгляд на мир. В магнитном поле его сердечности дети расцветают душой, сами начинают сочинять про свою любимую живность!

«Приближение к божественному предначертанию о себе, хотя бы крошечное – сколько на этом пути необходимо труда, усилий, упорства. Но это единственное, что оправдывает жизнь человека,» – читаю в дневнике писателя. У меня перехватывает дыхание...

«Без острого чувства принадлежности к народу, из которого я вышел, без любви к живому, без сострадания не могу представить писателя». (Из дневника)

Он верен себе и в многостраничном романе, и в скромном стихотворении для самых маленьких. Он – свой. Понятный и любимый. А потому читаемый.

**ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ЭССЕ»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

Илья Калошин

г. Орел

1 МЕСТО

ВСЕ ЖИВОЕ ИМЕЕТ ОДНУ И ТУ ЖЕ ДУШУ

Эссе

Что такое душа? Душа – это то, что делает личность живой и существует независимо от тела. Она входит в тело еще до рождения, формируется и совершенствуется на протяжении всей жизни. По моему мнению, экология души – это достижение высокого уровня развития духовности в каждом человеке. Во многом это зависит от воспитания, жизненных принципов, чистоты мыслей, действий и чувств.

Думаю, что душа присуща не только людям, ею обладают все живые существа. В русской литературе описано огромное количество случаев того, как звери помогают людям, особенно в сказочных произведениях: «По щучьему велению» А.Толстого, «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, во многих народных былинах. Неизгладимое впечатление на меня произвел рассказ современного писателя А.С. Малиновского «Одиннадцать и одна», который вызывает одновременно сочувствие, жалость и презрение. В этом рассказе автор олицетворяет животное, показывает его доверчивость к людям и переживания от предательства. Сюжет раскрывается в истории печальной судьбы собаки. Когда-то ее

звали Рыжая, жила она при дворе городского хозяина и любила его просто за то, что он есть. Однажды хозяин разбогател, забрал свою семью и вещи на новое место, а собаку оставил. На следующий день он отвез Рыжую на озеро и бросил ее там. Она вернулась домой, но там со временем появились новые хозяева, которые прогоняли собаку. В итоге она ушла. Прошло больше года, прежде чем Рыжая оказалась во дворе простого пастуха Кузовкова. Он принял ее, понял, начал ухаживать за ней и назвал Найдой. Но после появления щенков она стала лишней для жены пастуха, почувствовала, что от нее хотят избавиться. Вынужденно она покидает двор Владимира и находит убежище под гаражом около станции, где ее заметил бомжеватый Николай Зоткин. Он стал подкармливать собаку, но не из жалости и сострадания, а из личной выгоды, задумав сделать из нее и щенков шапки. Человек предал Найдю, и не один раз, а она все равно доверяет ему, заботясь о своих щенках, радуясь очередному приюту. Она еще не знает, что ее ждет гибель. В этом и есть экология ее души – умение прощать, доверять и самоотверженно бороться за свое потомство. Автор этой пронзительной истории отношений людей и собаки заставляет читателя задуматься о мире своей души, о необходимости бороться за ее чистоту, беречь ростки добра и растить их, сохраняя в себе способность к достойным поступкам.

Не менее поучительным является и другой рассказ А.С. Малиновского – «Серая Сонька», события в котором разворачиваются в поселке в послевоенное время. Главные герои – девочка, от чьего имени ведется повествование, ее отец и старая лошадь, на чьи судьбы война наложила свой суровый отпечаток. Лошадь, когда-то принадлежавшая заводу, от старости потеряла зрение и, казалось, была обречена на гибель. Но жители поселка спасли Соньку: она начала жить в их дворах по очереди и стала всем служить извозчиком. Однако больше всего лошади полюбился папа героини, получивший тяжелое ранение в бою, и поэтому был комиссован. Этим-то и похожи их судьбы, ведь, по сути, оба они стали не нужны на прежнем месте. И каждый друг в друге нашел свое утешение. Мужчина ухаживал за лошадью, а та отблагодарила его спасением дочери, несмотря на собственную изнеможенность. Сюжет рассказа восхищает преданностью, самоотверженностью старой лошади человеку.

Произведения А.С. Малиновского вызывают размышления об отношениях человека и мира природы, а также ассоциации с другими произведениями русской классической литературы. Вспоминается рассказ нашего орловского писателя Л.Н. Андреева «Кусака», главный герой которого – безымянная, бездомная собака. Она всю свою недолгую жизнь видит только жестокость от людей. Они будто бы срывают злобу на

беззащитном существе. И собака стала остерегаться всех, чтобы ей снова не сделали больно. Писатель наделяет собаку эмоциями и способностью мыслить, оценивать мир. Он сделал ее главным героем для того, чтобы показать людям, что не только человек нуждается в любви и ласке – этого достойна и собака. Однажды собака поверила человеку, девочке Леле, и получила имя – Кусака. Собака обрела радостную жизнь и, казалось бы, «свою» семью. Но, поступив безжалостно, хозяева бросили собаку на даче. Автор очень трагично описывает, как собака переживает разлуку с Лелей и ее семьей. Будто это человек, а не обычная бродячая собака. Андреев намеренно сделал финал печальным, призывая людей понимать боль живых существ как свою и пытаясь пробудить совесть людей, жестоких к слабым живым существам. «Все живое имеет одну и ту же душу, все живое страдает одними страданиями и в великом безличии и равенстве сливается воедино перед грозными силами жизни», – справедливо утверждает детский писатель К. Чуковский.

Люди, заботящиеся о животных и любящие их, являются более чуткими и дружелюбными, испытывают сочувствие и способны сострадать и разделять чужую беду. Жизнь показывает, что чем больше человек общается с питомцем и получает от этого удовольствие, тем более вероятно, что он будет избегать конфликтных ситуаций и стремиться не причинять вреда окружающим. Именно эти качества помогают строить нормальные взаимоотношения в обществе. Ведь доброта и взаимовыручка способны спасти современный мир от равнодушия, безразличия, жестокости.

Радует то, что в настоящее время на уровне государства создаются заповедники и национальные парки. В одном из таких прекрасных мест – Орловском Полесье – мне вместе с классом посчастливилось побывать в рамках клуба «Большой перемены». Из отзывов о поездке: «В самом начале мы приехали к зубрам, этих чудных животных было там множество. Экскурсовод сказал, что в Полесье их 763 особи! К нам вышли 8 зубров, у них в стаях полнейший матриархат. Мы увидели особь женского рода, которая возглавляла других зубров, и у нее был сломан рог, который она потеряла при битве с другими. Далее нас повезли на мастер-класс, где мы расписывали магнитики в виде животных, которые обитают в «Орловском Полесье». Я расписывал сову, а сидящая рядом девочка – зубра. Это был очень занимательный процесс, который, помимо интереса, развивает мелкую моторику и навыки рисования. Затем прошел мастер-класс: мы делали и разрисовывали кормушки, после чего развесили их в парке, насыпав птицам корм. Посещение зоопарка вызвало восторг! Здесь было множество животных: верблюды, разные виды лошадей, орел, лев, козы, зубры, медведи и даже лев!

Больше всего мне запомнился олень, он бегал по лужам и совсем не замерзал. Еще мило выглядел волк, в своей клетке он жалобно скулил, так, что хотелось его выпустить, но было нельзя...». Хочется, чтобы таких поездок в национальные парки России для нас, школьников, было больше! Это развивает не только интерес к миру природы, но и вызывает бережное отношение к экологии души.

Современное общество, государство не остаются равнодушными к проблеме. Принят закон «Об ответственном обращении с животными», который регламентирует создание и работу приютов, прописывает требования к содержанию и использованию животных в культурно-зрелищных целях, предусматривает обращение с бездомными животными. С декабря 2017 года за жестокое обращение с животными стала предусматриваться уголовная ответственность. Такие методы и подходы позволят сохранить жизни многих животных, а также повысить уровень ответственности заводчиков домашних любимцев.

Творчество А.С. Малиновского продолжает традиции русской классической литературы. Во всех его книгах – искренняя любовь к родному краю. Книга стихов «Принесу вам хлебных крошек» наполнена душевной теплотой, любовью к людям, к братьям нашим меньшим. В его стихах для детей доступным, простым языком рассказывается не только о повадках разных зверей, но и содержится интересная информация об окружающем мире. Главное в них – любовь к малой Родине, к тому месту, где ты родился и живешь, где ты способен проявить свои лучшие качества.

Синицы

За окном, где снег искрится,
По стеклу стучат синицы.
Ну, куда это годится!
Как зимой им прокормиться?
Не горюйте, крохи птицы –
Две замерзшие сестрицы.
Знаю я, что надо делать.
На крыльцо шагну я смело!
Принесу вам хлебных крошек,
Протяну их на ладошках.
Клюйте, верные друзья!
Оставлять в беде нельзя!..

Читая произведения А.С. Малиновского, мы познаем истинную чистоту отношений человека и мира природы. Я думаю, что экология души и заключается в проявлении преданности, доверия, умения сочувствовать, сохранять чистоту мыслей и действий.

Ирина Фабричная

г. Донецк

2 МЕСТО

«РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА» КАК ИСТОЧНИК ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОГО СМЫСЛА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. МАЛИНОВСКОГО

Эссе

Документальная повесть «Радостная встреча» Александра Станиславовича Малиновского представляет собой не только литературное произведение, но и исследование человеческого духа, веры и исторической памяти. Изданная в 1994 году, она стала значимым культурным событием и получила широкий отклик в России.

В основе повести – судьба необычного художника-иконописца Григория Николаевича Журавлева, жившего в конце XIX – начале XX века. Уже с первых страниц автор сообщает уникальный факт: Журавлев родился без рук и ног и писал все свои иконы, зажимая кисть зубами. Эти строки задают тон повествованию и в то же время обозначают главную тему произведения – силу человеческого духа.

Несмотря на физические ограничения, Журавлев самостоятельно овладел искусством иконописи и создал множество произведений,

признанных историческими памятниками. Его иконы украсили Троице-Сергиеву лавру, а в 1885 году он преподнес икону святителя Николая Чудотворца цесаревичу Николаю. Впоследствии эта святыня была обнаружена в Государственном Эрмитаже. Среди других работ мастера – икона «Избранные святые», хранящаяся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге, и «Утевская Мадонна», судьба которой долгое время оставалась предметом поисков.

Александр Станиславович не ограничивается художественным пересказом событий. Он проводит серьезное архивное исследование: начиная с 1960-х годов собирает материалы, работает с документами, встречается с очевидцами, восстанавливает утраченные свидетельства. В частности, писатель обращается к фондам Российского государственного архива литературы и искусства, где обнаруживает письма Журавлева к самарскому губернатору Александру Дмитриевичу Свербееву с перечнем созданных икон. Автор приводит письма и воспоминания современников, вовлекая читателя в процесс исследования. Так, однажды, придя в сильное волнение, он пишет: «Мне очень захотелось собрать материал, и я отослал его в областную газету».

Особое внимание уделено духовной стороне жизни иконописца-самоучки. Каждый мазок кисти, зажатой в зубах, проявляет силу воли и творческую самоотдачу. В повести благодаря писателю раскрывается не столько биография человека, сколько целый духовный мир, где вера становится источником силы и смысла жизни. Александр Станиславович отмечает: «Огромная часть нашего народа неверующая – так получилось с нашим обществом. Но я, как и большинство, верю в свой народ и в его будущность». Эти слова звучат как призыв к бережному отношению друг к другу, к истории и к духовным ценностям.

Мне кажется, что значение повести особенно ясно проявляется сегодня. В эпоху информационного шума и быстрого забвения так легко потерять связь с прошлым. Именно поэтому труд писателя можно назвать попыткой сохранить культурную память, вернуть в общественное сознание имя человека, которое могло бы остаться лишь строкой в архивном документе.

Сегодня образ Журавлева вдохновляет современные проекты инклюзии и инициативы, в рамках которых люди с ограниченными возможностями реализуют свои таланты в творчестве, культуре и науке. Проводятся выставки его работ, включая экспозицию «Вопреки невозможному» в Музее истории религии в Санкт-Петербурге и проекты в Музее Андрея Рублева. Документальные фильмы о жизни

мастера, показанные в исторических парках «Россия – моя история», также популяризируют его пример как символ мужества и таланта. В нашей стране ежегодно проводятся инклюзивные художественные выставки, например проекты «Особые таланты», где художники с ограниченными возможностями представляют свои работы.

Повесть показывает, что литературное произведение способно влиять на общественное сознание и формировать ценностные ориентиры. Через судьбу Журавлева автор раскрывает русский культурный код и духовные основы народа, соединяя личный опыт с общенациональным. Таким образом, «Радостная встреча» делает литературу живой частью культуры, а ее героя – символом силы человеческого духа и веры.

2 МЕСТО

Анна Калюзная

г. Донецк

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ: ШЕПОТ ВЕТРА И ТИШИНА ЛЕСА

Эссе

В каждом из нас, глубоко под слоем повседневности, шума городов и суеты дел, таится свой собственный, невидимый лес. Лес души. И, как любой лес, он нуждается в заботе, внимании и – да, своей собственной экологии.

Я помню, как однажды встретил старого лесника. Не того, что с топором и в клетчатой рубашке, а того, чьи глаза были глубоки, как лесные озера, а руки – изборождены, как кора вековых дубов. Он сидел на поваленном стволе, вдыхая аромат сосновой хвои, и казалось, что он сам – часть этого леса.

– Знаешь, сынок, – прохрипел он, глядя куда-то вдаль, – люди все о внешней экологии толкуют. О реках, о воздухе, о зверях. И это правильно, конечно. Но забывают они о самом главном – об экологии души.

Я тогда был молод и полон скепсиса:

– Что это значит, дедушка? – спросил я, пытаюсь понять его метафору.

Он улыбнулся, и его улыбка была такой же теплой, как солнечный луч, пробивающийся сквозь кроны деревьев.

– Представь свою душу как этот лес, – начал объяснение лесник, – чувства. Есть могучие деревья – это твои принципы, твои убеждения, то, на чем ты стоишь. Есть поляны, залитые солнцем – это моменты радости, вдохновения, любви. И, конечно, есть и темные чащи, где прячутся страхи, обиды, сомнения.

Он сделал паузу, словно прислушиваясь к шепоту ветра в листве, и продолжил:

– Если ты не заботаешься о своем лесе, что происходит? Ручьи загрязняются мусором чужих мнений, зависти, злобы. Деревья начинают сохнуть, если ты не питаешь их верой в себя, не даешь им расти. Поляны зарастают сорняками безразличия, апатии, уныния. И темные чащи становятся все гуще, все непроходимее, поглощая свет.

Я начал понимать. Это было не просто красиво сказано, это было глубоко и правдиво.

– Как же ухаживать за этим лесом, дедушка? – спросил я, чувствуя, как внутри меня просыпается что-то новое.

– Очень просто, – ответил он, поглаживая свою бороду. – Во-первых, очищай свои ручьи. Не позволяй чужому мусору забивать их. Отпускай обиды, прощай, не держи зла. Ищи источники чистой воды – это книги, музыка, природа, общение с теми, кто вдохновляет тебя. Во-вторых, поливай свои деревья. Укрепляй свои принципы, стой на своем, если это правильно. Учись, развивайся, ищи новые знания – это как корни, которые делают дерево крепче. И не забывай о солнце – о вере в себя, в свои силы. В-третьих, пропалывай свои поляны. Не давай сорнякам уныния и безразличия заглушить радость. Ищи красоту в мелочах, цени каждый момент, смейся, люби. И, конечно, сажай новые цветы – это новые увлечения, новые знакомства, новые впечатления. И, самое главное, – его голос стал тише, почти шепотом, – не бойся своих темных чаш. Не пытайся их вырубить. Они – часть тебя. Но и не позволяй им разрастаться бесконтрольно. Заходи туда с фонарем осознанности, разбирай завалы страхов, смотри им в глаза. Иногда там можно найти что-то ценное, что-то, что сделает тебя сильнее.

С тех пор прошло много лет. Старого лесника я больше не видел, но его слова навсегда остались со мной. Я научился прислушиваться к своему внутреннему лесу. Я научился очищать свои ручьи, поливать свои деревья, пропалывать свои поляны. И я больше не боюсь заходить в свои темные чащи, зная, что даже там можно найти свет.

Экология души – это не просто метафора. Это ежедневный труд, это осознанный выбор. Это умение быть садовником своего

внутреннего мира, чтобы он цвел, плодоносил и дарил покой, силу и вдохновение. Ведь только в здоровом лесу души может жить по-настоящему счастливый человек.

Я часто возвращаюсь к этой мысли, когда чувствую, как на меня накатывает усталость от внешнего мира, когда кажется, что все вокруг стало серым и безрадостным. Тогда я закрываю глаза и представляю свой лес. Иногда он бывает густым и тенистым, с запахом влажной земли и мха. Иногда он – светлый и солнечный, с пением птиц и ароматом полевых цветов. И я знаю, что этот лес – это я.

Я научился видеть, когда мои ручьи начинают мутнеть. Это происходит, когда я слишком много слушаю чужих мнений, когда позволяю сплетням и негативу проникать в мое сознание. Тогда я стараюсь найти тишину, включить любимую музыку, которая словно чистый родник, смывает всю грязь. Или просто выхожу на прогулку, позволяя ветру унести прочь все лишнее.

Мои деревья – это мои ценности, мои мечты, мои цели. Если я перестаю их питать, они начинают чахнуть. Это значит, что я забываю о своих стремлениях, позволяю рутине поглотить меня. Тогда я берусь за книгу, которая заставляет меня думать, или начинаю работать над каким-то проектом, который зажигает во мне искру. Это как поливать корни, давать им новую жизнь.

Поляны радости – это то, что я стараюсь культивировать. Я учусь замечать красоту в мелочах: в улыбке незнакомки, в закате, в смехе ребенка. Я стараюсь быть благодарным за то, что имею, и это помогает мне не утонуть в море желаний и неудовлетворенности. Я сажаю новые цветы – это новые знакомства, новые хобби, новые впечатления. Каждый новый опыт – это яркий лепесток, который украшает мою поляну.

А темные чащи... Они всегда будут. Это мои страхи, мои сомнения, мои прошлые ошибки. Раньше я пытался их игнорировать, замаскировать, но это только делало их сильнее. Теперь я знаю, что нужно заходить туда с фонарем. Фонарем осознанности. Я смотрю на свои страхи, пытаюсь понять, откуда они взялись, что они хотят мне сказать. Иногда я нахожу там не монстров, а лишь забытые детские обиды, которые нужно исцелить. Иногда – уроки, которые я не усвоил. И, как ни странно, эти темные чащи, пройденные с мужеством, делают мой лес более глубоким, более устойчивым.

Экология души – это не статичное состояние, это постоянный процесс. Это как наблюдать за сменой времен года в лесу. Бывают бури, бывают засухи, бывают периоды покоя. Но главное – это не переставать заботиться, не переставать любить свой внутренний мир. Потому что только в этом здоровом, живом лесу может расцвести истинное счастье,

только здесь можно найти гармонию с собой и с миром вокруг. И тогда шепот ветра в твоей душе будет звучать как самая прекрасная мелодия, а тишина леса – как самое глубокое умиротворение. И я понял, что этот внутренний лес не просто отражает меня, он формирует меня. Каждое решение, каждое слово, каждая мысль – это как семечко, брошенное в почву души. И от того, какое это семечко, зависит, что вырастет: ядовитый сорняк или благоухающий цветок

3
МЕСТО

Анна Бердникова

г. Нефтегорск, Самарская область

ЭКОЛОГИЯ ДУШИ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО МИРА

Эссе

Что такое мир? Это слово-хамелеон, меняющее свои цвета в зависимости от контекста. Это и вся Вселенная, и шар планеты под нашими ногами, и состояние покоя, противоположное войне. Мы провозглашаем: «Миру – мир!», вкладывая в это стремление к гармонии между народами. Но эта мечта сегодня кажется утопией. Хрупкий договорной каркас рухнет, и планета полыхает: яростно бьются страны Востока, горит земля Украины, тлеют угли на Кавказе, беспокойно в Средней Азии, а границы постсоветского пространства накалены докрасна.

Земля, задуманная Творцом как мирная колыбель человечества, – в смертельной опасности. И угроза эта двояка. С одной стороны – мы, ее дети, вцепились друг другу в глотку. С другой – мы с неистовой жадностью терзаем свою кормилицу. Ожесточенная битва за ресурсы усугубляет болезнь самой планеты. Варварское, бездумное потребление того, что было даровано на тысячелетия, ведет нас к неминуемой гибели. Мы разоряем, тратим, убиваем. Мы уничтожаем самое драгоценное – саму

Жизнь.

И, кажется, нет того тормоза, который остановил бы это стремительное сползание к апокалипсису. Ураганы, наводнения, пожары – это не просто стихийные бедствия. Это – грозные предупреждения, горький плач и безутешный крик живой Земли. Она устала оберегать, любить и прощать. И, отчаявшись, может похоронить своих неразумных чад под пеплом напалма, обрушенного на наши головы нашими же руками.

В чем же наше спасение? Мудрые учителя говорили, что уникальность человека – в состоянии его души и сердца. А есть ли душа у Земли? Как почувствовать биение ее сердца? Ответ до гениальности прост: жить в гармонии с собой и с тем, что тебя окружает. С лесами, реками, горами, со всем многообразием флоры и фауны.

Но что мы творим на деле? Леса вырубаются беспощадно – ради опилок для древесно-стружечных плит. Поля отравляются безмерным количеством пестицидов – урожаи радуют, но какой ценой? Водные ресурсы истощаются и отравляются. Фраза, услышанная на рынке: «Сколько наторговал, все уйдет на унитаз», – стала горькой метафорой нашего времени. Потребительство ради «клозета» – вот что движет нами. Что мы оставим потомкам? Затянутые тиной реки, мертвые родники, огромные воронки карьеров, отравленные пашни, брошенные деревни?

Как пророчески предупреждал академик Дмитрий Лихачев: «У Земли, у Вселенной есть своя скорбь, свое горе. Но плачет Земля ... без толку вырубленными лесами, обвалами берегов в переполненных слезами Земли водохранилищах, затопленными угодьями, лугами, переставшими лелеять на себе стада и служить человеку сенокосами, асфальтовыми дворами с вонючими баками, между которыми играют дети».

Выход из этого тупика подсказывает творчество писателя и ученого Александра Станиславовича Малиновского. Сквозь все его произведения – повести, романы, стихи – красной нитью проходит одна и та же мысль-набат: **экология Земли начинается с экологии души**. Каждого из нас – от мала до велика.

Мы – частичка Природы, и не она у нас в долгу, а мы должны быть у нее в услужении, ее главными защитниками и берегинями. Малиновский, будучи профессором на кафедре экологии, стремился пробудить в молодежи это чувство сопричастности ко всему живому. Как верно замечает в своих воспоминаниях «А встречи так желанны!» почитательница его таланта нефтегорская журналистка и писательница Антонида Бердникова, он «умел заражать читателя

своим желанием познания мира через себя и познанием себя через мир».

Сама личность Малиновского – тому подтверждение. Заводской руководитель, писатель, преподаватель, краевед, изобретатель – его душа горела творческими идеями, а Природа заряжала его неиссякаемой энергией, которую он безвозмездно передавал другим. В этом и кроется секрет: есть энергия у Природы, и она готова делиться ею с каждым. Нужно лишь открыть ей свою душу.

Возможно, именно с этого – с тихого разговора с собой, с осознания себя не хозяином, но сыном этой прекрасной и страждущей Земли – и начинается тот самый мир. Мир не только как отсутствие войны, но как гармония, в которой биение нашего сердца сливается с ритмом сердца планеты. И только тогда мы обретем то, о чем так отчаянно мечтаем, – истинный мир.

Что такое экология души, по Малиновскому? Это состояние внутренней гармонии, ответственности и осознанности. Если душа человека захлавлена жадностью, злобой, равнодушием и потребительством, то и его действия по отношению к внешнему миру будут такими же разрушительными. Не может человек с «экологически грязной» душой бережно относиться к лесу, реке или другому человеку.

Как достичь этой экологии? Осмелюсь предложить простой и верный путь: «Жить в согласии и гармонии с самим собой и с тем, что тебя окружает». Это практика **осознанности**: замечать красоту ветки, пение птицы, вкус чистой воды; **благодарности**: понимать, что все это – дар, а не данность; **сопереживания**: чувствовать боль Земли, как свою собственную. Слышать ее «горестный и безутешный крик», который проявляется в ураганах и пожарах.

Вот почему для меня, юного землянина, Александр Малиновский – пример целостной личности и живое доказательство моих тезисов.

Энергия Природы: Он был тем самым «проводником», который умел подключаться к энергии Вселенной и транслировать ее через науку, литературу, искусство. Его неиссякаемая творческая сила – прямое следствие жизни в гармонии с миром.

Служение, а не потребление: Он «безвозмездно отдавал, не требуя взамен почестей». Это прямая противоположность потребительской модели. Он не брал, он делился.

Что оставим потомкам? Не я одна задаю этот страшный, но необходимый вопрос. Выход есть, и мы его находим в его «Красносамарских родниках», в его признании о том, что нужно

начинать не с глобальных договоров (хотя они важны), а с внутреннего решения каждого человека:

Заглянуть в свою душу и начать ее «уборку»: выметать равнодушие, культивировать сострадание, усмирять жадность.

Перестать быть «потребителем» и начать быть «сочувствующим», «берегителем», как точно подмечает Александр Станиславович, показывая внуку окрестности родного села и любимых с детства местечек, сожалея и горя о том, как они разительно изменились и не в лучшую сторону.

Считаю важным для себя учиться у таких людей, как Малиновский и Лихачев, которые оставили нам не просто предупреждения, а конкретные духовные ориентиры. Как сегодня важно услышать плач Земли и откликнуться на него не страхом, а действием – посадить дерево, сберечь воду, помочь ближнему, воспитывать в детях любовь к живому.

Никита Хмельницкий

г. Гродно, Республика Беларусь

ВО ВСЕМ, КАК ХОТИТЕ, ЧТОБЫ С ВАМИ ПОСТУПАЛИ ЛЮДИ, ТАК И ВЫ ПОСТУПАЙТЕ С НИМИ

Эссе

«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» – это древнейшая и известнейшая евангельская цитата, а также «золотое правило нравственности», не теряющее актуальность во все времена и во всех религиях. Думаю, что каждый из нас неоднократно слышал эту фразу с самого детства: в школе, дома, на работе. Все это, несомненно, подчеркивает ее значимость и актуальность для человечества.

А что же такое нравственность? Нравственность – это внутренний компас человека, определяющий его поступки и помогающий различать хорошее и плохое в отношениях с другими людьми. Это то, благодаря чему человек становится порядочным, честным, приличным. Известный российский писатель и сценарист Борис Васильев писал: «Для меня нравственность – это тот фундамент, на котором человек основывает свою жизнь». Нравственный человек всегда приветлив, общителен, остроумен и интеллигентен в общении с людьми различного статуса; он всегда сможет достойно и красиво выйти из любой ситуации, даже если его поливают бранью и ругательствами. Такой человек может лишь изредка с кем-либо

спорить и что-то обещать окружающим, поскольку он держит свои слова и всегда выполняет их. Нравственному человеку всегда можно доверить свои сокровенные мысли, с ним приятно и легко разговаривать. Такой человек добр, грамотен и справедлив со всеми людьми.

Золотое правило нравственности содержит в себе то, что должен делать каждый уважающий себя человек. Задумайтесь: ведь если мы при знакомстве будем начинать беседу с людьми с приятных, доброжелательных слов, то точно также они будут начинать ее при следующей встрече с нами. Если мы будем помогать окружающим в трудных ситуациях, проявлять сострадание и милосердие, то и они обязательно придут к нам на помощь, когда мы окажемся в беде. Согласитесь, ведь взаимопонимание и взаимоподдержка – это именно то, что необходимо каждому из нас для комфортной жизни.

А можно ли назвать современных людей нравственными? Используют ли они «золотое правило нравственности»? Ответ на этот вопрос весьма неоднозначен. В последнее время многие молодые люди забывают о нравственности: грубят, неуважительно относятся к старшим, не прислушиваются к их мнению, думают только о личной выгоде; забывают, а иногда даже и попирают общечеловеческие ценности, складывающиеся на протяжении многих десятилетий. Некоторые из них не осознают, что, нарушая «золотое правило нравственности», в первую очередь они делают хуже только себе, ведь человек, не творящий добрых поступков, никогда не получит их от окружающих. А на ком же лежит вина за такое поведение нашей молодежи? Я считаю, что на нас. Заботясь о материальном благополучии, успехах и карьерном росте, мы порой забываем о значимости нравственного воспитания нашего подрастающего поколения, не рассказываем им о такой древней форме взаимопомощи, как толока; хвалим наших детей за успехи, но редко предлагаем им оказать помощь своим друзьям. При возникновении конфликтов мы часто говорим детям: «Если тебя обидели или ударили, то дай сдачи», совершенно забывая, что каждый ребенок – это зеркало своих родителей. Да, безусловно, в нашей жизни случаются ситуации, когда окружающие наносят нам большие душевные травмы и нам трудно относиться к ним с добротой и пониманием, но в таком случае всегда стоит задумываться о том, как мы поступили в сложившейся ситуации и не нанесли ли мы сами какой-либо ущерб обидчику.

Завершая свой монолог, хочется сказать: давайте не только будем сами помнить о золотом правиле нравственности, но и прививать его нашим детям с самого рождения, чтобы точно знать, что в будущем всегда найдется тот, кто придет к нам на помощь в горе и разделит с нами радостные моменты жизни!

**ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПРОЗА»

Возрастная категория
старше 35 лет

Сергей Пупышев

г. Петрозаводск

1 МЕСТО

О РЫБЕ

Рассказ

Солнце слабело с каждым днем. С каждым днем слабел и запах леса. Летний, густой, яркий, настоянный на аромате сотен цветущих трав, он медленно иссякал, и на смену ему приходил грустный, горьковатый запах сырой осени. В красках же было все наоборот – однообразно зеленый, с разными его оттенками, лес вдруг становился радостно-желтым и ярко-багряным. Еще неделя-другая и заголятся, станут прозрачными после первых же заморозков лиственные леса. Грустно зашуршит павшая красота под ногами, и затаенную свою унылую песню печальные дожди.

И наконец, настало то время, когда беспокойная натура Федора потребовала действия, а мечта поймать Большую Рыбу, беспрестанно тянувшая его на Пустошь, – исполнения. Он скрупулезно обдумывал, как будет охотиться за Большой Рыбой. Федор верил, что настало его время, и он этого упустить не может.

Ростом Федор был выше среднего, телом владел суховатым, крепким, шаг имел молодцеватый, хотя и разменял он уже четвертый десяток. И прошло уже три года, как он потерял бизнес, затем семью, квартиру и этим был раздавлен, жалел обо всем сильно, печалился.

Пришлось ему уехать из Архангельска. Так, по воле судьбы, оказался он в далеком лесном поселке Боровое, где и жил в съемном крохотном домике и работал в леспромхозе.

В пути на Пустошь Федор думал – для чего ему все эти хождения через трудности, болота гибельные и зачем ему Большая Рыба? И отвечал себе, что это нужно именно сейчас, когда он большую часть жизни уже прожил, остановился на перепутье, теряя веру в себя, и такое серьезное испытание ему сейчас было жизненно необходимо для того, чтобы он заново, пройдя через все мытарства, опять поверил в себя. И это был уже третий, и он очень надеялся, успешный поход за Большой Рыбой на одно из дальних озер Пустоши – Чальмозеро. В первый поход он едва не утонул в болоте, во второй – волки сильно одолевали. И еще поведал старый охотник, что живет в тех местах большой медведь. Вечеровал как-то Федор вместе с Ефимычем в охотничьей избушке. Выпивали, разумеется. Тут Федор и заметил:

– А что это за когти у тебя на стене висят? – Федор поднялся и снял с гвоздя, вбитого в бревно, два огромных медвежьих когтя на кожаном шнурке. – И почему только два?

Ефимыч вздохнул. Налил сполна стопки. Взглядом пригласил Федора за стол обратно.

– Стара история-то, – вспоминал Ефимыч. – Охотничал я в аккурат на Пустоши. И как-то раз кабанчика там подранил. Пошел добирать. Кобелек со мной был, Грэй. Ну вот – иду по следу, слышу, закамлал пес – я ходу добавил! Выскочил на поляну, вижу – здоровушкой медведь мово поросенка задавил и от собаки отмахивацца. Меня увидал, взревел и покатился навстречу. Едва выстрелить успел. Саданул картечью, да неважно попал! Закрутился он и ломанулся раненый в лес. Видно, зацепил я косолапого. А дело-то к ночи шло, тропить по темноте побоялся. Огляделся. Тут и подобрал два медвежьих пальца с передней лапы, вместе с когтями – отсек я их выстрелом. Мякоть ножом срезал, а когти-то сохранил, посадил на шнурок и первое время – смешно, как индеец, на шее носил, а потом в избушке повесил.

– А почему те места Пустошью называют? – спросил Федор.

– А нет там на десятки километров ни леса, вообще ничего нет! Одни болота да топи непролазны, и так до самого Белого моря – Пустошь, одним словом. Вот отсюда и название. А ишшо тамо-ко одно козырное озеро есть! Забавное – будто глаз какой, овал правильной. С севера – словно бровью густой, плотным ельником от ветров прикрыто. А с юга – редким березняком берега поросли. А еще по озеру плавучой остров, будто зрачок, болтается – кусок плавуна оторвало когда-то от берега, а обратно прирасти он таки и не может.

Видно, так название и взялось – Чальмозеро. Чальм – по-саамски глаз. Не сказать, што большое, но с километр посередке будет. Длинной – все два. Берега-то у него хлипки, сплошной плавуn. Ходить по нему шатко, боязно. Идешь – а он проминацца, качат тебя, как на волнах. Только тропу до него по болоту знать надо. А щука там есть – и она огромна. Я это знаю – сам не раз ее изловить пробовал. Только не далась она мне.

Ефимыч затих, потом еще долго шарился в своем рюкзаке.

– На вот! Сам ковал, все думал – ишшо сгодицца. Но, похоже, твой черед пришел с ней бороться, – в его ладони лежали несколько огромных крючков.

– Ну, это точно на крокодила!

– Бери давай! Мне без надобности. Каждый в жизни должен поймать свою Большую Рыбу, а какая она будет, одному Ему известно, – Ефимыч воздел вверх указательный палец.

– А мне про тропу на Пустошь расскажешь? – загорелся Федор.

– Расскажу, коли пойти надумашш.

– Годится, – крепко пожал его руку Федор.

На том и порешили.

Сутки по тайге шел Федор, продирался сквозь густой ельник, переплывался через быстрые реки, обходил топкие болота. И когда, наконец, он выбрался на вершину огромного каменного утеса, перед ним во всей своей красе распахнулась Пустошь.

Где-то совсем далеко, за Чальмозером, брела одинокая сизая туча. За ней в синеватой дымке волочились по расписному болотному ковру тонкие нити дождя. На темно-зеленом сукне низинных болот, посреди пятен кирпичного цвета жижи, чернели окна мертвой воды, ртутными каплями сверкали впаянные блюдца мелких озер, и от них водоносными венами расходились нити ручьев. Он стоял у края обрыва. Его голову оведал несущий свободу ветер. И над всем этим висело красное солнце.

...И еще через пару часов пути он был на месте. День остывал. Кумачовое солнце тонуло в дрожащем розовом горизонте. Казалось, что огромная капля раскаленного металла медленно просачивалась и уходила в темный шлак земной тверди, и была она уже наполовину там – в дне следующем. Черными точками в червленом небе летели косяком птицы с Белого моря, уже близкого. Комары гудели как-то по-особенному низко. На Чальмозере была необыкновенная гладь, и

царило полное безветрие. Он разбил лагерь, накачал резиновую лодку, которую принес на озеро еще в прошлом походе. Поужинал сытно и погрузился в воспоминания...

Вспоминалась Федору дача деда на Волге. Ему тогда восемь лет было. Он с отцом ловит лещей с лодки. Отец вытаскивает большого бронзового леща. Огромный, как поднос в школьной столовой, лещ, изгибаясь, норовя выскочить за борт, гулко прыгает по дну лодки. Маленький Федя смело бросается и накрывает его своим телом. Но рыба сильна, она неистово бьется и выскальзывает из-под него, а он весь в рыбной слизи, в отчаянии кричит, едва удерживая ее: «Папа, папа, помоги, а то он меня сейчас выкинет из лодки!».

В тот год в Национальном музее Казани он впервые увидел громадное чучело белуги¹. Маленький Федя молча, открыв рот, долго разглядывал исполина. Потом повернулся к отцу и сказал:

– Когда-нибудь я обязательно поймаю Большую Рыбу...

...На следующий день Федор задумал просто поселиться на блуждающем острове и, путешествуя вместе с ним, обловить озеро.

На лодке он привез на остров сухих дров – несколько ходок сделал. Наломал елового лапника на подстилку. В самом центре острова, в аккурат между рыжими березками, установил палатку. Остров он окружил по кругу десятком крепких жердин, на которые установил жерлицы с толстенной леской и мощными крючками. Сам тоже без дела не сидел – активно работал спиннингом, меняя различные приманки. Иногда, правда, после плотного обеда его валил сон, и он, лежа в палатке, безмятежно всхрапывал...

Три дня остров дрейфовал по озеру – и три дня Федор ловил жадных щук, жирующих перед скорой зимой. Попадали разные: большие, средние, маленькие, но трофейных экземпляров в уловах не было. Он отпускал почти всю пойманную рыбу, оставляя себе лишь на еду, да еще мелких щучек ставил на жерлицы, оснащенные коваными крючками Ефимыча – на эти снасти у него была особая надежда. Федор почему-то думал, что Большая Рыба обязательно позарится на своих соплеменниц.

¹ Чучело белуги* – в Национальном музее Республики Татарстан находится чучело белуги длиной 4 м 17 см, подаренное Николаем II Александровичем – последним императором Всероссийским. В живом виде она была весом около 960 кг.

...Ночами, как только закрывались его глаза, он снова и снова тянул из озера Большую Рыбу, которая никак не хотела сдаваться.

На четвертый день легкий ветерок подогнал остров к высокому берегу и безнадежно стих на целые сутки. Федор долгого стояния на месте не выдержал, и ранним утром, как только порозовело над горизонтом небо, еще по мокрой траве собрал лагерь, погрузился в лодку и вернулся на постоянное место стоянки. Так что его задумка поймать Большую Рыбу на дрейфующем острове бесславно провалилась.

Похолодало. С севера длинными рваными строчками потянулся гусь в теплые края. День с самого утра задался хмурый, и потому низко летел гусь под тяжелыми облаками, едва не касаясь свистящими крыльями верхушек елей. Федор полдня бесплодно провел у костра, варил уже поднадоевшую уху, подолгу пил обжигающий губы брусничный взвар. Сидел на берегу и смотрел на дородную чайку, чистившую крепким желтым клювом холеные перья. После туалета она остановилась, вытянула шею, приподнялась на перепончатых лапах, оттолкнулась резко и взлетела. Сделав небольшой кружок, сложила крылья и камнем упала в воду. Поднялась чайка над озером с трепыхавшейся в клюве рыбкой, отмечая пустое уже место выпавшей из нее белой кляксой.

Перед обедом Федор решил запастись дровами. Когда пошел за валежником, наткнулся на целый ворох глухариних перьев, устилавших небольшой вытоптаный пяточок в черничнике – видно, лиса изловила птицу и здесь трапезничала. Федору нестерпимо захотелось дичи.

На следующий день он решил добыть дикого гуся. Взял ружье, патронов с крупной дробью подобрал. Другой осеннего гуся не взять – на рану тот крепок, да и перо плотное. Час сидел на берегу Федор, держа ружье рядом. Косяки облетали его стороной. Наконец дождался – небольшая стая, голов так в тридцать, дав широкий круг над озером, пошла на посадку и опустилась на воду в нескольких сотнях метров от него. Берегом пошел Федор, близко к птице подобрался, можно было еще ближе, но хрустнул сухой сучок под нетвердой ногой, и вся стая, гортанно крича, поднялась с озера, оставляя исчезающие дорожки на тихой воде. Федор выскочил из подлеска, вскинул ружье и выстрелил, почти не целясь, потом моментально переломил ружье и загнал второй патрон – но это уже было лишнее.

Большая сильная птица, споткнувшись об убийственный свинец в воздухе, кувырнулась через себя, крикнула на исходе, прощаясь со стаей и, распластав крылья, плюхнулась в озеро. Следом за ней,

медленно кружась, в еще дрожащем от предсмертного крика воздухе, легкое серое перышко опустилось на тяжелую осеннюю воду.

Гуся он варил долго. Слой желтого, прозрачного, в палец толщиной жира покрывал всю поверхность варева. Через час после закипания закинул в котелок пару резаных луковиц, лаврового листа, посолил, поперчил густо – так он любил. Подкидывать дров в костер больше не стал – жара углей еще на добрый час томления хватит. Сладкий дух тушеного гуся висел над стоянкой. Федор прилегал отдохнуть на лапник...

...Все чаще в его мыслях жила лесничиха Тоня. Он познакомился с ней в конторе леспромхоза почти год назад. Так было и сейчас, хотя не всегда у него было с ней ровно – ссорились, бывало. Лицом Тоня была кругла и правильна. Волосы светлы и легки. Кожей – особенно бела. К такой коже хочется прикоснуться и провести пальцами с восхищением, будто по вазе гладкой фарфоровой, и была она спелой женщиной из тех, что не красотой лица ослепляют, а от ладности ее фигуры мужик рот открывает.

...Он вспоминал, как прошлой зимой Тоня принимала его. Ужин ждал. Перед ним они по-семейному шли в баню. Войдя в парилку, она смело подкидывала ковшик крутого кипятка на каменку. Пообвыкнув к нестерпимому поначалу жару, она, велев ему лечь на лавку, еще раз поддавала кипятка на раскаленные камни и парила его березовыми вениками с двух рук хлестко и безжалостно. Покрякивая от удовольствия при особо сильных ударах, он млея, радостно жмурился, затем, распаренный до красноты, с радостным ревом выскакивал в клубах пара из бани и с размаху валился в пушистый снег, плавил его раскаленным телом, затем, перевернувшись несколько раз, поднимался на ноги, блаженно воздевая руки к небесам. Степенно шел обратно и потом еще долго сидел на лавке в предбаннике, с наслаждением попивая клюквенный морс.

Тоня, услышав его, смеясь, выглядывала из парной и манила обратно. Отдышавшись, он возвращался, смело закидывал ковшик кипятка на каменку. На свободу вырывался грозный паровозный «уф-фф», и Федор почтительно пригибался, благоразумно опасаясь за уши, когда над головой завихрялся жгучий парной шар. Расправляя спину медленно и еще минуту свыкался с адским жаром. Затем хватал запаренные в тазу веники и сек ее с двух рук, уже лежащую на полках, отчаянно проклеивая спину, ягодицы, бедра липким березовым листом. Она сначала подзуживала над его неуверенной жаростойкостью. Он, все больше распаясь от этого, поддавал на каменку кипятка и лупил ее вениками неистово. Тоня замолкала,

иногда при особо сильном ударе из нее вырывался лишь слабый стон. Ему казалось, что вот-вот, вздрагивая в ответ гладким телом, она не вытерпит, взмолится, попросит пощады, и он гордо остановит эту чертову порку, но нет – первыми не выдерживали адского пекла его руки. Ему, казалось, что еще немного – и кисти обуглятся, превратятся в головешки, и Федор, побросав веники в таз, пулей выскакивал из бани. Тоня, торжествуя, босая, раскрасневшаяся и гладкая, издевательски медленно выходила следом, неся ведро холодной воды. Также медленно, обдав его ослепительно зрелой красотой, она грациозно поворачивалась вокруг себя, поднимала ведро над головой и смело опрокидывала. Затем бросала ведро и с визгом неслась обратно в баню.

После, напарившись, она приоткрывала дверь в парилку. Горячий березовый дух врывается в моечную, клубами нависал под потолком. В это время они, разгоряченные, уходили в предбанник, закутавшись в полотенца, сидели на лавке и ждали, пока устоится уютная теплота в мойке.

Он обожал, когда Тоня мылила его мочалкой, медленно и тщательно, как мать своего маленького ребенка. Он стоял, как заговоренный, не шелохнувшись, боясь вспугнуть и развеять истинное наслаждение.

Она поворачивала его спиной к себе, становилась перед ним на колени и с усердием натирала жесткой мочалкой голени, бедра, ягодицы, затем поднималась и терла ему спину, намеренно касаясь его затвердевшими сосками. Потом наступало его время. Он медленно намыливал ее всю, трепещущую и ждущую... и это ей казалось невыносимо как приятно, но невероятно и мучительно долго... и он, возбуждаясь до крайности, не выдерживал первым...

...После, задохнувшись от счастья, они валились на мокрый дощатый пол – им еще долго не хотелось воскресать.

...Тоне хотелось выйти за него. Она хоть и справно вела хозяйство, но в деревенском доме нужна была мужская рука. И когда Федор бывал у нее, она цвела, гремя кастрюлями, ветерком летала по кухне, а он, взяв топор, уходил во двор наколоть дров, поправить покосившийся забор или еще по каким-то хозяйским делам. И были прозрачные намеки с ее стороны. Федор чувствовал это. Сначала это умиляло его. Но потом где-то в глубине зарождалось то предательское, мнительное чувство раздражения, когда холостого и уже немолодого мужчину торопят лишиться собственной свободы. И он, не в силах перебороть это, уходил. Дышал волей до следующих выходных, а потом, не выдержав одиночества, возвращался, и все повторялось заново.

Но долгих отношений не выходило.

Сидя у костра, Федор выпивал водки, вволю ел мясо дикого гуся. Много думал о Тоне, и у него засосало под ложечкой от предвкушения сладкой встречи.

Федор поставил живца на самоловку и стал ждать. Непогода надвигалась на Пустошь. Наступало то тревожное время перед сильным дождем, когда затихало все: умолкали птицы, хоронились звери. Носившиеся над водой верткие кулики оседали в прибрежных зарослях. Становилось душно. Облака стремительно наплывали, и вот уже полнеба захватила разгневанная чернота. Где-то, пока еще очень далеко, пророкотал глухой раскат грома. Еще минута-другая – и налетит лихой, крепнувший с каждой минутой ветер, всколыхнет лес растущим напором, явит свой необузданный нор и начнет с хрустом ломать тяжелые ветви. Мелкая рябь побежала по озеру. Загустел перед грозой воздух. Все ближе и явственней доносились зловещие громовые раскаты. По верхушкам деревьев, подпирающих зловещие облака, зашуршал ветер. Большая редкость – гроза в октябре. Она рождается лишь на полном сломе погоды, и после нее уже не будет сильных дождей, только гнусная морось затянется на несколько суток.

Федор уже подумывал уйти в лагерь и переждать непогоду в палатке, но показалось, что ветка, к которой была привязана самоловка, дрогнула. Сначала он подумал – налетевший ветер виноват. Но нет, ветка сильно наклонилась – в этот раз это точно был не ветер. Шнур натянулся и изменил положение. Потом еще сильнее закачалась ветка – и тут же пошла бодрая размотка шнура с рогатки! В этом случае торопиться нельзя. Надо немного обождать, когда заглочит щука наживку, а то не выйдет ничего путного. Не проявишь выдержку – подсечешь рыбу раньше времени и вырвешь у нее из пасти живца, тогда уйдет хищник, знал это Федор.

Он подошел медленно, стараясь не шуметь, к качающейся ветке, тихо за шнур взялся. Выждал, считая про себя нужные секунды, и подсек резким движением. Почувствовав на том конце тяжесть, с ходу выбрал пару метров и еще раз дернул сильно, чтоб наверняка, с гарантией, пробил кованный Ефимычем крючок костистую пасть, засел в ней прочно, и не было обидного схода. Тут же откликнулась Рыба, потянула снасть в озеро. Не рывком, тяговито пошла, мощно, уверенно. Заскользил шнур, обжигая ладони, не смог его удержать

Федор. Хорошо, что от ракиты снасть не отвязал, а то не удержал бы. Помогла ему ветка, спружинила, погасила первый рывок. Струной зазвенел шнур и пошел по дуге, темную воду вспарывая, будто косо выкашивая прибрежный камыш.

Ярким светом моргнула гроза. Содрогнулась от множественных разрядов земля. Гул прокатился по Пустоши, и на землю упали первые тяжелые капли. Распахнулись испорченные огненным тесаком брюхатые тучи, и потоки воды хлынули на землю...

Нет, никогда он еще не чувствовал такой силищи. В висках стучало. Коленки подрагивали от напряжения, дико, на адреналине колотилось сердце. Слух, зрение, все обострилось до предела. Ладони, кончики пальцев чувствовали тетиву шнура каждой клеткой своей. Неотступно стучали мысли – выдержит ли шнур? Не разогнется ли крючок кованый, не поломается?

Все вокруг исчезло. Потерялся счет времени. Он не заметил, как несколько раз падал и поднимался на скользкой траве. Он не заметил, как неистово хлещет по озерной гребенке, пузырился дождь, как промок весь до нитки под ливневыми потоками. Он не заметил как, раздирая громогласные небеса жутким голубым огнем, перестали колоть грешную землю трескучие молнии. Он не заметил, как смолкла бушевавшая над озером гроза, ушла дальше на север, и выкатилось из-за опустевших туч лучезарное светило.

Иногда Федору казалось, что слабеет Рыба, умаялась, и ему удавалось отвоевать, выбрать несколько метров капрона. Она будто бы давала ему фору, но только затем, чтоб подразнить его, взлелеять на секунды мечту о ней, Большой и пойманной. И тут же, не дав ему передохнуть, Рыба уверенно отбирала шнур обратно...

И уже болели кисти, затекшие от длительного напряжения. Руки гудели от усталости, но все равно работали интуитивно и, едва почувствовав слабинку, выбирали шнур, а испытав чрезмерную тягу и чувствуя опасное натяжение капрона, отдавали. Он не допускал в борьбе ошибок, и уже не видел ничего, кроме непрерывно режущего воду шнура, и не слышал ничего, кроме его надрывного стога.

Ему хотелось видеть ее на поверхности. Знал, что если она покажется, глотнет воздуха, задуреет от него и тогда затрясет зубастой пастью, отчаянно пытаясь освободиться от крючка, запаникует, потеряет веру в себя, сильную, и пойдет кутерьма.

И вот шнур изменил угол наклона и стал подниматься. Поверхность пошла бурунами, и тут родилась волна. Еще секунда – и могучая спина, раздвинув тяжелую воду, показалась над водой. От размера увиденной Большой Рыбы вылетел изо рта Федора мат – в

высшей степени восторженный! Изогнулась она, взбурлила могучим телом воду и, образовав водоворот, опять ушла в толщу воды.

– Поднял-таки, поднял!!! – сотрясая окрест не своим голосом орал Федор.

Первая, хоть и незначительная победа! Укрепились в душе надежда! И пошла работа. Иногда Федору удавалось выбрать шесть или, может, чуть более метров шнура, и было радостно видеть у ног кольца отвоеванного капрона. Большая Рыба, почувствовав приближение враждебной ей суши, тут же отчаянными рывками заставляла попустить шнур обратно. Но он верил в стойкость ковального Ефимычем крючка, верил в крепость капрона и при малейшей слабине выбирал шнур с удвоенной силой.

Федору показалось, что она стала уставать. Все чаще он видел ее широченную спину, все больше выбранного шнура у него было под ногами.

Когда до берега оставались считанные метры она, коснувшись дна белым сытым брюхом, почуяла смертельную для нее землю и тогда обезумела вовсе. Веретеном закрутилась, пытаюсь освободиться от крючка. Разметала, подняла густой ил со дна. Взбила могучим хвостом светлую воду до коричневой, кисельной густоты.

Федора подмывало бросить шнур, добежать до ружья и, вернувшись, всадить ей заряд в голову и закончить все. Но тут же на ум приходило другое – дашь ей слабину, выпадет из пасти крючок, и уйдет она обратно в озеро. И тогда не будет у него больше шанса. Да потом и нечестно это, подло по отношению к ней. Его мозг с человеческой жадностью уже измерял, взвешивал ее на весах алчности, еще не поверженную и не пойманную. Но подавлял это Федор, отметал мысли лукавые, не давал им воли – не на берегу она еще, не в его власти!

И вот уже подтащил он ее на мелководье, к самому берегу. Дальше тянуть за шнур было делом проигрышным. Понимая, что шнур может не выдержать мощных рывков Большой Рыбы, заскочил Федор в воду, схватил ее обеими руками за головой под жабры и поволок из озера. Она дернулась всем телом и освободилась от захвата, и в этот же момент он увидел, как из развернутой пасти вылетел ковальный крючок. И она почувствовала это. Похолодело в груди Федора. Он упал перед ней на колени, успел просунуть руки под извивающееся тело, попытался прижать ее к груди. И у него получилось! Но когда Федор попытался подняться с колен, Большая Рыба изогнулась дугой и, резко распрямившись обратно, выскользнула из его объятий, и плюхнулась обратно в воду!

Федор навалился на нее животом и отчаянным усилием, схватив поперек тела в борцовский замок, перекатился с ней к берегу раз, а потом еще раз. Он боролся с ней. Они слились, сплелись в один организм. Кисть правой руки провалилась под жаберную крышку и наткнулась на зубы. Острая боль полоснула руку. Кровь, рыба слизь, озерный ил, пот, застилающий глаза, огромная сотнезубая пасть, тело ее, сильное и скользкое, могучая спина, мягкий податливый, словно женский, белый живот, все мелькало перед глазами. Порой он не понимал, что происходит.

Наконец, скользя на коленках в береговой няше, Федор, будто бульдозер, сумел вытолкнуть ее из воды и оттащить подальше от кромки берега, и у него подогнулись ноги. Человек в изнеможении упал перед Большой Рыбой, преградив своим телом путь к воде.

Тяжело дыша, Федор лежал на берегу. Ему казалось, что он все силы оставил в этой борьбе, в глазах стало темно, не хватало воздуха. Огромная, немногим меньше его ростом, изможденная Большая Рыба находилась с ним рядом на мокрой траве, и лишь мощные плавники слегка подергивались от напряжения.

Федор повернулся к ней. И только сейчас он смог разглядеть ее. По объемным, бронзового окраса бокам бежали светлые пятна. Спина – зелени густой, почти черной, широкая, будто лавка деревенская засмоленная. Сытое холеное брюхо белело ярким пятном. Угрожающе раскрыв усеянную сотнями острейших зубов пасть, раздувая широкие жаберные крышки, она бревном лежала на мокрой траве. Обессилев от борьбы и захлебнувшись воздухом, она некоторое время лежала неподвижно. Но потом вдруг очухалась, отошла. Угрожающе заворочала плоской мордой. Зло зыркнула исподлобья хищными глазами на него и пошла в безудержный пляс, скатываясь в озеро. Федор попытался удержать ее руками. Да где там – мощным движением Большая Рыба высвободилась и, извиваясь, поползла вниз к воде по пологому берегу.

...И в это время он услышал рык, низкий и глубокий. Федор повернулся и медленно поднялся. Огромный медведь, вздыбив седую холку, стоял в двадцати метрах от него, низко опустив косматую голову. Федор косым взглядом нашел ружье – оно было близко, всего в пятнадцати шагах стояло прислоненное к дереву. А в это же самое время из-под ног Федора, изгибаясь всем огромным телом, Большая Рыба, будто почуяв поддержку, медленно сползала к береговой кромке по мокрой траве...

Сердце колотилось бешено... надо хватать ружье... но как это сделать? Медленно, повернувшись к медведю лицом, отступить к нему,

не делая резких движений, или кинуться сломя голову и одним броском добежать до оружия? А дальше что?

Огромная щука, стремясь к свободе, отчаянно изгибаясь, все ближе и ближе соскальзывала к воде.

Человек и зверь застыли в выжидании... Федор решился и в несколько прыжков достиг ружья. Схватив его, направил ствол в сторону медведя. Зверь не кинулся за ним следом. Он стоял на том же месте, но теперь поднял морду, угрожающе заревел и стал еще больше – материстой.

Большая Рыба, извиваясь всем телом, уже почти достигла воды, и это придало ей новые силы... еще несколько секунд, и она уйдет в озеро. Мозг Федора работал холодно и расчетливо. Ему показалось, будто он отчетливо видит картинку со стороны – всего лишь задачка с двумя неизвестными! В кого стрелять? В медведя? В голову ему метить – в надежде пробить бронебойный лоб? В грудь стрелять вообще без толку: если и шкуру пробьешь, то в тяжелых мышцах свинец завязнет и до сердца не дойдет. Остается только в шею целиться. А если промажешь и только подранишь зверя? Тогда все – конец... сомнет тебя такая зверюга, как бумажный пакет магазинный.

В этого медведя уже стрелял опытный охотник Ефимыч и не убил. Убить из ружья Большую Рыбу, в надежде, что зверь может испугаться выстрела и уйдет в лес? А если не уйдет? Бросится на него – тогда картина нарисуеться следующая: Федор у него будет на первое, а Большая Рыба, как говорил Ефимыч – на верхосытку² останется. Да и медведь, надо полагать, какие-то мысли на этот счет тоже имеет. Но поди-ка загляни ему в голову!

И тут еще раз похолодело в груди Федора – один патрон в стволе, да и тот с дробью! «С дробью!» – простучало в голове. Он же не собирался на крупного зверя – ружье на гуся было заряжено!

Большую Рыбу дробь, может, и остановит, а вот медведя только разозлит. Патроны с пулями есть, но они в палатке, а до нее не добежать... покажешь медведю спину – все, моментально у него сработает инстинкт хищника, убегает жертва – стопроцентно кинется вдогонку... а убежать от зверя, который двигается быстрее человека более чем в два раза, невозможно!

Оставалось ждать. Просто ждать. Да и не мог он бежать – мечта была рядом и держала его прочно.

2 на верхосытку* – на десерт (поморский говор).

Двигалась лишь Большая Рыба. Она уже находилась наполовину в воде, и до чудесного спасения ей оставалось совсем немного.

Медведь жил здесь всегда и потому не выдержал первым. Покачивая огромной головой, он сделал несколько угрожающих шагов вперед. Федор прицелился. Шерсть на седой хребтине вздыбилась. В маленьких глазах огромного зверя ни страха, ни сомнения не было. Было видно, как широко раздувались его ноздри. Он чуял тугой, знакомый ему с детства запах рыбы, его раздражал ненавистный, чуждый дух человека, и в то же время вгонял в дрожь смертельно опасный, маслянистый смрад убийственного металла. Федор не шевелился...

Медведь пригнулся еще ниже, напряг готовые к прыжку задние лапы, еще раз повел носом. Но потом поднялся на задние лапы во весь свой чудовищный рост, устрашающе взревел, широко раззявив пасть с желтыми клыками. И оцепенело все в округе – затих многоголосый лес, испуганно слетели птицы с окрестных деревьев, наострили уши охваченные ужасом звери... И в этом реве Федор услышал все – торжество могучей силы хозяина Пустоши и презрение к нему, человеку, нарушившему границы его владения.

И когда Большая Рыба, на прощанье, взмутив воду могучим хвостом, исчезла в темной глубине озера, седой медведь опустился на четыре своих, медленно, с достоинством развернулся и неторопливым шагом направился к притихшему лесу, оставляя на берегу глубокий след трехпалой лапы...

Через два дня Федор был у Тони. Сели обедать. Федор открыл бутылку вина.

– Мне не наливай! – она прикрыла бокал ладонью.

– А что так? – и он увидел ее глаза, тревожные и вместе с тем счастливые.

– Нельзя мне, – сказала она тихо и вдруг смущенно полыхнула румянцем.

Он долго смотрел на нее и наконец понял.

– Ошибки быть не может? – осторожно спросил Федор.

– Нет, не может. Я уже два раза тест делала.

– Какой срок?

– Два месяца уже.

Федор резко поднялся. Некоторое время молчал. Затем глубоко задышал. Ей показалось, что ему не хватает воздуха. Он бросил взгляд

на часы и выскочил из кухни в коридор. Там, суетливо накидывая куртку, еще долго не мог попасть руками в рукава. Наконец это ему удалось, он обулся в кроссовки и трясущимися руками принялся за шнурки.

– Ты не останешься? – она не могла понять его реакцию на новость.

– Нет... – твердо отрезал Федор и еще раз взглянул на часы. – Собираться пошел! К ужину хочу успеть! – чмокнул Тоню, почему-то в лоб. – С чемоданом жди! Не выгонишь? – и, не дожидаясь ответа, широко улыбнулся и бегом выскочил из хаты.

На дворе шел дождь.

Она вышла проводить на крыльцо и долго смотрела ему вслед. Бежал он странно – прямо по лужам. Иногда двигался боком, взрывая унылые лужи веером брызг приставным шагом, то одним плечом вперед, потом резко, как по команде на уроке физкультуры, разворачивался другим плечом. Заметив перед собой висевшую ветку черемухи с пожелтевшими листьями, разбежался и, высоко подпрыгнув, достал ее кончиками пальцев. Она, качнувшись в ответ, щедро обдала его водяным душем. Он, смешно съежившись, вжал голову в плечи, хохотнул, отскочил в сторону, мотнул головой, стряхивая капли с волос и глядя в хмурое небо, что-то радостно выкрикнул. Потом вдруг опять взглянул на часы и припустил заново...

2 МЕСТО

Элина Савченко

г. Краснодар

КРУГИ НА ВОДЕ

Рассказ

Утром, после сильного ночного дождя, было тихо и прохладно. Я вышел на влажное крыльцо – скрипнула знакомая, плохо прибитая ступенька. Стекланный воздух обнял меня, и я поежился.

На краю крыши, над застрехой, сидел важный желтоклювый дрозд. Он стряхнул с себя капли – те побежали по желобу вместе с остальными и, соединившись, упали в лужу, сделав идеальный, дрожащий круг. Дрозд следил за тем, что творится вокруг, наклонив голову набок. Может, и он видел в этом какую-то свою птичью красоту.

Я вспомнил того же дрозда, только не на крыше, а в осиннике, и рядом – фигуру Николая Никифоровича. Он жил один в избушке на выселках. Говорили, что пришел с войны, отстоявшейся где-то глубоко в его молчаливых глазах. Рассказывал он мало, отрывками, будто виделась ему в чаще нечаянно другая жизнь – развороченная взрывами, обугленная. И звери в ней были другие – не добыча, а такие же испуганные, оголтелые соседи по окопам. Николай Никифорович был стар, суховат, подвижен, годами носил одну и ту же куртку и помятую кепку-«аэродром». В карманах его вечно находилась крауха

черного хлеба – «для встречных», как он шутя объяснял, имея в виду всякую лесную мелочь.

Мы жили на самом краю деревни, где огороды уже невольно сдавались под натиском молодой лесной поросли. Меня, семилетнего, мать отпускала с ним без тревоги. «С дядь Колей не пропадешь, – говорила она. – Он с лесом на «ты»».

Я тянулся к нему, наверное, потому, что в его молчании было больше понимания, чем во всех разговорах в школьном коридоре, где я всегда чувствовал себя немного посторонним – тихим мальчиком, который следы на тропинке знал лучше, чем школьные премудрости.

Николай Никифорович никогда не спрашивал про уроки. Он спрашивал: «Слышишь?» или «Видишь?». И это было главное.

Мы всегда шли медленно, и он, бывало, останавливался, поднимал руку, и я замирал.

– Слышишь? – шептал он.

– Мышь? – робко спрашивал я.

– Полевка, – поправлял старик. – Под валежником. Обед ищет. – А вот: тук-тук. Слышишь?

Я кивал.

– Ему не по вкусу, – улыбался Николай Никифорович. – Ищет посочнее.

– А он все дерево испортить может? – выпалил я.

– Может. Но тогда дятлу нечего будет тут есть. Он не глупый. Почуть-чуть берет.

Мы шли дальше, и старик показывал мне на березу, наполовину сухую, а на ней – огромный, темный гриб-трутовик.

– Съедает ее, – пояснял Николай Никифорович, постукивая по нему ножом. – Медленно, год за годом. Без него дерево бы жило да жило. А с ним... Видишь, в дупле-то?

Я заглянул в черноту дупла. Внутри было гнездо – две синицы, пушистые, как желтые шарики с черными галстучками, метались туда-сюда. С яростным, деловым писком они тащили мошек. Одна пичуга, увидев мой глаз в просвете, на миг замерла, вся вопросительная, и вновь вернулась деловитой к суете.

– Жадные какие, – улыбнулся я.

– Не жадные, а заботливые, – поправил Николай Никифорович. – У них, поди, дети там, птенцы. Им на всех надо. Каждую мошку, каждую букашку высмотреть, поймать, притащить. Работа с утра до ночи. Пока клюв не отвалится. Вот так-то.

– А дерево погибнет?

– Одному конец – другому начало. Гриб дерево губит, а птицам дом дает. Птичка пала – жук ее под землю утащит, землю удобрит. Все крутится. И мы с тобой тоже в этом круговороте.

– И не больно птичке? – переживал я.

– Это у живых болит, а мертвым не больно...

Однажды на зимней опушке мы застали лисицу. Она кралась, низко прижимаясь к земле. Вся она была – одно напряженное ожидание. Замерла, уткнув острый нос в снег, уши настороженно шевельнулись.

– Она... на мышшь? – прошептал я, замирая.

– На полевку, – уже знакомо мне поправил Николай Никифорович. – Смотри, как ушами водит. Всю подземную возню слышит. А вот сейчас... сейчас ... прыжок!

И правда – лиса вдруг взметнулась вверх всем телом и мягко, словно кошка, приземлилась всеми лапами на одно место.

– Поймала? – едва дышал я.

– Поймала, – кивнул старик. – Вон, в зубах унесла. Не наша это охота, но учит она многому. Видел, как тихо? Ни сучка не хрустнуло. Это целая наука – быть невидимкой.

Про охоту он рассказывал странно – не про выстрелы, а про ожидание. «Сидишь это в ельнике перед рассветом, – говорил он, шурясь куда-то вдаль. – Холодно, нос зябнет. А потом небо чуть светлеть начинает, серым-серым. И вот тогда лес просыпается. Не весь сразу, а по очереди. Сначала пискнул кто-то, потом ветка хрустнула, потом иволга свистнула – одна, другая... И ты уже не охотник, а гость. Самый тихий гость. И если уж взял зверя, то не со злорадством, а с мыслью: прости, брат. Мне мою жизнь кормить надо».

Старик знал, что я не выношу вида подстреленной дичи или зверя – однажды, увидев убитого зайца, я расплакался, и с тех пор, отправляясь со мной, Николай Никифорович никогда не брал ружья. «Нам с тобой, – говорил он, – не стрелять, а смотреть. Это поинтереснее будет».

Но был и жестокий урок, ставший глубокой трещиной в моем детском восприятии леса. Поздней осенью мы направлялись к озеру по старой гати, уже подмерзшей и скрипучей под сапогами. В воздухе чувствовалась почти осязаемая сырость от воды. Николай Никифорович, шедший впереди, замер так резко, что я ткнулся в его спину. «Тише», – выдавил он. Его рука, застывшая в полусогнутом состоянии, медленно опустилась к рукоятки ножа. Из чащи корявого ольшаника, прямо на размытую тропу, выполз лось. Он был молод – шильник, с жалкими, обтянутыми бархатом шишками будущих рогов. Его шкура дергалась на ребрах при каждом хриплом выдохе. За ним, на примятой траве оставался длинный, темный след.

Лось остановился, поднял голову – чернота его глаз зацепилась за нас, но в ней сквозили усталость и укор. Зверь снова издал этот звук – короткий, хриплый «ху-ух».

По спине у меня побежали мурашки, а во рту стало горько. Я ждал, что Николай Никифорович шагнет вперед, достанет нож с костяной ручкой, быстро и умело... И будет не страшно, а свято и милосердно. Но старик не двинулся – он стоял, вросший в землю. Его рука так и не сдернула нож с пояса.

Лось, собрав остатки дикой, непонятной мне воли, судорожно подался вбок. Уткнув морду в землю, он перевалился через лежащую еловую корягу – кора облезла под его тяжестью – и исчез в зарослях. Только долгий, мокрый шорох полз еще несколько минут, а потом и он растворился в далеком стуке жизни.

Николай Никифорович медленно повернулся. Я не увидел в его глазах ни утешения, ни объяснения, готового для ребенка. Там была только неприкрытая правда.

Я в ужасе ожидал чего-то...

– Не мне решать, когда его круг замкнется, – проговорил старик глухо. – Может, доползет до воды, охолонет в ней. Выживет хромый. Волк тогда не возьмет, силен будет.

– Так а возьмет если? – заплакал я.

– А может... и найдут волки ночью. Сыты будут его мясом, выводок выживет зимой. Их круг.

– Ты мог вмешаться! – настаивал я, испытывая новые смешанные чувства.

– Наше дело – не лезть в чужой круг со своим ножом. Или со своей жалостью. Жалость – она про тебя, а не про него.

– Ты жестокий!

– Самое трудное – увидеть и отойти, – не слушая меня, продолжил старик. – Это и есть уважение, выше которого не бывает.

Дальше мы к озеру не пошли, развернулись назад. Спина моя горела, ожидая того самого влажного, укоряющего взгляда из чащи. В тот день я повзрослел. Есть жестокий, неумолимый и совершенный в своей жестокости, и уважение к нему – решение – тихий и страшный внутренний выбор...

Дрозд на краю крыши вдруг встрепенулся, собрался в пружину, сделал короткий, решительный взмах крыльями, оторвался от темного дерева, и я увидел, как снизу, в полете, его черное перо отликает синеватым блеском. Он понесся стремительно и низко, будто стелясь, через весь наш огород: мимо покосившегося плетня, где висели блеклые стебли гороха, над пустующей грядкой прямо к черной полосе

леса. Туда, где кончалась наша утрамбованная колесами улица, где за последним сараем начиналась иная жизнь.

Новые капли, тяжелые и одинокие, продолжали падать с крыши в ту же лужу. Круги от них расходились, пересекались, гасили друг друга. Я думал, что Николай Никифорович не умер, а просто кончился здесь и начался *там*. Может, его молчаливая внимательность теперь – это корни молодой осинки. Или шорох старого папоротника. Или влажное осеннее утро. Он часть огромного, вечного круговорота, в котором и падающая капля, и улетевший дрозд, и я.

3
МЕСТО

Ирина Иванова

г. Москва

РАССКАЗЫ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Короткие новеллы

Снег ел

Я мыла его, аккуратно, стараясь не задеть повязки. Рана на боку, старая, с пожелтевшими краями бинтов, и еще – обмороженные пальцы рук и ног.

– Как так? Почему обморожение? – спрашиваю больше себя, чем его.

Он отвечает спокойно, без всяких эмоций:

– Сидел, раненный, в «лишьей норе» неделю. Ждал, пока свои подойдут. Декабрь на дворе, вот и обморозился.

– Целую неделю? – я пытаюсь уложить это в голове. – А что же вы ели?

Он чуть поворачивает голову в мою сторону и тем же будничным, почти равнодушным голосом отвечает:

– Снег ел.

Снег ел. Сказал так, будто он всю жизнь только и делает, что сидит в землянке и ест снег.

У меня защипало в носу. Я стою, держа в руках влажное полотенце, и чувствую, как внутри все сжимается. В горле ком, я не могу пошевелиться.

Он заметил, что со мной что-то неладное, что стою сама не своя. Он выглядел озадаченным, его лицо сначала вытянулось, а потом вдруг расплылось в доброй, почти озорной улыбке, и он доброжелательно произнес: «Да ты это, не горюй, матрос! Неделя – это ж пустяк! Другие еще дольше выживали... недели... месяцы...»

И он протянул мне на ладони крупный, ярко-оранжевый апельсин.

Сквозь прутья

Утром мы, как обычно, зашли к нашему юному подопечному Дмитрию в семнадцатую палату. Ему девятнадцать. Мы принесли трусики, зубную пасту и щетку.

У Димы ранение правой руки, но он уверенно идет на поправку и уже готовится к выписке. Впереди – возвращение в родную часть, а перед этим ему очень хотелось повидаться с семьей.

Родным никак не удавалось приехать в госпиталь, но сегодня они нагрянули внезапно, без предупреждения. Димка даже не успел заранее оформить на них пропуск, поэтому общаться с близкими придется через забор.

Мы выходим в госпитальный парк и подходим к решетчатому забору. За ним стоят родители Димки и его младшая трехлетняя сестра.

Забор позволял дотянуться – обнять, коснуться. Димка не отходил от своих ни на шаг.

Мама держится спокойно, подбадривает сына, только глаза чуть блестят.

Отец молчит. Он смотрит на Димку и почти не двигается. Потом просунул руку между прутьями и взял руку сына – тонкую, обожженную, еще слабую. Кожа на руке чуть розовая, местами с корочками от ожогов. Он гладил руку снова и снова, как будто боялся отпустить.

Димка тихо сказал, что ему больно. Но папа не слышал – смотрел и гладил, будто в забытьи.

Я увидела, как меняется лицо Димки, и все поняла. Стремительно протягиваю руку отцу:

– Разрешите пожать руку за такого сына.

Отец сжал мою ладонь:

– Спасибо, что вы рядом. Он про вас рассказывал.

Потом папа снял с шеи крестик на серебряной цепочке и передал мне. Я надела его на Димку.

– Отдашь мне его, когда вернешься домой, – сказал глава семейства и проговорил чуть громче:

– Пообещай, что вернешься! Димка прижал крестик к щеке и пообещал.

Мне нужно было уходить. Я попрощалась и двинулась в сторону госпиталя.

На повороте я оглянулась и увидела, как Димка целует ладони мамы сквозь прутья и прижимает их к лицу. Рука так и не поднялась, чтобы помахать.

Зеркало

В тот день дежурство началось, как обычно. Я пришла в отделение, получила список дел: палата 23 – помыть, палата 25 – побрить и т.п. Одновременно с нами в отделение приходит группа парикмахеров-волонтеров. Мы делаем свое дело, они – свое. Когда они ушли, закончив подстригать лежащих ребят, я заметила, что у одного из бойцов на подушке остались срезанные волосы. Значит, после стрижки его не протирали, не помыли голову и даже подушку забыли отряхнуть. Непорядок. Я подошла к нему. Перемотанный во многих местах, с трудом дотягивается до тумбочки. Пока готовлю таз и предметы для мытья головы лежа, заговариваю с ним. Оказывается, горел в танке, лежит уже много месяцев. Спрашиваю: не побрить ли его – парикмахеры этим не занимались. Он замялся. Тогда я предложила зеркало, чтобы он сам посмотрел и решил. Он берет его у меня из рук, смотрится в него, и... Мир замер, превращаясь в бесконечность и тишину. Молодой парень лежал и смотрел в зеркало неотрывно, как заколдованный, минут пятнадцать, а может, и больше.

Я молча держала этот предмет и невольно рассматривала лицо бойца. Оно тоже было обожжено. Вдруг я заметила тонкую розовую линию, и меня осенило: на лицо пересаживали кожу. После этого он долгое время просто не знал, как выглядит! Это был момент истины – молодой человек впервые осознал, что его лицо уже не тот уродливый обгоревший панцирь. Разница между травмированной и нетравмированной частями еще была заметна, но не сильно бросалась в глаза, особенно с учетом мужской щетины. Много месяцев его мыли, стригли, ухаживали за ним, но никто не давал ему увидеть себя и понять, что он уже не «полутруп с процентами поражения», а живой, молодой, вполне привлекательный мужчина.

Тот, на кого можно смотреть. Тот, в кого можно влюбиться. Тот, кем можно гордиться.

Выражение его лица изменилось, теперь на нем было написано: «Я есть, я жив, я буду!» Мы побрили, смыли волосы с головы и торса, и

я, выдохнув полной грудью, вышла в коридор, чтобы записать в список своих дел: купить зеркало для обгоревшего бойца. И вскоре мы купили не просто зеркала, а зеркала с пятикратным увеличением. Чтобы такие, как он, не видевшие самих себя в будущем, наконец смогли разглядеть его в этом простом бытовом предмете.

Водичка в тазик

Это был самый обычный день в госпитале. Мне дали простое, почти механическое задание: обойти палаты, собрать заявки на стрижку. Формально – ничего сложного. Пришла, поздоровалась, записала в блокнот: к кому прислать парикмахера, кому предложить отправиться на шестой этаж самостоятельно – там уже трудились наши волонтеры-парикмахеры.

Я шла по списку. Этаж за этажом, палата за палатой. Где-то благодарно кивали, где-то просили чуть подстричь «вот тут сзади», где-то махали рукой: «Да какая тут стрижка, нам бы ноги...»

Зашла в маленькую двухместную палату, темно. Под ночником в полумраке боец, лет тридцати. Лежит на животе. Бородатый. Смотрит на меня, как Святой Себастьян с картины Тициана.

Увидел меня, и сразу:

– Стрижка мне не нужна, сестричка. Мне бы водички... В тазик... умыться. Взопрел, спасу нет...

Я замерла. Это не входило в мое задание. Моя тележка с тазами была на несколько этажей выше, и я еще не закончила сбор заявок на стрижки... Но... В нем было что-то такое – не жалкое, нет. А щемящее. То, от чего в груди все сжимается.

Я сразу представила: долго пылился в окопах. Наверное, неделями без нормальной помывки. Теперь вот ранен, да так, что даже сидеть нельзя. Только лежать. Только на животе. Все тело в напряжении, в раздражении, в липкости. А он просит не обезболивающее, не особое питание. Просто – водички в тазик.

Как я могла сказать «нет»?

Я пообещала вернуться. Быстро дособирила заявки, поднялась за тазиком, пеленкой, ковшиком. Спустилась обратно. Вошла – и он аж приподнялся от радости. Глаза светятся. Словно принесли не воду, а сундук с сокровищами.

Я все аккуратно подготовила: постелила пеленку ему под торс, подставила тазик, налила в ковш прохладной воды, как он и просил. И начала лить ему на голову. Потом просто оставила тазик с водой перед ним, и что тут началось! Он плескался с жаром, с толком, с чувством. Этот чудо-богатырь стонал от облегчения и удовольствия, как счастливый щенок, которому впервые разрешили выбежать на траву после клетки.

Высокий, бородатый, раненый – и в этот момент просто человек, которому наконец-то не жарко, не липко, не мучительно.

– О-о-ох... А-а-ай, вот это да! Во кайф! – Наверное, весь этаж слышал его восторженные завывания, и, может быть, кто-то даже улыбнулся за стенкой. Я стояла рядом и тоже не могла сдержать улыбки.

Он плескался долго, наверное, минут двадцать, а то и больше.

– Благодарствую, от души! – пробасил он, протягивая лапичу за полотенцем – Воскрес, волшебница!

Мы засмеялись. Слишком громко для больничной палаты, но никто не делал замечаний. Как, оказывается, просто сделать человека счастливым!

С тех пор я к нему заходила, когда было время. Просто поведать, поговорить, принести что-то по мелочи. Мы с ним не стали близкими, но он остался для меня одной из тех историй, что впечатываются в память.

Однажды я зашла – а его в палате не было. Спросила у соседа:

– А он?

– Да ходит уже. По коридору топает, что твой лось! Радует, как ребенок.

Я улыбалась, потому что вдруг ясно поняла: людей нельзя спасти разом.

Их спасают понемногу. Маленькими дозами тепла.

Одному – тазик с водой.

Другому – стрижка.

Третьему – просто посидеть рядом и помолчать.

Большие победы начинаются с маленьких прикосновений.

Вита Градская

г. Данилов, Ярославская область

3 МЕСТО

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Рассказ

Солнце упрямо карабкалось по небосводу, игриво перебирая разнолистные одиноко стоящие деревья, хозяйские ягодные кусты на деревенских огородах, длиннущую жердь колодца у дома тетки Васи. Нет, пожалуй, на колодце оно слегка задержалась, видимо привлеченное ведром, покойно и безветренно ожидающим начала своего трудового дня, когда бабы и ребятишки начнут тягать его туда-сюда, туда-сюда. Кто плавно, ровно опуская его в непроглядную студеную тьму колодца, бережно, чутко переливая воду в свои ушаты. Это обычно бабы. А их детки со всего маха швыряли несчастное ведро в глубину, в бездонье, словно обезьянки на лиане перебирали колодезную цепь. Ведру такая небрежность не нравилась, и мелко мстя детворе, оно выплескивало им студеную воду на босые пятки и обиженно поскрипывало замком. Камень на другом конце жерди требовательно тянуло братно, ввись, напоминая о превосходстве. Вот так – с бабами плавно, а с мальчишками – скачком возвращая ведро верховным, смотрящим за деревней.

Сегодня солнце по привычке поиграло на его боках бликами, дерзко высветило проклюнувшуюся ржавчину на слегка помятом

боку, задержалось на дужке и стремительно, словно спохватившись о простое, скакнуло дальше по своему вечному, но никогда не надоевшему кругу.

Женька зажмурился, натянул на голову одеяло, попенял слишком ретивому солнцу за торопливость и снова впал в утреннюю сонливую негу сладкого мальчишеского сна. Горластое «кукареку» он проспал еще пару часов назад. И тягостное, апатичное «му-у-у» тоже обошло его богатый сон. Только ретивое солнце со своим чрезмерно шустрым карабканьем слегка расстроило мальчишку – так хочется поспать, поваляться в уютной кровати.

«Вот сейчас, – проваливаясь в сон успел подумать он, – бабушка закричит: «У ленивого Емели семь воскресений на неделе». Словно в воскресенье дает выспаться. Предательское солнце, ты хоть бы помедленнее, хоть бы поме-е-дленнее... хоть бы...»

– У ленивого Емели семь воскресений на неделе.

Радостный окрик бабули мог бы воскресить Ленина в мавзолее, но тот в своем стеклянном саркофаге блаженно смотрел сам в себя и терпеливо ожидал ходочков «каждый день, в час назначенный». А Женька, горько прощаясь с подушкой, полудремно натягивал вчерашнюю майку, перепачканную смородиной.

«Ох, сейчас бабушка увидит, заорет, – пронеслось у него в голове, – вчера-то пятна не заметила. Может, ну ее, совсем под подушку спрятать? Да нет, сразу хватится: где одежда? Где маечка? Неряха худа, бабкина беда. Видно неряху по грязной рубаше».

– Женья? – всплеснула руками бабушка Лиза, когда заглянула во внуков угол. – Неряха худа, бабкина беда.

– Видно неряху по грязной рубаше, – тоскливо продолжил Женья, пытаясь разомкнуть слипающиеся глаза.

«Голосиста пташка, да грязна рубашка», – предположил он следующую реплику.

– Голосиста пташка, да грязна рубашка.

Внук удовлетворенно кивнул головой – все идет по плану.

Поговорками бабуля сыпала, словно тополь на окраине деревни июньским пухом. Женька за свою крохотную, но такую долгую жизнь выучил их до последней буквы, а бабушка, словно развивая его память, каждую неделю выдавала новые. А может, не внукову, а свою память тренировала.

Женька хоть и умылся во дворе прохладной водицей из старенького, подтекающего рукомойника, за столом сидел квелый, унылый. Молоко, провожая вчерашние бабушкины пироги, уже каверзно показывало дно голубой кружки, а бодрость так и не приходила. Пока

бабуля вышла в сенки, Женька положил голову на стол и сонно предрек следующее: «Ленивый сидя спит и лежа работает».

– Ленивый сидя спит и лежа работает, – ровно по сценарию покачала головой бабушка возвращаясь. – Вставай голубок, на перрон пора идти.

Две связанные за ручки большие корзины, до самого верха наполненные садово-плодовыми дарами, кряжистая, сухожильная бабуля, крякнув, подкинула на плечо, в другую руку подхватила гладко отполированную палку и, не глядя на внука ходко припустила вдоль деревни, к заветному перрону, на станцию. Шла молча, но Женька знал, что она про себя читает заговор на торговлю типа: «Как солнце взойдет, так мой покупатель придет и деньги мне принесет. Я продаю свой товар, а взамен жду навар». За Женькиными плечами висел рюкзачок с яблоками.

Сейчас, вот уже скоро все окрестности огласит протяжное паровозное «ту-ту-у», и пыхающий пыльный состав, трудно отдувая ноздри, рывком припаркует свои бока у гостеприимной станции, дерзко оккупированной предприимчивыми бабулями.

Небольшая, но узловая станция на целых полчаса давала приют запыхавшимся поездам, а утомленным в них пассажирам развлечение на перроне, приобретение экологических витаминных овощей-фруктов и облегчение карманов. А бабулям, напротив, – выхолащивание корзин и приятного отягощения загашников.

– Чего расселся? – прикрикнула на Женьку бабушка, – давай, милоч, торговля ждать не будет.

«Бог поможет и купца пошлет», – вздохнул, поднимаясь с ящика, мальчик.

– Бог поможет и купца пошлет, – оправдала прогноз бабуля.

– Подходите без стеснения, есть и малина и варенье! Огурцы, салат, петрушка, сельдерей, морковь, и груша, – без энтузиазма начал Женка ярмарочные зазывалки.

– И корица, и волчица! – молодой задорный парень с улыбкой смотрел на него. – Хорошо зазываешь, брат. Ну, давай свои груши, покупаю оптом.

– Какие груши? – засуетилась бабушка, – это он так, для красного словца. Сирота, что возьмешь с него?

Отец Женьки, сын бабушки Лизы, утонул три года назад. Аккурат на Троицу. Выпили с мужиками, и вот на тебе – не любит студеной речная вода пьяную удаль. Через три дня у берега в соседней деревне тело нашли. А мама мальчика через год замуж вышла, в другой город уехала. Далеко. Деньги присылала, сама пару раз наведалась. Женя помнит, как

кричали они с бабушкой на кухне. Помнит, как плакала мама, а бабушка шипела на нее. А наутро Женя сквозь дрему почувствовал, словно ласковый голос легким щекотанием коснулся его уха, «Я заберу тебя, мой мальчик». И все. И с тех пор, бабушка, когда приходит на перрон, грустно смотрит на него и называет «сиротинка». Правда, если на обратном пути сиротинка начинает останавливаться возле вокзального ларька и выразительно смотреть на витрину, бабуля недовольно поджимает губы и ворчит:

– Рубль наживаем, а два проживаем.

А веселый парень в белоснежной футболке, чудом сохранившейся в пыльном поезде, задорно подмигнул Женьке и, не глядя на бабушки Лизу, продолжал:

– Гони, брат, свою петрушку. И сельдерей куплю у тебя.

– Э, милок, – укоризненно покачала головой бабушка, – морковь бери. Яблоки вона есть. Сельдерей я сегодня не принесла.

«Вот бы мне такого брата», – во все глаза таращился на него Женька.

Брат. Женька всегда мечтал о брате. Сильном, веселом. Вот совсем как этот симпатичный парень.

– Яблоки бери, хорошие яблоки, – уговаривала бабушка, между делом обводя взглядом всех потенциальных покупателей.

Но Женя знал – яблоки сегодня у них невкусные. Их бабушка вечером брала с дальней яблони, а там они кислые, с оскоминой. Но пробовать она давала другие – нежные, сочные. Некомпетентные пассажиры часто покупались на уловку. А Женьке за это всегда было до одури стыдно.

– Хорошие яблоки, брат? – подмигнул парень. – Ну если говоришь, что хорошие, то возьму. Чего бы домой не привезти вкусных яблок?

– Кислые они, – опустил глаза мальчик.

– Какое кислые?! – закричала на него бабушка. – Вона, парень, пробуй! Погоди, лихоимец, уж я тебе устрою дома кислое.

Про лихоимца, это уже к внуку.

Парень снова подмигнул Женьке.

– Насыпай, бабуля, своих яблок. На, держи деньги. На сдачу брату мороженое купишь.

– Куплю, касатик, куплю, – запричитала бабушка Лиза, пересыпая яблоки в белый полиэтиленовый пакет, – за кого молиться-то? Ведь сиротиночку призрел.

Это тоже была ее уловка – бить на жалость. Но Женька знал – молиться бабушка не будет. У них и икон даже в доме не было, не то что у Валеркиной бабушки. У той весь угол образами увешен. И

Валерка, когда идет гулять, всегда возле них шелестит губами и важно крестится.

– Бог знает, за кого ты молиться будешь, бабуля. А парня не обижай. Хороший хлопец, честный.

Женька тоскливо смотрел вслед уходящему парню, что весело насвистывал и покачивал пакетом с кислыми яблоками. Ловкая оплеуха вернула его к действительности.

– Леший предатель! Тебя бы на осинушку, да на самую вершинушку. Кислые, – передразнила его бабушка, – этак с тобой по миру пойдешь.

Торговля сегодня шла бойко. К концу стоянки поезда корзины их опустели, и даже старое, прошлогоднее варенье смогла сбить сегодня бабушка Лиза какому-то поддатому мужичку. И вот уже пунктуальный паровоз суетливым свистком переполошил замешкавшихся покупателей, призывая поторопиться. Глядишь, а одни проводники беспокойно замахали руками своим пассажиром, а другие стояли в тамбуре с флажками.

Женька тоскливо посмотрел на состав, пытаясь угадать, в каком из вагонов поедет этот запавший в душу парень.

– Эй, брат, – услышал он сквозь отъезжающую суету.

К Женьке со всех ног, улыбаясь и расталкивая спешащих пассажиров, бежал парень в белоснежной футболке.

– На, держи! С Яблочным спасом тебя, брат, – и стремглав бросился догонять плавно тронувшийся поезд.

Огромное, нездешнее яблоко стремительно оказалось в Женькиных руках. «Медовое», – успел подумать он, и слезы брызнули из его глаз.

– Кислое, говорит, – жаловалась бабушка Лиза торговке на внука, – чуть всю торговлю не испортил мне сегодня. Вот уж дома получит у меня нагоняй. Иуда, останется без блюда.

А Женька смотрел вслед удаляющемуся поезду, в конец перрона, на котором немым укором одиноко стоял пакет. Белый полиэтиленовый пакет с яблоками.

**ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПРОЗА»

Возрастная категория
старше 35 лет

Валерий Голубенко

г. Санкт-Петербург

1984

Рассказ

Прошло больше сорока лет с того Нового года, даже более сорока одного года... Я чувствую себя Моисеем, блуждающим по пустыне собственной памяти, – чтобы мои дочери и мои любимые люди почувствовали, зачем я это делаю.

...В свои студенческие годы в Москве я был влюблен в Нину, девушку из параллельной группы факультета кибернетики. Своего апофеоза моя влюбленность достигла в середине последнего, шестого, курса прославленного института, когда вместо написания диплома я уединялся зимними ночами от своих соседей по комнате за шкафом, разделявшим ее на две неравные части – на случай, если кому-то надо работать, а не спать. Институт действительно был прославленным – именно у нас изобрели лазер! Именно изобрели, то есть сделали своими руками первую лазерную установку. Я помню, с каким восхищением мы, студенты, смотрели в коридорах института на нобелевского лауреата Николая Басова, идущего на лекцию или с лекции, – казалось, что его лоб занимал большую часть лица! Уединялся я от своих соседей чаще всего с бутылкой одиннадцатиградусного венгерского рислинга за два

рубля тридцать копеек и банкой скумбрии в масле, которую превращал вилкой в паштет по типу шпротного («рвотного», как называли мы его в общежитии) и намазывал на хлеб до последней молекулы. Венгерское сухое вино и консервированная скумбрия были моими верными союзниками в написании не диплома, а стихов, посвященных Нине. Точно так же, как вино способно развязать язык, оно освобождало мою буйную фантазию, которая делала с Ниной не только все, к чему явно и тайно вожделеет вечно голодный двадцатидвухлетний организм, но делала это еще и в рифму!

...Очаровательная пани

В то время забавлялась сном,

Ничуть не ведая о том...

«Пани» – это и была Нина: второй слог – от ее имени, а первый – от фамилии. Это время за импровизированной ширмой и в разгуле романтической импровизации сейчас мне кажется самым счастливым в моем студенчестве, а тогда – в конце декабря 1983 года – я вдруг понял, что на носу Новый, 1984, год и что ни с кем, кроме Нины, я встречать его не смогу. А встретить его вместе с ней я тоже не мог: у Нины была сестра-двойняшка, вышедшая замуж и ставшая москвичкой – «через дупло», как называли мы такие ситуации в общежитии. Ее муж постоянно пропадал в экспедициях, и Нина фактически переехала к сестре, недавно родившей сына, в двухкомнатную квартиру около станции метро «Автозаводская». Для меня там на Новый год точно места не было, и только в моих стихах нашлось несколько строк, чтобы выкрасть мою зазнобу оттуда:

Ты сядешь в теплую машину,

Мила, серьезна и проста, –

И дворик заспанный покинув,

С Автозаводского моста

Пошлем привет...

Пошлем привет, видимо, Нининой сестре... Короче, до Нового года оставалось несколько дней, а встречать его ни с Ниной, ни без нее в ставшей вдруг безумно одинокой Москве я не мог. И тогда, так как дело касалось не трех сестер, а только двух, вместо «В Москву, в Москву, в Москву!» я выкрикнул: «Из Москвы, из Москвы!» и отправил своему другу телеграмму такого содержания: «Усть-Илимск, редакция «Усть-Илимской правды», Сергею Иванову. Не с кем встретить 1984». Серега ответил на следующее утро, тоже телеграммой, конечно: «Привези шестиструнную гитару, внутренность заполни шоколадными конфетами, здесь их нет». Оставил свой телефон в редакции и на вахте в общежитии. Однако ненормальным он меня назвал, только когда в буран я прилетел в Братск и позвонил из телефона-автомата.

Я вылетел из Москвы, скорей всего, тридцатого декабря – сейчас открою в интернете календарь 1983 года: да, это пятница – последний рабочий день в Москве, меня ничего уже там не держало. Кстати, деньги у меня тоже были последние – рублей сто пятьдесят из остатков «подушки безопасности» на последний год учебы. Их должно было хватить на рейсы до Братска и Усть-Илимска и обратно – дотянул бы до своей повышенной стипендии в начале января. Пять лет я был круглым отличником в одном из лучших вузов огромной страны – из трех, имевших на выпускном значке-ромбике свое наименование: МГУ, МФТИ и МИФИ, но мой диплом катился под откос – под романтические рифмы, посвященные Нине. Все же я смогу написать дипломную прозу, очнувшись за две недели до даты защиты, запланированной на первое февраля 1984 года. Я не сказал «успею», потому что катастрофически не успевал, начав свой главный научный труд лишь в середине января... Но, как говорится, везет дуракам и пьяницам, а был я тогда, скорей всего, и тем, и другим – срок защиты перенесли на полмесяца, и я действительно «успел», проведя пятьдесят шесть часов без сна, чертя накануне защиты в читальной комнате общежития двадцать плакатов размером в ватманские листы. Буфет был в нескольких метрах от читальной комнаты, но я физически не успевал там поесть, и только апельсины с частотой в одну десятитысячную долю Герца (один апельсин каждые три часа) поддерживали мои силы... Конечно, я защитился на «отлично»! А сейчас я в панике покидал Москву – в панике от невозможности встретить Новый год с любимой девушкой.

Я не помню занесенный снегом аэропорт – скорей всего, это был Домодедово, но я запомнил на всю жизнь – и этот рассказ является подтверждением – ослепительную сопровождающую меня белизну. Ослепительно серебристый лайнер «Аэрофлота» Ту-154, его ослепительно белый салон и мои чистые стихи Нине, которые я все взял с собой – все до единого! Я подозревал, что у Сергея есть в общежитии собственная печатная машинка – иначе как бы он готовил свои материалы для местной газеты. Я летел в Сибирь с абсолютно корыстной целью – напечатать свои стихи, я был уверен, что тогда Нина перед ними точно не устоит. Итак, мой студенческий «дипломат» был до отказа забит поэзией и шоколадными конфетами – самыми лучшими! – «Каракумом», «Белочкой» и «Мишкой на Севере». У меня не поднялась рука заполнить внутренность гитары в заводском футляре конфетами – подсознательно такая композиция духовного и плотского казалась кощунством. Моя гитара идеально поместилась в отсеке для ручной клади – впереди нас ждал пятичасовой перелет в Братск...

Кстати, разница с Москвой по времени – именно эти пять часов по прямой.

Мы прилетели в буран – у меня до сих пор такое чувство, что снег в братском аэропорте (получился каламбур, но законы русского языка не позволяют мне написать «в Братском аэропорте», а использовать всех устраивающее «в аэропорте Братска» я не хочу) был даже внутри – возможно, занесло только телефон-автомат, из которого я позвонил в редакцию «Усть-Илимской правды». Похоже, что пассажиры, не севшие в Москве в полупустой самолет, лучше меня следили за братской погодой... Вот тогда Сергей и назвал меня сумасшедшим! Меня-то – везущему ему новую гитару и лучшие шоколадные конфеты в Союзе! «Ты рискуешь застрять там при такой погоде на неделю», – добавил он на прощание. Рейсы на Усть-Илимск действительно уходили не по расписанию, а «по погоде». Хочется сказать «как сейчас помню», был седьмой час вечера, но примерно так и было – значит, вылетел я из Москвы в восемь утра и теперь бессмысленно слонялся по аэропорту в ожидании с Ангары погоды... И мне снова повезло – как тому самому сумасшедшему с легкой руки (с легкого языка) моего друга – часа через полтора объявили продажу билетов до Усть-Илимска. Вот так все просто было в советское время: решили отправить рейс – добро пожаловать в кассу, уважаемые пассажиры! Билет стоил рублей двенадцать – просто не мог он стоить меньше десятки, значит, двенадцать... Буран, однако, не стихал – снежный вихрь ввинчивался в открытый хвост самолета, впервые я садился в него таким образом. «Видимо, из-за погоды, точнее, из-за непогоды», – решил я... То, что она (непогода) была совершенно нелетной, меня совершенно не пугало. Мы тогда вообще ничего не боялись – такое было время. И Усть-Илимск со своим менее чем восьмидесятитысячным населением стал для Сергея важнее, чем восьмимиллионная Москва, – ровно один процент от Москвы. И для меня тоже – пусть всего лишь на Новый, 1984, год...

«Как человек бывает совершеннолетним и несовершеннолетним, так и погода бывает совершенно нелетной», – подумал я, заходя в хвост самолета. На самом деле, в «Як-42» посадка осуществляется именно через хвост. Конечно, я не помнил, какой это был «Як» – 40 или 42, – но помог услужливый «Яндекс»: из-за аварии полеты «Як-40» в 1983–1984 годах не выполнялись, поэтому мне не оставалось ничего иного, как лететь в Усть-Илимск на «Як-42». Не помню, куда я пристроил гитару, – скорее всего, она уже стала полноправным пассажиром, салон был заполнен от силы наполовину. Летели около часа: от Братска до Усть-Илимска по прямой – двести с хвостиком. Совсем не помню усть-илимский аэропорт, не помню, чтобы Сергей меня встречал – в

редакции было самое напряженное время, и работал он допоздна. Наверняка добрался сам на автобусе до города и потом до общежития – там и встретились. Я не ошибся – печатная машинка Сергея, почти новая, занимала центральное место в его комнате. В комнате было две кровати, но жил Сергей один – благодаря этой самой печатной машинке. Она полагалась ему как корреспонденту городской газеты (в советское время печатные машинки подлежали строгому учету, чтобы граждане не занимались самиздатом стихов Цветаевой, или романа «1984» Оруэлла, или вообще, не дай бог, печатанием антисоветских листовок). Было часов десять вечера, может, одиннадцать, мы еще долго говорили, я наконец добрался до горячего чая, но конфеты находились под собственным запретом – слишком ценным они были сокровищем в этом сибирском городке, да еще и в Новый год!

Сергея я знал с 1978 года, когда поступил в МИФИ – он учился тогда на пятом курсе. Он был самым сильным шахматистом в институте, а я сразу стал его чемпионом, потому что Сергей в том турнире не играл. Так мы познакомились. Мы объездили с институтской сборной полстраны – куда нас только не заносило: Ростов-на-Дону, Желтые Воды на Украине, Рыбинск, Ереван! Два студента, четыре преподавателя, а Сергей тогда был уже стажером. Когда он не попал в финал чемпионата Москвы, заняв в полуфинале первое невыходящее место, он разочаровался во всем – шахматах, своей научной карьере, во всей Москве – и бросил ее ради своего журналистского дебюта в провинциальной сибирской газете... Сергей – классический мифист: что угодно, только не работа по специальности! Вот и я в конце концов свернул на проторенную дорожку, опубликовав в прошлом году свою первую в жизни книгу – книгу стихов под названием «О», и Серега сказал, что такое название имеет право на существование – это было для меня высшей похвалой. Шахматы не являлись его единственным увлечением: он выступал с концертами институтского клуба КСП (клуба самодеятельной песни), сочинял тексты к своим песням и подбирал музыку под гитару. Я ходил на его концерты и запоминал его песни:

...А зимой в степи все объято сном:
Только тишь да храп вороных коней...
Затерялся дом в глубине полей –
Свой цыганка век доживала в нем...

Его стихи мне казались изумительными, а он учил меня, как их сочинять: найти тему, потом слова по этой теме – посмотреть, какие из них рифмуются, и так далее и так далее. Но я его советов никогда не слушал, кроме одного: отглаженные рифмы и одинаковые формы существительных дозволены только гениям, например, «коней-полей», –

поэтому он и был для меня гением. Он был для меня намного ближе Высоцкого и Окуджавы, очень популярных в те годы. Сергей и сейчас выступает в ансамбле КСП МИФИ и поет в знаменитом на весь мир мужском хоре МИФИ!

...Сергей рассказывал мне темной сибирской ночью, что социализм в Усть-Илимске – словно в разрезе: если что-то в городе не так, то это сразу попадает на полосы местной газеты и тут же – на стол в горкоме партии. Было заметно, что он непосредственно и с неподдельным энтузиазмом вовлечен в этот процесс в роли корреспондента «Усть-Илимской правды». Новый год нам предстояло встречать в семье вертолетчика. Сергей сказал, что вертолетчики – это особая каста в Сибири, ведь во многие места там можно добраться только на вертолете. И что по характеру нет более мужественных и добрых людей. «А еще у них всегда дома замечательная клюквенная настойка, поэтому для тебя есть на завтра важное задание – закупить шампанского в вино-водочном магазине; сейчас огромные очереди за алкоголем, а у меня самый напряженный день в редакции», – добавил Сергей. О моих стихах он сказал, что когда я начну печатать свои творения, то сразу почувствую, как сильно облагораживает печатный текст написанное от руки. О Нине, фото которой я показывал ему еще в МИФИ, он знал и в роли умудренного опытом старшего товарища наставил меня на путь истинный: «Ты слишком много посвятил ей стихов – на таких не женятся, такова проза жизни. Например, Пушкин посвятил своей жене только два стихотворения». Я не скажу, что эта новость меня тогда сильно разочаровала – мне не терпелось увидеть свои стихи напечатанными!

На следующий день, последний день 1983 года, я отстоял на пятнадцатиградусном морозе очередь за шампанским – за полусладким одиннадцатиградусным «Советским шампанским», стыдливо уменьшившимся в эпоху тотального дефицита до ноль-семи литра. Давали не более двух бутылок в руки. Сергей говорил, что нынешняя зима в Усть-Илимске – мягкая, всего пятнадцать градусов, обычная температура в декабре-январе – минус двадцать пять. Мне хватило и пятнадцати – вечно голодному почти двухметровому московскому студенту... Я вернулся в общежитие и стал печатать свои стихи Нине. Задача-максимум была напечатать все, чтобы с чистой совестью встретить Новый год. Но с непривычки я стал ошибаться и, конечно, перепечатывал заново, иногда почти готовый лист. В итоге справился примерно с половиной, напечатал сперва самые дорогие (чтобы облагораживание происходило во всех направлениях!), когда часов в семь вечера вернулся Сергей. Долго ехали на автобусе в

спальный район однообразных многоэтажек на окраине города, я – с шампанским, Сергей – с гитарой и конфетами, а когда выходили, повалил снег... Чистый предновогодний снег! Как подтверждение, что все успели сделать в этом году и что в новом все чистые мечты сбудутся. Нас встретила обычная семья: муж, жена, дочь восемнадцати лет, родственники – всего человек восемь. Трёхкомнатная стандартная квартира. В этой тёплой домашней обстановке я согрелся, танцевал с хозяйской дочкой, но только раз; кажется, Галей ее звали. (Заговорил стихами – значит, правда.) Неизвестно, кто из нас больше стеснялся – я забыл про Нину, она осталась где-то далеко – где-то там, в моих стихах... Сергей пел свои песни – и «А зимой в степи», конечно, тоже. Дождались Нового года по Москве в пять утра – не помню, смотрели ли новогоднее обращение Андропова, и стали укладываться. Гости спали, в основном, на полу. Проснулись – продолжили отмечать, но уже без ночёвки – второго января у Сергея был уже рабочий день.

Второго января вышло солнце с одноименным прогнозом до конца недели – это означало, что вернусь в новогоднюю Москву я без новых приключений. За целый день я допечатал свои стихи в двух экземплярах – под копирку – и на следующий день улетел. Не помню ничего: ни первый рейс в Братск, ни второй из Братска, ни самолеты-аэропорты – ничего! Я подарил первый экземпляр своих стихов Нине, и мы навсегда рассорились – нет, не из-за стихов. Нина понимала, что в стихах можно многое, даже то, чего нельзя. Наверное, мы действительно рассорились из-за того, что Пушкин посвятил своей жене лишь два небольших стихотворения... Или из-за того, что, пытаюсь быть ближе к Нине, я отправился в противоположном направлении и вернулся другим... То есть вообще не вернулся!

...Больше сорока лет прошло с того Нового года. Сергей быстро пошел на повышение и стал работать в иркутской газете «Советская молодежь». Около пяти лет провел он в Сибири, чуть не написал «в добровольной сибирской ссылке». Нет, это была далеко не ссылка – это был социализм в разрезе – в том числе благодаря таким, как Сергей. В 1988 году он взял интервью у Бориса Ельцина и смог опубликовать его как раз в «Советской молодежи» – в итоге оказался в Москве, в «Российской газете». Взял интервью для нее у Бориса Спасского, десятого чемпиона мира по шахматам. Вскоре «специалист по Борисам» женился на своей Лене – смутно предполагаю, что именно для этого он в свое время покинул Москву в противоположном направлении – чтобы стать ближе, ближе некуда.

Вот такая эта история о Новом годе 1984 – ничего, казалось бы, особенного: люди встречаются, ссорятся, женятся... Несколько лет назад

она получила неожиданное продолжение: на своей странице в соцсети Сергей опубликовал воспоминания о концерте Булата Окуджавы в Иркутске в 1987 году. У знаменитого барда порвалась гитара во время выступления. Связать струны не получалось, и Булат Шалвович обратился к залу, нет ли у кого гитары. Я не знаю, зачем Серега пошел на этот концерт с гитарой, но у него была с собой гитара! Наверное, хотел взять интервью – Булат, конечно, не Борис, но похоже. А с гитарой взять интервью у Окуджавы шансов гораздо больше, чем без гитары. Я спросил его тогда: «Это случайно не та гитара, что я привёз в Новый, тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год?»

– А какая же еще!

Светлана Деревягина

г. Воронеж

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛАСС №26

Рассказ

Глава 1

Серезжка бежал по коридору – молнию на рюкзаке заело, и теперь ноты приходилось придерживать подбородком. Дурацкая молния. Дурацкий коридор. Дурацкий вторник.

Петров Витька возник из ниоткуда. У него это умело получалось – возникать. Как будто сидел в засаде и ждал, когда Серезжка пробежит мимо, чтобы вклеить свое вечное:

– Опять на свою пиликалку?

– На фортепиано!

– А, ну да. Пальчиками по черно-белым клавишам брынчать, много ума не надо.

Витька засмеялся. Оглянулся на пацанов – те заулыбались, закивали, будто услышали что-то очень остроумное. Серезжка не остановился. Он просто побежал дальше.

Он знал, что еще несколько минут и будет сидеть в своем самом любимом месте – в двадцать шестом классе музыкальной школы №8. И не будет больше никаких Витьков, одноклассников и проблем.

Есть только клавиши. Черные и белые. И он.

В тот день он играл Вивальди.

Светлана Ивановна, учительница по музыке, стояла у окна, слушала, а когда он закончил, сказала:

– У тебя получается уже совсем по-взрослому!

Он не понял, что это значит. Да и ему было все равно. Ведь звук, который шел из-под пальцев, заполнял всю комнату удивительным светом, и Сережка в нем полностью растворился.

Наполненный счастьем, он вернулся домой и с улыбкой на лице уснул.

Глава 2

Утром следующего дня на школьной доске висел листок.

Крупными буквами, жирным фломастером, чтобы видели все, написано: **ВНИМАНИЕ! ГРОМКАЯ ПРЕМЬЕРА! ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!**

Заслуженный укротитель черных и белых клавиш – **Сергей Щукин**.

В программе мирового **турне «По трем клавишам!»** прозвучит легендарный, сводящий с ума всех собак и соседей, головокружительный хит всех времен **«СОБАЧИЙ ВАЛЬС»!** Вход свободный!

Сережка снял листок. Скомкал. Сунул в карман.

Витька сидел на парте, свесив ноги, и улыбался открыто и радостно, как человек, который сделал доброе дело и ждет благодарности сказал:

– Ну чего ты дергаешься? Пацаны вон в футбол гоняют, а ты по клавишам тыкаешь, как девчонка. Это смешно!

– Не смешно, – ответил Сережка.

– Тебе самому не надоело? Сидишь в своей музыкалке вечерами. А толку? – продолжал Витька.

Сережка посмотрел на него. Хотел сказать что-то. Но не смог.

Дома он открыл крышку пианино. Постоял. Потрогал клавишу «до» первой октавы – она чуть просела, надо вызывать настройщика, мать все обещает, но никак. Потом закрыл крышку.

– Ты чего не играешь? – спросил отец из коридора.

– Рука болит, – соврал Сережка.

Отец понимающе кивнул. Сделал шаг к кухне. Остановился.

– Я тоже в восьмом классе начинал, – сказал он негромко, глядя в стену.

– Думал, в оркестре буду играть... Как когда-то твой дедушка.

Сережка замер.

Отец никогда не говорил про музыку. Вообще. Ни слова. Сережка даже не знал, умеет ли отец играть.

– И чего?

– А ничего. Механиком на заводе работаю, – ответил отец и пошел на кухню.

Серезка долго сидел неподвижно, глядя на закрытую крышку пианино. Сидел долго. А вечер постепенно заполнял комнату темнотой.

Глава 3

Он все еще ходил в музыкалку – мать сказала: «Мы за это платим, между прочим». Но теперь не спешил. Плелся, считая шаги. Пятьсот сорок семь от подъезда до угла школы. Семьдесят два от угла до школы.

Играл – и сам не слышал, что играет. Пальцы двигались сами, а внутри было пусто и сухо, как в заброшенном доме.

Светлана Ивановна хмурилась:

– Сережа, ты где летаешь?

– Нигде.

– Твой Вивальди раньше был «живее».

После урока Серезка вышел на крыльцо музыкальной школы и сел на лавку возле школы.

Было холодно. Ноябрь. Темнело рано, уже в пять вечера зажигались окна в доме напротив. Серезка сидел и смотрел, как загорается одно, потом другое, потом третье. Там, наверное, ужинали. Смотрели телевизор.

А он сидел на лавке и слегка подмерзал. Рядом кто-то сел.

Серезка покосился. Девочка. С виолончелью – большущей, в потрепанном чехле, выше ее самой. Он видел ее раньше в музыкалке, но имени не знал.

– Ты Серезка? – спросила она.

– Ну.

– Я Аня. – Она помолчала, потом продолжила. – Ты Вивальди играешь? В двадцать шестом классе?

Серезка пожал плечами.

– Я стояла сегодня под дверью, слушала. Я вообще частенько слушаю твою игру. Ты играешь так душевно, мне очень нравится. Она говорила тихо, глядя не на него, а куда-то в темноту, на окна.

– У меня бабушка в больнице. Я вообще сегодня не хотела идти на урок музыки. Мама заставила. Сказала: «Не сидеть же дома, все равно ничем не поможешь». Ну я и пошла, вспомнив, что сегодня ты занимаешься, чтобы тебя послушать. А на урок так и не сходила. Играть совсем сил нет.

И замолчала. Серезка слышал, как она дышит – неровно, будто собирается с силами.

– Я не знаю, как объяснить. Но когда слушаю, как ты играешь, – дышать легче становится.

Она встала. Поправила ремень виолончели – тот соскочил с плеча.

– Ты это... не бросай музыку никогда, Сереж.

И ушла в темноту.

Сережка долго сидел на лавке. Пальцы сами собой нащупали в кармане скомканный листок – тот самый, с собачьим вальсом. Он вытащил, расправил, посмотрел. Прочитал. Снова скомкал.

Потом встал и зашел обратно в музыкалку. В коридоре никто не ходил. В школе практически уже никого не было.

В двадцать шестом классе было темно.

Он не стал включать свет. Сел за рояль. Положил руки на клавиши и начал играть.

Сначала Вивальди. Потом Моцарта. Потом Чайковского. Потом – то, что шло изнутри, мелодия, которой раньше не было. И никто никогда ее не слышал. Пальцы сами находили ноты, будто кто-то вел их.

Он играл долго. Потом закрыл крышку, посидел еще немножко в тишине и пошел неспешно домой.

Глава 4

Утром в школе Витька снова открыл рот.

Сережка перебил его на полуслове:

– Слушай. Я тебя услышал. Правда.

Витька замолчал.

– А теперь услышь ты. Мне это надоело. Все это не смешно.

Он достал из рюкзака ноты – те самые, что вечно заедали молнию, – и положил на парту.

Витька посмотрел на ноты. Потом на Сережку. Улыбка сползла.

Витька хмыкнул и пошел к своей парте.

После пятого урока Сережка побежал в музыкалку.

В коридоре, у двадцать шестого музыкального класса, на подоконнике сидела Аня. С виолончелью.

Увидела Сережку, кивнула.

Он кивнул в ответ. Зашел в класс. Открыл инструмент. Положил руки.

И заиграл.

Вернувшись домой, увидел на кухне отца, сидевшего за столом с газетой в руках. Он не читал, просто сидел, смотрел в одну точку.

Сережка остановился в дверях.

– Пап... А дедушка... он сильно расстроился, что ты бросил?

Отец не сразу ответил. Опустил газету. Посмотрел в окно.

– Не знаю. Я его не спрашивал.

Помолчали.

Сережка постоял. Потом прошел в свою комнату. Открыл пианино.

Он сыграл гамму «до мажор». Потом «соль мажор». Потом «ля минор» – грустный, тягучий.

Где-то на кухне звякнула чашка.

В субботу Сережка пришел в музыкалку рано. За два часа до урока.

Светлана Ивановна удивилась:

– Ты зачем так рано?

– Можно просто посидеть?

Она посмотрела на него. Кивнула. И вышла из класса.

Он сидел в классе один. Смотрел на клавиши. Потом положил руки на инструмент и начал играть. Не гаммы. Не этюды. То, что услышал внутри себя, когда сидел на холодной лавке, а рядом говорила тихая девочка с виолончелью.

Он не заметил, как дверь приоткрылась.

Аня стояла в проеме, прижимая к себе виолончель, и слушала.

Он не заметил, как дверь открылась шире.

Светлана Ивановна стояла рядом с Аней и слушала. Лицо у нее было другое – не усталое, а светлое, как будто она вспомнила что-то очень давнее.

Он продолжал играть, а в конце коридора остановился мужчина. Отец не знал, зачем пришел. Он вышел из дома купить хлеба, а доехал до музыкальной школы. Просто стоял и слушал, как его сын играет.

Сережка доиграл и замер.

А потом отец шагнул в дверной проем.

– Я тут... это... – Он переступил с ноги на ногу. Куртка на нем была расстегнута. – Пришел.

Сережка посмотрел на отца и сказал:

– Сядешь, поиграешь?

– Я не научился. Бросил раньше, чем научился.

Пауза.

– А дедушка умел?

Отец кивнул. Один раз. Коротко.

– Он в оперном играл. В оркестре. – Отец помолчал. Вздохнул. – Я потом на похоронах узнал. Он не рассказывал. А я... не спрашивал.

Глава 5

В понедельник в школе Витька подошел сам.

– Слышь... – Он мялся. Смотрел в сторону, на стену, на доску, в пол.

– Ты это... короче, я спросить хотел.

Сережка ждал.

– А сложно? Ну, этому. Научиться.

– Чему?

– Да играть. На чем ты там брынчишь.
– На фортепиано?
– Во!
Сережка смотрел на него.
Витька смотрел в пол.
– Хочешь, приходи завтра, в двадцать шестой класс музыкальной школы №8 и послушай.
Витька хмыкнул. Кивнул.
Во вторник в двадцать шестом классе не хватило стульев.
Светлана Ивановна принесла два из коридора. Стулья были старые, скрипучие, но никто не жаловался.
Витька сидел в углу, делая вид, что его тут нет. Сидел и молчал.
Аня сидела у окна, положив виолончель на колени.
Отец сидел у стены. Все в той же рабочей куртке.
Сережка сел за рояль.
Он обвел взглядом этот странный, собравшийся неизвестно, как и зачем маленький зрительный зал.
Витька. Анька. Отец. Светлана Ивановна.
Сережка положил руки на клавиши.
– Это для дедушки, – сказал он.
И Сережка начал играть. Он играл долго.
Сначала то, что родилось на холодной лавке. Потом Вивальди.
Потом Моцарта...
Он играл для Ани, которая сидела с виолончелью на коленях и не шевелилась.
Для отца, который сидел, тоже, как Аня, не шевелившись, боясь упустить хотя бы одну ноту.
Для Витьки, который впервые в жизни сидел тихо и не смеялся.
Для дедушки. Которого Сережка никогда не видел. Который играл в оперном оркестре, а дома молчал. Который, может быть, сейчас тоже слышит – там, где вообще все слышно.
И для себя.
Потому что, когда садишься за инструмент – ничего нет. Ни боли, ни обиды, ни страха, что у тебя никогда не получится. Ни одиночества. Ни холодной лавки. Ни Витькиного смеха.
Есть только клавиши. Черные и белые. И он.
И внутри что-то распускается – медленно, волшебным, как после долгой зимы.

Регина Климович

г. Яхрома, Калининградская область

РЕСТАВРАЦИЯ

Рассказ

Осень 1993 года. Алексей Степанович Чистович, художник-реставратор высшей категории, работал в Никольской церкви, что на тихой, почти глухой улице за рынком.

Церковь была холодной и пустой. Настоятель, отец Никодим, уехал в гости к сестре, сторож дядя Митя отпросился домой – скрутил радикулит. Работать в одиночестве было даже удобнее. Он поднимался по лесам к своду апсиды, где уже месяц открывал фреску XVII века – «Сошествие Святого Духа». Открывал не для Бога (Чистович был агностиком), а потому что под слоями копоти, вареного льняного масла и бездарных ретушей таился сложный, уверенный рисунок и редкий, чистый пигмент – краплак. Эта работа требовала тишины и полного одиночества. И сейчас тишина в городе была особая: после вчерашних выстрелов в центре она стала густой, настороженной, как перед грозой.

Чистович работал скальпелем. Снимал позднюю запись – грубый мазок киновари, которым в середине XIX века какой-то богوماз попытался «освежить» одежды апостола. Под ней проступал первоначальный тон, глухой розовато-лиловый, цвет увядающего вереска. Мысли были заняты составом для укрепления левкаса.

Дверь распахнулась с таким треском, что эхо побежало под сводами. Вошли трое. Не вломились – именно вошли, быстро и целенаправленно. Двое остались у входа, один подошел ближе. Молодой, в полном «адидасе», лицо гладкое, без морщин и мыслей.

– Ты тут за старшего?

Чистович медленно спустился по лесам.

– Да.

– Нам нужно оставить кое-что. На пару дней. Место тихое.

Чистович молча смотрел на него. Потом перевел взгляд на тех, что у двери. Один нервно курил, другой вертел в руках ключи на массивной бляхе. Сумка у его ног была не спортивная, а большая, дорогая, дорожная, из мягкой кожи. Она казалась неестественно тяжелой.

– Нельзя, – сказал Чистович.

– Почему?

– Правила. Музейный фонд. Я материально отвечаю.

Это была правда, но не вся. Вся правда была в том, как стоял тот, что с ключами. Стоял, отклонив корпус назад, как будто хотел держаться подальше от этой сумки. И как он держал ключи – не крутил их на пальце, а нервно сжимал и разжимал в кулак, будто это было оружие.

«Мальчишка», – подумал Чистович без всякой жалости, с холодным, профессиональным наблюдением. Ему было знакомо это напряжение в плечах, этот взгляд, уставленный в пустоту чуть выше головы собеседника. Он видел это в молодых солдатах перед первой отправкой на передовую. В 1944-м под Выборгом он служил санитаром при медсанбате, ему было восемнадцать. Он помнил, как они так же стояли, куря перед погрузкой в эшелон, – не героически, а просто стараясь не обоссаться от страха. Разница была в том, что у тех страх был чистый, а у этих – грязный, перемешанный с алчностью и глупой бравадой.

– Какие правила? – парень в «адидасе» усмехнулся. – Сейчас другие правила. Мы тебе оставим за хранение. Хорошо оставим.

Чистович покачал головой.

– Унесите. Сейчас.

Он повернулся и снова полез на леса. Это был не жест отваги, а чистая практичность: нужно было закончить участок до того, как подсохнет укрепляющий состав. И еще он знал, что спиной к опасности стоять неудобно, но смотреть на нее сверху – спокойнее.

Снизу послышался шепот, потом более громкая, сдавленная ругань.

– Пошли, – крикнул тот, что с ключами. – На фиг надо. Холодина у них тут.

Они ушли так же быстро, как пришли. Сумку забрали. Дверь прикрыли. Чистович ждал, не двигаясь, пока звук их шагов не растворился в уличном шуме. Потом спустился, подошел к двери, задвинул тяжелый железный засов. Вернулся к работе.

Вечером, собирая инструменты, он нашел у основания лесов окурок «Мальборо». Аккуратно раздавил его ботинком, смел в совок.

На следующий день он пришел раньше обычного. Город был еще пуст. Чистович открыл храм, включил слабую лампу-переноску у лесов и начал готовить палитру. Он решил сегодня не резать, а тонировать – подбирать утраченный цвет на небольшом участке фона. Это была тонкая, почти ювелирная работа, требующая полного погружения.

Он не услышал, как открылась дверь. Увидел движение краем глаза, когда кто-то уже стоял внизу, в двух шагах. Тот самый, с ключами. Без друзей. Без сумки. Лицо было даже не бледным, а серым, как цементная пыль. Глаза красные.

Они молча смотрели друг на друга. Парень первым отвел взгляд. Он смотрел на инструменты на столе – кисти, скальпели, баночки с пигментами.

– Что вы тут делаете? – спросил он наконец, голос хриплый, невыспавшийся.

– Работаю.

– А что... это? – он кивнул на фреску.

– Фреска. Роспись по сырой штукатурке. Этой лет триста пятьдесят, не меньше.

Парень кивнул, как будто эта информация была ему важна. Он подошел ближе, задрал голову.

– А это кто?

– Апостолы. И языки пламени над ними. Сошествие Духа.

– А зачем?

Чистович на секунду задумался. Он мог бы процитировать Евангелие, но это было бы нечестно.

– Не знаю. Художник так видел. Заказчик, наверное, верил, что это важно. Мне важно другое – открыть, как он это сделал. Какими красками. Каким движением руки.

Парень снова кивнул. Потом сказал, глядя куда-то в пространство между Чистовичем и стеной:

– Вчера мы не сумку прятать хотели... Мы автоматы хотели спрятать. После той стрельбы. Нам сказали, что к вам никто не сунется.

Чистович ничего не ответил. Ждал.

– А вы сказали «нельзя». И мы ушли. И... – он запнулся, – и мы их выбросили. В речку. А сегодня утром моего друга, Сашку, того, что со мной был, забрали. Следователи. Кто-то сдал.

Он замолчал, ожидая реакции. Но Чистович просто стоял, держа в руке кисть №2, колонок. Потом повернулся к палитре, выбрал на кончик кисти немного умбры, смешанной с белилами, и сделал легкий, почти невесомый мазок на подготовленном участке штукатурки. Цвет лег точно в границу утраты.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил он, не оборачиваясь.

– Не знаю. Наверное, потому что вы здесь один. И вы вчера не испугались.

Чистович усмехнулся – сухо, беззвучно.

– Испугался. Просто я старше вас. И у меня работа. Когда есть работа, бояться некогда.

Он отодвинулся от стены, оценивая мазок. Свет падал удачно. Цвет почти сошелся.

– А вы... на войне были?

– Был. Санитаром.

– Убивали?

– Нет. Вытаскивал раненых. Это тоже тяжело.

Парень сел на пустой ящик, опустил голову в ладони. Плечи его не тряслись – он был просто очень уставшим.

– А что теперь делать? – спросил он в ладони, глухо.

– Тебе?

– Да.

Чистович спустился и долго чистил кисть скипидаром, вытирал тряпкой.

– Ты как думаешь, почему тот художник триста лет назад тут сидел и рисовал эти языки пламени? Потому что верил? Может, и так. Но еще и потому, что ему заплатили. Или он хотел накормить семью. Или просто потому, что умел это делать лучше всего. И вот его работа пережила его. Пережила войны, пожары, революции. Она никому ничего не доказывает. Она просто есть.

Он положил чистую кисть в футляр.

– Вот и тебе надо найти дело. Простое. Чтобы ты это умел и чтобы от этого хоть кому-то было не хуже. И делать это каждый день. Остальное – само приложится. Или не приложится. Но хоть посмотреть на себя в зеркало сможешь.

Он замолчал, дав словам осесть. Потом добавил уже совсем буднично:

– И уходи отсюда сейчас. Пока другие твои друзья не решили, что это ты сдал Сашку.

Парень поднял голову.

– Меня Андрей зовут, – сказал он, поднимаясь.

– Алексей Степанович.

Андрей кивнул, развернулся и пошел к выходу. На пороге остановился.

– А вы... доделаете эту штуку? Фреску?

– Доделаю. Это моя работа.

Андрей вышел. Чистович подождал, пока затихнут шаги, подошел, задвинул засов. Вернулся к лесам, снова взял кисть. Первые лучи, пробившись сквозь пыльное окно в дальнем углу храма, упали на фреску. На открытом участке пламя над головой апостола Павла, чистый крапак, смешанный с яичной эмульсией, вдруг загорелся изнутри – темным, глубоким, живым огнем.

Чистович продолжил работу. Он не думал о спасении душ. Он думал о том, что завтра нужно будет сделать свежую яичную эмульсию. И что тонировку на левом крыле придется переделать – цвет не совсем сошелся. Была работа. Этого было достаточно.

Лидия Корнева

г. Москва

ЛИСТИК

Рассказ

Наступил апрель. В лесу зацвели подснежники. Деревья и кусты проснулись от зимней спячки, и над парком появилась легкая зеленая вуаль.

Ствол старой липы прогревался дольше всех. Медленно от корней к самым кончикам ветвей по нему поднимались питательные соки. Молодая листва липы еще дремала, попрятавшись в рыжевато-коричневых почках. На каждой из них, плотно налегая друг на друга, блестело по паре плотных чешуек. Они оберегали юные листочки от холодного ветра и последних морозов.

В одном из таких укрытий спал Листик.

– Божечки, как же вкусно! – думал про себя Листик, напиваясь солоноватым соком. – Вот так бы всегда!

Но вот пришел день, когда Листик так набух, что ему стало не хватать места внутри почки.

– Интересно, вся моя жизнь дальше так и пройдет – в тесноте? – вслух произнес он.

– Ох уж эта молодежь, – подала голос правая Чешуйка-Прилистник, прикрывавшая его. – Вечно чем-то недовольны.

– Подожди немного, Листик. Окрепнешь, и выпустим тебя,
– добавила левая Чешуйка-Прилистник. – Будешь дальше без нас развиваться.

– Как без вас?! – растерялся Листик. – Я думал, вы будете расти вместе со мной...

– Каждому свое, – сказала правая Чешуйка. – Как только порозовеет, то выпустим тебя.

– И ты увидишь свет, почувствуешь на себе прелесть ветра, дождя,
– мечтательно произнесла левая Чешуйка.

– Если не повезет, то и града тоже, – добавила правая Чешуйка.
– Он большее всего бьет.

– Божечки! Как волнительно! – затрепетал Листик. – А может, вы все же со мной останетесь? Пожалуйста! С вами хорошо, привычно... Тепло-о-о.

Тут к основанию Листика снова хлынули соки и растеклись по его жилкам. Листик напился и сам не заметил, как уснул.

Проснулся Листик от треска. Это чешуйки, прикрывавшие его, порозовели и разомкнулись.

– Ой, божечки! Уже?! Разве я готов? Кажется, я еще недостаточно окреп, – разволновался Листик.

– Достаточно-достаточно! – в один голос ответили ему чешуйки и раскрылись еще больше. – Доверяй своей природе.

Листик почувствовал тепло, которое вошло в него не через основание, как раньше, а сверху, с макушки.

– Божечки, как приятно! – разомлел Листик от удовольствия.

– Это Солнце! – ответила правая Чешуйка. – Оно будет питать тебя своим светом.

– Со-о-о-лнце... – нараспев произнес Листик. – Оно мне нравится.

– А ты боялся, – радовалась за Листик левая Чешуйка. – Вы с ним будете важную работу делать.

– Какую работу? – заинтересовался Листик. – Я думал, я буду просто висеть на своем черенке, болтаться на ветру...

– Ты думаешь, природа тебя для этого придумала? – заворчала Правая Чешуйка.

– Твоя роль в мире намного важнее, – перебила соседку Левая Чешуйка. – Внутри тебя будут происходить такие процессы, от которых воздух будет наполняться полезным кислородом.

– Так что дыши глубже, малыш! – напутствовала Правая Чешуйка своего подопечного.

– Я буду очень стараться! – обещал Листик и вздулся от ощущения собственной важности. В это мгновение он еще больше раскрылся,

огляделся и заметил, что рядом с ним проклюнулись такие же желтовато-зеленые листочки.

– Божечки, я буду там не один! – обрадовался Листик. – Ребята, привет! Представляете, я только что узнал, что мы будем делать!

– Да какая разница, – равнодушно ответил сосед справа. – Что будет, то и будет.

– Можно подумать, ты в силах что-то изменить! – отозвалась сосед слева.

– Разве вам неинтересно? – разочарованно спросил Листик. – Разве вы не хотите узнать, что это гудит внутри вас?!

– Я бы на твоём месте крепче держался за своё основание, – вздохнул сосед справа.

– Почему? – заинтересовался Листик.

– Потому что иначе все, – жизни конец! – сердито ответил Левый Листик.

– Ой, божечки! Какой ужас! – испугался Листик.

– Да ладно, – вздохнул Правый Листик. – перед этим будет много всего интересного, говорят.

Но Листик его уже не слышал. Он решил, что будет очень крепко держаться за ветку и дышать. И будь, что будет!

Через пару недель Листик развернулся и превратился в широкий, крупный лист округлой формы. По его краю шли мелкие остроконечные зубчики, которыми он любовался в безветренную погоду. Ветерок он полюбил. Листик нравилось раскачиваться вместе с веткой и касаться мягких и нежных соседних листьев.

Любое изменение сначала пугало его, но неизменно вызывало восторг. Первый дождь, цветение липы, гроза, птицы, люди вокруг – всему удивлялся Листик. И каждый раз, когда думал, что уже все узнал и понял, возникало что-то новое, не менее интересное. Пережил Листик и жару, когда влаги не хватало и казалось, что он сейчас сгорит. Но и это прошло.

В конце августа Листик заметил, что его соседи пожелтели. Они все чаще жаловались на недомогание, слабость. Листик и сам чувствовал, как все меньше питательных соков подходит к его основанию.

– Держитесь, друзья! Главное – крепче держитесь, – подбадривал Листик соседей, но те только ухмылялись.

– Природу не обманешь, – вздохнул Правый сосед и слетел на землю.

– Божечки, нет! – сокрушался Листик и из последних сил втягивал в себя соки. – Я хочу остаться здесь, на ветке!

Но Листик слышал, что и гудение внутри его жилок стало тише. Он ощущал себя все менее и менее подвижным, все более и более жестким. И вот солнечным днем он оторвался от своей ветки и стал плавно опускаться.

– О, божечки! – воскликнул Листик. – А это не так уж и страшно! Даже приятно. Его слегка покачивало то вперед, то назад, пока он, наконец, не приземлился.

– Ох, – выдохнул Листик. – Все. Конец...

– Что значит «конец»... Мы еще повеселимся, старина, – раздался голос сбоку. Это говорил лист, лежавший рядом.

– А мне говорили, что упал с ветки – и все, конец, – удивился Листик.

Не успел его сосед ответить, как легкий ветерок подхватил его, Листик и еще несколько соседних листьев и понес прочь от родной липы.

– Ой, божечки! Вот это да! – Листика переполнял восторг от новых ощущений. Его так еще никогда не кружило. По дороге он замечал другие деревья с другими листьями!

– О! Смотри, бывают все-таки красные листья! – кричал ему его знакомый лист. – Я думал, что это все байки!

– Да! И оказывается, мы не только круглыми бываем! – восхищался Листик в ответ, заметив листья клена.

Ветер стих и листья улеглись.

– Божечки! – рассмеялся Листик. – Я так боялся! Сначала вылезать из почки, потом – намочнуть под дождем, слетать с дерева... Только сейчас понял – каждый новый опыт оказывался интереснее предыдущего!

– И это еще не все! – подбадривал сосед. – Скоро нас накроет снег, и мы растворимся в земле. А весной корни деревьев потянут соки из земли, впитают то, что от нас осталось, и из нас разовьются новые листья!

– То есть я продолжу жить в новом листочке?! – воодушевился Листик.

– Ну да!

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Листик.

– Я разговаривал с Солнцем, – многозначительно произнес его новый друг.

– С самим Солнцем! Вот это да! – удивился Листик. – А я все время только дышал и крепко держался за основание.

– Ты с ним тоже разговаривал! – успокоил Листика новый друг. – Чувствовал гудение внутри когда-нибудь?

– Конечно!

– Вот это оно и было! Ты, наверное, просто ничего не спрашивал! – догадался лист.

– Нет, в голову не приходило, – засмутился Листик. – Я так боялся упасть... Только об этом и думал постоянно.

– В следующий раз не забудь! Радуйся Солнцу и спрашивай!

– Божечки! Лишь бы не забыть, – сказал Листик и стал мечтать, как он станет соком и следующей весной наполнит собой какой-нибудь листок.

Через неделю его вместе с соседями, и правда, накрыл снег. Листик тихо приветствовал новые изменения и спокойно уснул.

Ирина Кречет

г. Смоленск

ШКОЛЬНЫЙ ТОВАРИЦ

Рассказ

Впервые за три недели зимы выдался чудесный день – как на заказ. Снег приятно поскрипывает под сапогами, словно приглашает пройтись на лыжах или же съехать с горы на санках и переливается на солнце всеми цветами радуги. На школьном дворе вовсю резвятся пацаны из нашего и параллельного классов, играя в снежки. Мне тоже достается снежком чуть пониже спины, когда я пробегаю мимо. С каким удовольствием я ввязался бы в этот снежный бой! Путь из школы домой кажется мне невероятно трудным.

– Илья, айда с нами вечером на каток! – зовут меня ребята.

– Не могу. Сегодня я занят.

Отказаться от их приглашения стоит мне невероятных усилий, но у меня есть цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало: мне необходимо хорошо подготовиться к диктанту по русскому языку, чтобы вытянуть на четверку в четверти. Однако расскажу все по порядку.

Первые проблемы с русским возникли у меня еще в прошлом году – я никак не мог выучить правописание гласных в корне слова, то есть запомнить, как они проверяются ударением. Уже тогда нередко

мои письменные работы и устные ответы у доски оценивались в три балла. Однако в конце года невероятным усилием воли, с помощью зубрежки я все-таки вытягивал на «четыре» в четверти. Но в пятом классе добавились другие каверзы русского языка, пошатнувшие мою репутацию хорошиста. Впервые за годы учебы я схватил тройку в четверти. Все бы ничего, прожил бы я как-нибудь с этой самой тройкой, но уж больно хочется компьютер на Новый год. Такой подарок обещал мне отец при условии, если я исправлю эту злосчастную тройку. Правда, он считает, что это нужно сделать без всяких подарков.

– Каждый человек обязан грамотно писать на родном языке, – твердит он мне.

Как будто сговорились с нашей классной – Еленой Алексеевной, она у нас русский преподает. Вот уж кто спуску не даст: пять ошибок – двойка! Без разговоров! Мне и моим одноклассникам становится не по себе, когда она обводит класс своим пристальным взглядом поверх очков так, словно берет всех нас на прицел: кому же на этот раз придется краснеть у доски или же выслушивать нотации по поводу ужасно написанного диктанта? В последний раз как назло среди таких «отличившихся» был я и схватил двойку. Елена Алексеевна сказала, что в конце четверти мы будем писать итоговый диктант. От него-то и будет зависеть судьба моего подарка. Вот поэтому я и бегу сегодня домой что есть мочи. Рядом со мной, скользя по утоптанному снегу, едва поспевает мой одноклассник и сосед по парте Сашка Степанов. О нем стоит рассказать отдельно.

Сашка Степанов – это наш новичок, он пришел к нам в класс в этом учебном году. Тут же ему дали прозвище – Степашка. Не только из-за созвучной фамилии; всем своим внешним видом – небольшого росточка, с широко распахнутыми глазами, прямой, как будто под линейку подстриженной челкой, он и впрямь походил на кукольного персонажа из передачи «Спокойной ночи, малыши!».

С первого сентября, с того самого дня, как Сашка Степанов сел со мной за парту, мы прониклись друг к другу симпатией, и у нас сразу же сложились товарищеские отношения. Степашка не был похож на других пацанов из нашего класса, и я долго не мог уловить, в чем заключается это отличие, потом понял: он напрочь был лишен свойственной одиннадцатилетнему мальчишке беспечности и легкомыслия.

«Маленький взрослый», – окрестил я его про себя.

У нас с Сашкой было много общего: оба мы родились осенью и пошли в школу неполных семи лет, и у меня, и у него была младшая сестра. Учились мы примерно одинаково, и наши интересы кое в чем совпадали – мы уважали зимние виды спорта, только я любил кататься

на коньках, а он предпочитает лыжи. Нам с ним и в школу по пути, и вот на этом-то пути Степашку подстерегал великий соблазн: большой спортивный магазин со сказочным названием «Спортландия», где в витрине выставлены великолепные лыжи – пластиковые, ярко-красные, с продольными синими полосками, а к ним прилагались черные ботинки. Всякий раз, когда мы проходили мимо, я наблюдал, какими восторженными и полными тоски глазами смотрел на них Сашка.

– Мне б такие, – вздыхал он.

– Так пусть тебе родители их купят, – говорил я ему.

– Нет, это вряд ли.

Я кивал головой, как мне тогда казалось, с пониманием: небось, тоже, как и мне, условие поставили: исправить тройку в четверти. По русскому языку. Только так я мог истолковать Сашкины слова. Ведь у моего товарища были те же самые проблемы, что и у меня. Хотя мне это казалось довольно странным; ведь Сашка в моих глазах выглядел необычайно целеустремленным человеком, а для таких, как он, добиться поставленной цели – пара пустяков. Ведь Саша, как выяснилось, в первые дни нашего знакомства, с первого класса посещал спортивную секцию по легкой атлетике. Он всегда с большим воодушевлением рассказывал об этом своем увлечении. Хотя увлечением назвать это было, наверное, неправильно – в моих глазах он выглядел почти профессиональным спортсменом.

После школы Сашка сразу же мчался домой, даже в самую распрекрасную погоду не оставался поиграть в футбол. Не раз я звал его к себе в гости, но он всякий раз отказывался, ссылаясь на срочные дела. Что за дела такие, он никогда не рассказывал, а я и не спрашивал его ни о чем. О чем тут можно спрашивать, и так все ясно: такая у него, спортсмена, сила воли – ничего его не может сбить с толку.

Наши ребята, по правде сказать, смотрели на него косо. Еще бы! Думаю, такой игрок, как новый одноклассник, стал бы хорошим приобретением для нашей команды, игравшей против параллельного класса. Особенно злился Васька Козлов, самый здоровый и хулиганистый парень в нашем классе.

– Эй, новенький! Куда опять сбегаешь? – кричал он Сашке вслед, добавлял, уже обращаясь к нам: – Накостылять бы ему как следует.

– Не советую. Сашка сильный. Не смотри, что маленький, – говорил я.

Однако наш «авторитет» и сам не спешил приводить свою угрозу в исполнение. Ведь Сашка, естественно, был лучшим в нашем классе по физкультуре. И надо отдать ему должное, он никогда не ставил себе это в заслугу, не выставял напоказ свои физические способности и не

выделывал на спортивных снарядах всякие трюки, и тому подобное. Думаю, любой из нас на его месте так бы не скромничал, а, наоборот, при первом удобном случае выставлялся бы, как только мог.

Примерно с середины ноября Сашка стал опаздывать, а то и вовсе не являлся на первый урок, а это, как правило, был русский язык. Наша классная Елена Алексеевна в первый раз сделала ему строгий выговор с соответствующей записью в дневник, а потом перестала обращать внимание на его опоздания. Никому, даже мне, Сашка не рассказывал об их причине. А однажды он вообще не пришел в школу. Я подумал, что он заболел, но он явился на следующий день без всякой справки и на мои расспросы проворчал, что не пришел по уважительной причине.

«Нарочно прогуливает русский, чтобы лишних двоек не получать», – решил я. Да, я, без сомнения, плохо думал о моем школьном товарище, однако никакого осуждения в моих мыслях не возникало, потому что, будь я немного побоевей, и, если бы не мечта обзавестись игровым компьютером, я бы, возможно, проделывал то же самое. С другой стороны, Сашка Степанов, с его набором прекрасных качеств меньше всего походил на обычного прогульщика. И потому все это выглядело очень странно.

Одним словом, личность моего школьного товарища во многом была для меня загадкой, и от этого меня тянуло к нему еще сильнее. И еще мне всегда казалось, я как-то интуитивно это чувствовал, что рано, или поздно узнаю о нем нечто такое, что потрясет меня. Так и вышло.

Как-то раз утром у меня не сработал будильник, и я встал чуть позже обычного. Выбирая короткий путь в школу, я решил «срезать» и побежал дворами и закоулками. Во дворе одной из старых пятиэтажек я приметил мальчишку, который выходил из подъезда с огромной сумкой через плечо – такие обычно носят почтальоны. Пробегая мимо, я мельком взглянул на него, и каково же было мое удивление, когда я узнал в нем моего школьного товарища – Сашку Степанова! Я, конечно же, сгорал от любопытства, с чего это он вдруг решил податься в почтальоны, но слишком опаздывал и не стал останавливаться, а про себя решил: «Зарабатывает себе на лыжи». Мне бы такую силу воли: каждое утро заставлять себя подниматься ни свет ни заря, да еще и в такую ужасную погоду, когда, как говорят взрослые, хозяин собаку из дому не выгонит. Короче говоря, ни на одну секунду я не смог представить на его месте ни себя, ни кого-то из других моих приятелей. Меня переполняли эмоции от только что сделанного открытия. Я тут же хотел поделиться увиденным с кем-нибудь из моих одноклассников, однако что-то подсказало мне, что этого делать не стоит – еще, чего доброго, засмеют.

Не знаю, сколько времени – может быть, час, а может, два – я сижу за своим письменным столом, уставясь в учебник русского языка и монотонно повторяю одни и те же правила правописания безударных гласных в корне слова и тому подобную премудрость русской грамматики, от которой, честно говоря, голова идет кругом. Материал хоть и отчасти пройденный, однако многое все так же упорно не хочет запоминаться. Мама говорит, что у меня напрочь отсутствует языковое чутье, а на зубрежке далеко не уедешь. Иногда я все же подымаю голову и упираюсь взглядом в окно. Тут же я всерьез начинаю опасаться, что, чего доброго, вскочу и побегу во двор – там на маленьком катке ребята играют в хоккей, и я даже слышу их веселые, задорные голоса. И, тяжело вздохнув, я опять заставляю себя думать о завтрашнем диктанте. Не забыть бы, что слово нужно изменить так, чтобы проверяемая гласная оказалась под ударением, что «стеклянный, деревянный, оловянный» – слова-исключения и пишутся с двумя Н.

В прихожей хлопнула дверь. Это моя сестра Светка вернулась из школы. Сейчас начнет приставать ко мне со всякими пустяками. Так и есть. Через пару минут Светка входит ко мне в комнату раскрасневшаяся с мороза и как всегда восторженная.

– Привет, Илюша! – подбежала она ко мне и порывисто обняла руками за шею.

– Привет, привет! – пробормотал я, отстраняясь от нее.

– А на улице мороз, снежок! Погодка – прелесть. Ты бы пошел прогулялся.

Я только хмыкнул в ответ – и без нее было тошно.

– Ты слышишь, Илья? Там все ваши ребята в хоккей играют. Пошел бы на улицу.

Глазенки так и горят, а косички торчат в разные стороны – так и дернул бы.

– А ты будто бы не видишь, что я занят?

– А... Я и не поняла, что ты что-то учишь. А что у нас сегодня на обед?

– Суп и вермишель с котлетой.

– А ты разогреешь?

Я недовольно поморщился: девчонке скоро восемь лет, а она все как маленькая. Я нехотя выхожу из-за стола и плетусь на кухню. Разогреваю обед, а учебник русского лежит рядом, на столе. Попробуй не накорми ее – живо родителям нажалуется. За обедом сестра продолжает меня терзать:

– Илья, а где мои санки?

– Где-где... На балконе.

– А ты их починил? – у ее санок еще в прошлом году отвалилась спинка, и Светка уже, наверное, с неделю ходит за мной, чтобы я прибил ее, и сейчас эта просьба совсем уж некстати.

– Нет, ты же видишь – я все время занят. Потом прибью.

– Илья, ну прибей сейчас, пожалуйста... Я бы покаталась. Такая погода чудесная.

– Чудесная, чудесная. Что ты заладила?

Светка надувает губки, и какое-то время мы обедаем молча. Через минуту она забывает об обиде.

– Илья, а ты будешь писать письмо Деду Морозу?

– Вот еще! Что я маленький?

Каждый год моя сестра пишет на имя Деда Мороза записки с пожеланиями подарка к Новому Году. И добрый Дед Мороз, то есть наш папа, никогда и ни в чем ей не отказывает. Хочешь игрушку – купят, велосипед – пожалуйста. Они говорят, что она все это заслуживает. Еще бы – круглая отличница, да еще и в музыкальной школе учится! Но все равно это несправедливо: мне уже скоро двенадцать, а у меня нет своего личного компьютера. А у этой малявки даже есть собственное пианино. Когда я высказываю все эти претензии родителям, мама говорит, что мое отношение к сестре просто непростительно и что я расту бессовестным эгоистом. И добавляет, что любую нужную информацию для учебы я могу посмотреть в компьютере у отца. Для учебы! А мне игровой нужен, чтобы в игры разные играть. Стрелялки, гонки и тому подобное.

В тот вечер я еще долго сидел над учебником русского языка, и, в конце концов, в голове у меня получилась жуткая каша из всех этих глаголов первого и второго спряжения, прилагательных и причастий, запятых, двоеточий и так далее. Спать я лег в плохом настроении, утешая себя лишь тем, что если мне не удастся заполучить компьютер, то у меня еще остается надежда купить себе новый сотовый телефон. Сенсорный! И вот я почти год собираю деньги на эту вещь. У меня для этого есть специальная копилка. Если хватит денег, сделаю сам себе подарок на Новый год.

Диктант мы писали на первом уроке. Явились все как один, и даже Степашка, вопреки своему обыкновению, не опоздал. Текст был хоть куда – на все правила, кажется из Гоголя, – разных там каверзных окончаний, частиц и прочих головоломок – хоть отбавляй. Я старался писать вдумчиво, взвешивая и проверяя про себя каждое слово. Примерно на середине урока я вдруг стал замечать, что Сашка Степанов постоянно ныряет ко мне в тетрадь, короче говоря, списывает. Я так сосредоточился на своей работе, что не сразу заметил. А Сашка сдувал

самым бессовестным образом. Я весь вечер корпел, а он пользуется всем готовым. Ну, ладно, мне не жалко, лишь бы результат был хороший.

На следующий день Елена Алексеевна вошла в класс с пачкой наших диктантов, и как всегда обвела нас своим красноречивым взглядом из-под очков. У меня аж мороз по коже прошелся. Дрожащими руками я раскрыл тетрадь. Не может быть! Хотя почему же не может? Две ошибки в окончаниях глаголов, слово «серебряный» с двумя **н**. И «не далеко, а близко» (с противопоставлением, союзом **а**) написал слитно.

– Ну как? – спросил у меня Сашка.

– Тройка, – ответил я упавшим голосом, – А у тебя?

– А у меня – четыре. С минусом, – ответил Сашка, он весь сиял.

Я аж подскочил. Этого просто быть не может, это исключено! В порыве чувств я схватил его тетрадь и стал изучать. Все те же ошибки, что и у меня – я так и думал. Как будто под копирку писал. Только вот оценки разные. У меня за тот же самый диктант три балла. А у него – четыре, правда, с минусом, ну и что! Все равно четыре.

– Если у кого-нибудь есть вопросы – можете задержаться после урока, – сказала Елена Алексеевна.

Да, у меня был вопрос, я мучился необъяснимой загадкой: как Елена Алексеевна, такая строгая и принципиальная, могла изменить самой себе? Как могла она умышленно зависить оценку? Никогда ни при каких обстоятельствах у нее не было любимчиков, а если они и были бы, то Сашка Степанов с его вечными опозданиями и даже прогулами, молчанием у доски вряд ли мог стать одним из них. Он, с его явно наплевательским отношением к предмету ни в какое сравнение не мог идти со мной, жертвовавшим своим временем, игрой в хоккей в хорошую погоду ради этой самой четверки. Я, конечно, его прекрасно понимал. Он так же грезил новыми лыжами, как я игровым компьютером и зарабатывал на свою мечту, как мог. И, все же, где справедливость? Обуреваемый всеми этими чувствами я еле-еле дотянул до конца урока.

Дождавшись, пока все ребята разойдутся, я сел перед Еленой Алексеевной за первую парту.

– Максимов, я знаю, что ты готовился к диктанту на совесть. Работа в целом неплохая. Чуть-чуть не дотянул до четверки. Но пойми: кроме запоминания правил нужно еще и уметь мыслить, вырабатывать языковое чутье. Если ты не знаешь, какую букву нужно написать в корне слова, тут необходимо умение быстро изменить слово так, чтобы этот гласный слышался отчетливо. Вот что, Илья: сделай работу над ошибками, разберись во всем, и через три дня я вызову тебя к доске. Хорошо ответишь – и вытянешь на четверку в четверти.

Я с благодарностью посмотрел на Елену Алексеевну: хорошая она все-таки, справедливая. А у меня как гора с плеч свалилась, и настроение улучшилось. Но я не спешил уйти.

– Ты хочешь меня еще о чем-то спросить?

– Да, я хотел бы спросить вас, почему... – тут я замялся, не зная, как задать интересующий меня вопрос.

– Почему я поставила четверку Степанову? Об этом ты хотел меня спросить?

Вот это да! Она что, ясновидящая? Впрочем, она же наверняка видела, как Сашка у меня списывал. Просто вид делала, что не замечает. Я почувствовал, как краснею, но отступить было уже поздно, и, ужасно смущаясь, сказал:

– Да, об этом.

– Видишь ли, Илья, бывают обстоятельства, когда самый принципиальный человек, самый строгий учитель может отступить от своих правил, – тут Елена Алексеевна наклонилась ко мне и, словно для того, чтобы лучше разглядеть меня, прищурила свои близорукие глаза. Мне стало как-то не по себе от ее пристального взгляда. – Вот тебе, например, что родители обещали за то, что ты закончишь полугодие без троек? Смартфон? Компьютер? Хоккейный шлем, или роликовые коньки?

Ну, знаете ли... Я аж рот приоткрыл от удивления – она точно ясновидящая.

– Не удивляйся. Я прекрасно знаю, что многие из твоих одноклассников так учатся. Подарки для вас гораздо больший стимул, чем знания.

«Можно подумать, что Сашка не такой», – мысленно возразил я ей, но тут же ответил самому себе: да, конечно, он и вправду был не такой, как все, и я это отлично знал. А какой?

– Вот ты знаешь что-нибудь о Саше? О его семье?

Тут я смутился еще больше и почувствовал, как щеки мои постепенно наливаются краской. Потому, что мне нечего было ответить на вопрос Елены Алексеевны. Я виновато молчал.

– Вот видишь, вы, кажется, с Сашей приятели, всюду вместе, а ты о нем ничего не знаешь или знаешь очень мало.

Я, конечно, в свое оправдание мог бы сказать, что Саша сам никогда ничего не рассказывал о своей семье, что за несколько месяцев учебы он ни разу не побывал у меня в гостях и никогда не пригласил меня к себе. Но все это выглядело бы так, словно я хочу выставить себя в глазах моей классной в более выгодном свете. А мне этого не хотелось. Достаточно и того, что я еще пять минут назад готов был побить Сашу

из-за этой самой злополучной четверки. И потом, что ни говори, а мне было очень лестно, что наша классная руководительница, такая строгая и недоступная, разговаривает со мной на равных. Насколько я знаю, таким преимуществом из нашего класса еще никто не пользовался. Даже староста.

И я, затаив дыхание, принялся слушать рассказ Елены Алексеевны, боясь пропустить хоть одну деталь из жизни моего приятеля.

– Я вызывала Сашиных родителей. Пришла его бабушка, это было неделю назад. Она пришла ко мне и прямо так и сказала: «Я хочу рассказать вам о нашем Саше. Другого такого мальчика не найти. На первый взгляд, он вроде бы ничем не выделялся среди своих сверстников, однако мы его плохо знали. До тех пор, пока не родилась Аленка, его сестра. Саша тогда как раз в первый класс пошел. Я даже представить себе не могла, чтобы мальчишке так интересно было возиться с младенцем: и кормил ее из бутылочки, и всячески забавлял, и даже – не поверите – вставал среди ночи на ее плач, а когда купали – так даже просил, чтобы мы его звали с улицы. Чем старше становилась Аленка, тем больше привязывался к ней Саша. Сейчас ей пять лет, и они у нас не разлей вода, всюду вместе. Во дворе девочку никто не обижает. Знают: есть надежный защитник. Семья долгое время жила в достатке – муж моей дочери работал строителем, неплохо зарабатывал, только вот сердце пошаливало, но молодые ведь редко к врачам обращаются. Но два года тому назад случилась беда: он скоропостижно умер от острого сердечного приступа. Кроме горя, что постигло нас всех, в дом пришла еще и нужда: стали жить на мою пенсию и на дочкину зарплату медсестры и на ее случайные приработки. Кроме еды и недорогой одежды, ничего не могли позволить даже детям. Саша никогда ничего не просит, и мало того из тех денег, что мы даем ему с собой в школу на обед, экономит сестре на игрушки. А тут еще осенью Аленка тяжело заболела ангиной, и их с матерью положили в больницу. Нужно было носить передачи, да еще и приобретать некоторые лекарства. А деньги где брать? В это время одна моя хорошая знакомая, она почтальоном работает, ушла в отпуск и попросила меня вместо нее подработать. Я обрадовалась и стала по утрам разносить почту. А здоровье у меня тоже неважнецкое: то радикулит, то давление высокое. И Саша вызвался мне помогать. Два раза в неделю он вставал в шесть часов утра и шел на работу вместо меня. А после школы каждый день брал пакет с передачей и бежал в больницу. Вот какой у нас мужчина в семье растет! Ведь это счастье – иметь такого сына и внука, согласитесь». Я не могла с ней не

согласиться, и ее рассказ растрогал меня, но ради чего все-таки она пришла ко мне? Уж, наверное, не за тем, чтобы рассказать мне все это...

«Саша очень любит спорт и тренируется по легкой атлетике. Эти тренировки – пока что его единственное развлечение, ничего другого, даже хорошего подарка к Новому году мы ему не можем купить. А все дело в том, что у них в секции очень строгий тренер, поставил условие: чтобы у ребят в четверти не было плохих отметок, даже троек, не говоря уже о двойках. Иначе придется бросить спорт. Поэтому я вас очень прошу: помогите Саше вытянуть ваш предмет на «четыре», – попросила меня бабушка. Так вот, я поставила Степанову «четыре» за диктант, правда «условно», и он об этом знает. Послезавтра я его тоже вызову к доске. Ты умный мальчик, Илья, поэтому я и рассказала тебе все это. А теперь иди домой – учи правила.

И на этот раз усилия мои оказались напрасными. То и дело я переводил свой взгляд со страниц учебника за окно. Мальчик с огромной, в два раза больше школьной, сумкой, вставал перед моим взором. Так вот, ты какой школьный товарищ. Оказывается, ты жертвовал радостями детства ради мамы и младшей сестренки! Вот уж не думал, что ключ к твоей загадочной личности окажется таким простым и одновременно таким сложным. Чем благороднее выглядел он в моих глазах, тем хуже казался я самому себе!

Давно пора было обедать, но я не мог думать ни о еде, ни об уроках, ни о чем-то другом – одна идея гнездилась в моей голове и требовала выхода. Я взял с книжной полки толстого фарфорового поросенка – это была моя копилка. Ее можно было не разбивать, а открыть, вынув доньшко. Бумажные купюры по сто, двести, пятьдесят рублей, а также десятки, пятаки и двушки высыпались на стол. Было также несколько пятачков и две тысячных купюры – их мне подарили на день рождения. В общей сложности получилась приличная сумма – хватило бы на пусть не самый дорогой, но все же современный сотовый телефон.

На следующий день я с трудом дождался конца занятий. По дороге из школы я завел с Сашкой такой разговор:

– Саш, ты веришь в то, что человек может выиграть деньги в лотерею?

– Не знаю, никогда об этом не думал. А что? – удивился Степашка.

– А я, представь себе, купил на прошлой неделе лотерейный билет и в воскресенье по телевизору стал смотреть розыгрыш. И представь себе – выиграл! Целое состояние – десять тысяч рублей!

Сашка с интересом слушал меня, а тем временем мы подошли к магазину «Спортландия», где в витрине по-прежнему красовалась его мечта.

– Я подкоплю еще чуть-чуть и куплю себе сотовый телефон – уже посмотрел, у меня еще остается куча денег, и я решил сделать тебе подарок – вот эти самые лыжи.

– Ты это серьезно? – спросил Сашка тоном человека, про которого говорят, что он отказывается верить своим собственным ушам.

Не дав ему опомниться, я потащил его в магазин. С огромным удовольствием я наблюдал за тем, как Сашка нежно поглаживал лыжи и проверял крепления и как при этом от неожиданно свалившегося на него счастья светились его глаза (могу уверить вас, я сам был не менее счастлив!) и с какой гордостью он нес под мышкой свою покупку!

– Илюха, а где ты покупал лотерейный билет? – спросил он меня.

– В киоске «Спортлото» около «Гастронома». А что? – насторожился я.

– Я тоже хочу купить билет. Если выиграю – обязательно сделаю тебе подарок.

– Да ладно, чего уж там.

Дома мне не хотелось сразу садиться за уроки. В прекрасном настроении я стал ходить по квартире, думая, чем бы заняться. И тут на глаза мне попались санки моей сестренки – те самые, у которых поломана спинка. Я отыскал гвозди, молоток, деревянные дощечки и стал орудовать. За этим занятием и застала меня Света, вернувшись из школы.

– Ой, Илюша, ты чинишь мои санки!? – радостно и вместе с тем удивленно воскликнула она.

– Как видишь. Ну как, много пятерок принесла?

– Всего одну, по пению. Спасибо тебе за санки. Я для тебя тоже что-нибудь сделаю. Например, пуговицу пришью. Хочешь? – ее ясные глазенки светились восторгом и благодарностью.

– Вот еще! – возмущился я. – Теперь я буду все время тебе во всем помогать. Я ведь твой старший брат. Раздевайся – будем обедать.

– Ой, Илюша, какой ты сегодня добрый! – с этими словами Светка чмокнула меня в щеку, и это тронуло меня чуть ли не до слез.

Когда сестра ушла, я снова принялся за русский язык. И на сей раз (как это ни удивительно!) дело пошло на лад. Я без труда разобрал свои ошибки в диктанте и вдобавок выучил новые правила, которые нам задавали. И это уже было не обычное зазубривание, как раньше, – я по-настоящему вникал в то, что учил, и весь этот процесс доставлял мне большую радость.

Елена Алексеевна осталась довольна моим ответом у доски и оценила его в пять баллов. Сашка Степанов тоже не подвел нашу учительницу, допустил всего одну ошибку у доски и получил четверку.

На этот раз твердую, без минуса. В итоге мы оба вытянули на четверку в полугодии и вышли в хорошисты.

Мой отец сдержал слово. В последних числах декабря мы вместе с ним пошли в магазин техники и выбрали компьютер. Я был безумно рад, однако уверил отца в том, что старался просто так, без всякого подарка, что очень приятно писать грамотно на родном языке. И главное, это была чистая правда.

В один из первых дней зимних каникул я сидел дома и увлеченно осваивал свой новый компьютер. За окнами в своей лучшей поре серебрилась красавица-зима.

– Илья! – позвал меня кто-то с улицы.

Сашка Степанов стоял на вершине горы на лыжах, тех самых лыжах, что я таким каверзным способом умудрился ему подарить, и махал мне рукой. Рядом с ним возилась с санками маленькая девочка.

«Аленка, его сестра! Выздоровела!» – догадался я.

Прежде, чем собраться на улицу, я еще некоторое время стоял у окна и любовался тем, как Сашка летел с горы, и, стараясь представить себе его ощущения, радовался за него от души. Честь и хвала нашим товарищам, которые учат нас добру!

Иван Разбойников

г. Тюмень

«АМЕРИКАНКА»

Рассказ

Сквозь сладкий утренний сон Арик услышал заводской гудок и нехотя откинул одеяло. Глаза еще спят, а руки уже ищут рубашку. Пора вставать, чтобы не опоздать в школу. Слышно, как к заводскому гудку присоединились отдаленная сапоговаляльная фабрика и едва слышная сетевязальная – звали своих на работу. Часы в рабочих жилищах – редкость, и время определяют по заводским гудкам: первому – за полчаса, второму – без четверти, третьему – ровно в восемь утра. Опаздывать на работу не разрешалось под страхом наказания. Сквозь уходящие из окна сумерки Арик видел, как население первой Кузнечной улицы спешит на работу: на завод «Механик», на сапоговаляльную фабрику, сетевязалку и кирпичный завод. Кузнечных улицы сразу три: первая, вторая и третья. Живут на них потомственные металлисты и фабричные работницы, рабочая кость. С небольшой прослойкой из воришек, уже отбывших свои сроки и предвкушающих следующие и неизбежные. Кучковались они в конце улицы, примыкавшем к кладбищу и кирпичному заводу. Место это именовалось «Сарай», а его неприятные обитатели – «сарайскими». Малочисленные сарайские

задавали тон жизни всей улице и определяли блатную манеру поведения детворе. А детворы в послевоенных «Сараях» на удивление оказалось много. Правда, с отцами повезло не всем: у одних отцы с войны пришли калеками, у других вообще не вернулись, третьим писали из лагерей о скором освобождении. Подростки сбивались в непослушные педагогам и родителям «кодлы» и «пиратничали» над малышами. Малыши учились хулиганить у старших и сопротивлялись, кто как мог. Вплоть до применения рогаток и самодельных заточек из обломков ножовочных полотен. Нравы на улице и в школе царили суровые. И каждый поход в школу для Арика был как прыжок в омут: и хочется и неизвестно чем кончится. Однако неизбежен и обязателен.

На завтрак, как обычно, вареная картошка и стакан молока. Картошка на столе каждый день разная: в мундире, очищенная или поджаренная на сковородке. Арик больше любит поджаренную, но она бывает, когда есть маргарин. Молоко приносит молочница из дальнего конца улицы, сумевшая сохранить корову. А с хлебом хуже: вчера Арик выстоял за ним длинную очередь, устал в толкучке, но хлеба ему не хватило. Сегодня, после уроков, он пойдет в хлебный магазин, не заходя домой и, уж конечно, пустым не вернется.

Из черной бумажной тарелки репродуктора скрипучий голос сообщает, что в Корею продолжают зверствовать американские империалисты, бомбят мирные поселения нищих корейцев, убивают стариков, детей и женщин, жгут их дома и посева. Но американским убийцам противостоят мужественные северокорейские войска при помощи многочисленных китайских добровольцев. За прошедшие сутки сбито четыре американских самолета. В боях отличился корейский летчик Лю Си Цин. Арик догадался перевести на русский – летчик Лисицын.

«Так им и надо, – говорит мама. – Пускай не лезут. Только бы нас это не задело. Не успели мы от немцев отбиться, как американцы за пятки хватают. Бомбой атомной угрожают. И чего им неймется – ума не приложу».

И как бы в ответ на ее слова из репродуктора доносится дружный хоровой призыв:

«...атомной бомбой народ не убить,
Ложью и золотом нас не купить,
Мы патриоты, и каждый из нас
Все за свободу Отчизны отдаст.
В защиту мира вставайте, люди...»

Арик тоже готов вместе со своим классом защищать мир от наглых американцев, как пионеры-герои защищали страну от фашистов. Для

третьего «А» любой американец не лучше немца – тот и другой захватчики и агрессоры, убийцы и губители беззащитных. Из иллюстраций в журнале «Крокодил» Арик знает, что все американцы носят козлиную бородку, темные очки, черный цилиндр и полосатые штаны. И обязательно курят вонючие сигары. Из чего делают сигары, Арик не знает, но они не походят на самокрутки из газетной бумаги, в которые заворачивает махорку беспальный голубятник дядя Вася. Еще Арик знает, что в Америке все наоборот: когда в СССР день, у них ночь. Что у нас хорошо – у них плохо. В Америке линчуют негров, угнетают индейцев и применяют электрический стул. В СССР власть рабочих и крестьян, в США власть буржуев и капиталистов. А еще в Америке сняли кинофильм о Тарзане, делают автомашины «Студебеккер», прозванные у нас «Трумен», и свиную тушенку. Свиную тушенку Арик никогда не пробовал, но жестяную банку от нее видел: отец хранит в ней ржавые гвозди.

Корейцев Арик никогда в нашем городе не встречал. В четвертом «Б» есть мальчик по имени Ким. Все думали, что он кореец, а оказалось – калмык. А имя КИМ – сокращенное от Коммунистический Интернационал Молодежи. А вот китайца Арик видел неоднократно. Известный под именем «Дядя Миша Ходя» старик сторожил сад имени Шверника, подметал в нем дорожки, а в свободное время склеивал цветные бумажные веера. И продавал их у входа в сад за копейки. Безвредный и добрый старик. Если и все корейцы такие же, то совсем непонятно, за что их убивают американцы. А репродуктор словно подслушал Арика и выдал другую песню:

«...Русский с китайцем братья навек,
 Дети единых народов и рас,
 Гордо шагает простой человек,
 Плечи расправил простой человек,
 Сталин и Мао слушают нас...»

Тетрадки Арик складывает в кирзовую полевую сумку. Полевая сумка его гордость – у нее имеется длинный брезентовый ремешок, позволяющий носить ее через плечо или даже закидывать за спину. Что очень важно: руки остаются свободными для отпора недругам и других безобразий. Единственное, что мешает, то это необходимость носить с собой в тряпичном мешочке чернильницу-непроливайку. Чернильница хотя и называется непроливайкой, но чернила из нее все равно разбрызгиваются во время транспортировки. От чего и руки и нос у Арика временами бывают синими.

На прощание мама сунула в карман Арику пареную морковку: «На большой перемене съешь. Только смотри, в «американку» не проиграй!»

Хорошее дело «американкой» не назовут. Суть игры состояла в следующем: Сходятся два приятеля в присутствии третьего, разнимающего, и заключают пари «на американку». После того как приятели ударят по рукам, им предстоит быть всегда настороже при виде друг друга. И постоянно помнить о содержимом своих карманов или рук. Чтобы не расстаться со своим имуществом, при виде партнера полагалось опередить его и заявить: «мои руки» или «мой карман». Но если «американец» зазевался и его противник первым объявил: «ваш карман!» или «ваши руки!», то забирал все из карманов зеваки. Будь то рогатка, пугач или пирожок – неважно. Исключались только учебные принадлежности. Потому и «американка», что американцы во всем мире себя так ведут. Обнаружат у соседа карман оттопыренный и сразу ему заявляют: «Ваш карман! Было ваше – стало наше».

Арик пообещал морковку не прошляпить. И побегал вприпрыжку: скоро третий гудок, после которого на заводе закроется проходная, а в школе двери классов. И начнутся смены – и в школе и на заводах первая.

А мама с грустью посмотрела вслед Арику и отметила, что за лето сынок подрос, скоро зима, а из ватной телогреечки он уже вырос. Надо бы ему зимнее пальтишко, а только из чего выкроить? Ткани нет, негде взять и купить не на что. И вдруг догадалась, что подойдет тонкое шерстяное покрывало, сохранившееся еще с довоенных лет. Серое и в едва заметную клетку. Хотя и жаль, но не мерзнуть же сынишке. И так для себя решив, не раздумывая взялась за ножницы.

Через недельку-другую Арик примеривал замечательное пальтишко. Шерстяное, навыворот, с крашеным кошачьим воротником. К такому прекрасному пальто еще бы подходящие пуговицы подобрать. Но пуговиц как-то не находилось. С пуговицами для школьной одежды вообще существовала проблема. Хотелось красивые и прочные, чтобы в школьной раздевалке не срезали. Как сорочата, падкие на все блестящее, ребятишки охотились за форменными пуговицами, перекочевавшими на детские одежды с дембельских мундиров отцов, дядек и соседей. Особенно ценились флотские – с якорями. Их тайком срезали в первую очередь. На втором месте были летные – с крылышками и пропеллером. Дальше шли армейские – со звездами. Чуть ниже ценились пуговицы связистов – с серпом и молотом, еще ниже белые железнодорожные, с молоточками. И совсем не ценились милицейские, с гербом Союза. Не любили в «Сараях» милицию и пуговицы милицейские к детским одежкам никогда не пришивали. А на пальто Арика пришивать пока было вовсе нечего. Не находилось подходящих. И вообще никаких.

Неожиданно выручил бывший однополчанин и друг отца, навестивший его проездом с Дальнего Востока. Как он намекал, – из Китая, а может быть, и из Кореи. «Не грусти, – взъерошил он вихры на голове Арика, – Мы такие пуговицы пришьем, что никто не отрежет». И достал из чемодана картонку с двумя рядами коричневых металлических пуговиц.

«Это пуговицы американских солдат. – пояснил гость. – Видите, с обратной стороны железная ножка-грибок. Если проткнуть ткань пальто шилом, пропустить сквозь нее ножку, наложить на нее штатную шайбочку-дублер и стукнуть тяжелым – она защелкнется на ножке навсегда и никакими силами ее не разъединить. Можно вырвать только с мясом. И никаких ниток не надо. Носи всем на зависть».

Арик принялся рассматривать подарок. В центре пуговицы, как и полагается, пятиконечная звездочка, только черная. А вокруг, по ободку, краской не нашими буквами: USA* ARM. Да Арику наплевать, что там написано. Главное – крепкая и со звездой.

Когда выпал снег, Арику разрешили надеть пальто в школу. Деревянная и одноэтажная начальная школа находилась от дома поблизости. Половину школьного двора занимали поленницы дров. Отопление в школе было дровяное, с печью в каждом классе. При школе жил истопник, который разжигал их по ночам, чтобы к утру топки погасли, а классы прогрелись. В ожидании звонка на уроки школьники развлекались игрой в полено. В центр круга ставилось полено, ребяташки, образовав вокруг кольцо, брались за руки и старались натолкнуть кого-нибудь на полено. Задевший полено выбывал из круга, толкотня продолжалась без него, до следующего неловкого и так до тех пор, пока не останутся двое самых ловких. Но чемпиона «по полену» я не припомню: обычно раздавался звонок, прерывающий состязание.

Когда Арик зашел во двор, его обновку сразу заметили. Новые одежды в школе мелькали нечасто, в основном у детдомовцев. Навстречу из группы выбывших отделился четвертоклассник, по прозвищу Софа, нахальный хлопец, с репутацией тайного курильщика «бычков». Пуговицы на пальто Арика ему явно понравились. Софа ухватил пальцами среднюю пуговицу, потянул ее и задал обычный для ситуации вопрос: «Говори – каша или щи?». Арик напрягся и ответил: «Каша». «Пуговка наша!» – ухмыльнулся Софа и потянул ее на себя. Пуговка не поддалась. Тогда Софа повторил попытку: «Каша или щи?» Арик догадался, что пуговка выдержит и смело ответил: «Щи!» «Пуговку тащи!» – обрадовался Софа и снова потянул что есть сил. Пуговка не поддалась. Софа попробовал ее крутануть. И если бы она держалась на нитках, как у всех, то оторвалась бы обязательно. Но американка только

крутилась на своей ножке. Рядом собрались зеваки и похохатывали, подразывали Софу.

Софа догадался, что пуговка ему уже не достанется, да и репутация рухнет. И возмутился в бессилии что-то сделать: «Почему она так крепко держится?»

«А потому, что она американская!» – по простоте объяснил Арик.

«Ах, американская! – ехидно взорвался Софа. Он догадался, как оправдать свое поражение. – И пуговицы у тебя американские и пальто клетчатое и сам ты американец клетчатый, хуже всякого немца, в советскую школу приперся!»

Договорить он не успел. От страшного прилюдного оскорбления в глазах у Арика потемнело, он кинулся на обидчика, свалил в сугроб и, к радости окружающих, оба покатались по двору, под ноги директора школы Ивана Назаровича. Директор не торопясь расцепил драчунов, заставил их отряхнуться и передал старшей пионервожатой для разборательства и наказания.

Преданная партии и комсомолу, пионервожатая Тамара, разобравшись в причинах драки, пришла в тихий ужас: ее пионер осмелился открыто, с вызовом, носить на одежде чуждую иностранную символику. Еще этим и похвалиться... Символику страны агрессора, поджигателя атомной войны против всего мира! И пальто надел подозрительно клетчатое. У всех пальто однотонные, а у него вызывающе клетчатое, по разрушительной западной моде. И вряд ли это простое совпадение, а не идеологическая диверсия в советской школе. А значит, всем следует немедленно прореагировать, пока не дошло до горького. И предварительно, во избежание персонального дела против руководства школы, исключить Арика и из пионеров, и из школы тоже. Заодно и с родителями разобраться. С этим Тамара и побежала к директору.

Мудрый Иван Назарович, немало повидавший на фронте и после, ее спокойно выслушал и приказал доставить в кабинет «американца» вместе с пальто. Вызов с урока к директору школы для ученика событие чрезвычайное и ужасное. Поэтому перепуганный Арик заторопился оправдываться прямо с порога: «Софа меня американцем обозвал. А они, как фашисты, на Корею напали. И бомбят, бомбят. Мой папа с фашистами сражался, тяжело ранен. А Софа меня фашистом обозвал...» «Фашистом обозвал? Это непорядок. А мне сказали, американцем. Но все равно, такого допускать не следует», – задумался директор. Удалив из кабинета Тamarочку, Иван Назарович написал на тетрадном листке записку и велел Арику немедленно доставить ее матери, а на уроки сегодня не приходить.

Вечером отец напильником спилил со всех пуговиц иностранные буквы, оставив звездочки. Следов от идеологической диверсии не осталось.

Лишившись доказательств, Тamarочка утратила пыл и утихла. И Арик до самого окончания начальной школы стойко донашивал свое клетчатое пальто с вечными пуговицами. Как и прилепившуюся к нему кличку «Американец». В ответ на которую каждый раз приходилось самозабвенно драться. А потом ходить с синяками. Из-за этого репутация отчаянного драчуна стойко прилипла к нему до самого перевода из начальной в среднюю школу, в центре города. Дети с рабочих окраин в ней не учились. Микроклимат в коллективе этой школы сложился другой, менее агрессивный. И репутация Арика сама собой изменилась. Забылась и позорная кличка «Американец». Времена наступили другие. Не такие жестокие.

Из клетчатого пальто Арик вырос, и оно пошло на подстилку дворняжке Найде. Найда попробовала отгрызть американские пуговицы, но не смогла и бросила.

**ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПРОЗА»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

1 МЕСТО

Екатерина Суворова

пос. Тумботино, Павловский район, Нижегородская область

ЧЕРНИКА, САХАР И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Рассказ

Баба Нина живет через два дома от меня. Если в Тумботине и есть человек, который умеет заряжать солнечным светом, то это она. Ей уже под восемьдесят пять, здоровье шалит: то давление скакнет, то ноги ноют, то сердце прихватит. Но когда заходишь к ней – а она всегда рада, всегда зовет чай пить с мятой и сушками, – забываешь обо всех болячках. Она светится. У нее морщинки собираются в лучики вокруг глаз, голос звонкий, а смех такой заразительный, что даже хмурая соседская кошка, и та начинает жмуриться и трется о ее ноги.

Я часто прихожу к ней просто посидеть на лавочке, послушать истории. Их у нее – вагон и маленькая тележка. Про жизнь, про любовь, про людей, про Тумботино, которое она помнит еще совсем другим – с деревянными тротуарами, с керосиновыми лампами, с запахом сена и паромом, который ходил через Оку на веслах. Она рассказывает так, будто не было этих восьмидесяти лет, будто все было вчера: тепло, подробно, с улыбкой и с легкой грустинкой, которая делает каждую историю особенно родной.

А однажды она рассказала такое, что я до сих пор вспоминаю с комом в горле и улыбкой одновременно.

Это был теплый летний вечер. Мы сидели у нее в палисаднике, пили чай с мятой, и я спросила, помнит ли она войну. Баба Нина задумалась, помешала ложечкой в стакане, а потом начала говорить. И голос у нее стал тише, но не дрожал – она давно уже пережила эту историю, переварила ее, оставила в душе только светлое.

– Это в войну было, – начала она, поправляя платок. – Мне тогда лет десять, не больше. У нас в Тумботине боев не было, слава Богу. Но за поселком, в лесу, госпиталь стоял. Раненых привозили, наших солдатиков. Кто полегче – те сами ходили, кто потяжелее – лежали в палатах.

Медсестры бегали в белых халатах, такие молоденькие, красивые. Мы, ребятня, иногда заглядывали, но нас гоняли: не мешайте, дети, тут война.

Она отхлебнула чай, улыбнулась чему-то своему.

– А место там, за госпиталем, знатное было – черники видимо-невидимо. Прямо поляны целые, ягода крупная, сладкая, аж губы синели. Мы каждое лето туда бегали. Наберем корзинки – и домой, мамка потом варенье варила, пироги пекла. Духовитое такое варенье, с дымком, потому что на печке варили. До сих пор тот запах помню.

Она замолчала, глядя куда-то вдаль, сквозь палисадник, сквозь время.

– И вот как-то раз подружка моя, Зинка, прибегает и говорит: «Нина, пошли на нашу поляну, там у госпиталя, самая черника уже поспела. Пока другие не набежали, надо успеть!». Я мамку попросилась, она отпустила, только наказала: «Далеко не ходите, к госпиталю близко не подходите, там раненые, не до вас». Мы кивнули и побежали.

Баба Нина прикрыла глаза, и я поняла, что она сейчас там, в том лесу, семидесятилетней давности.

– День был солнечный, жаркий, даже душно. Лес пах смолой, нагретой хвоей и земляникой – она уже отходила, но запах еще витал. Мы с Зинкой бежим по тропинке, смеемся, птицы поют, кукушка кукует где-то далеко-далеко. Красота такая, что словами не передать. Вышли на поляну – и ахнули. Черники там было... ну прямо море! Кусты низкие, а ягода крупная, черная, на солнце блестит, будто кто-то бусинки рассыпал. Мы сразу на коленки, давай собирать. Руки синие, губы синие, корзинки быстро наполняются. Настроение – лучше не бывает.

Она перевела дух, и в глазах ее мелькнула тень того давнего, детского страха.

– И вдруг из леса, прямо из кустов, выходят двое. В чужой форме, серо-зеленой, не нашей. Я сразу поняла: немцы. Раненые: у одного рука перевязана, через бинты кровь проступает, у другого голова замотана, одна глаз почти не видно. Они вышли и остановились, смотрят на нас. А мы с Зинкой как застыли. Ягоды из рук посыпались на траву, я даже не заметила. Стоим, дышать боимся. Сердце колотится где-то в горле, ноги ватные.

Она покачала головой, и на глазах у нее блеснула слеза, но она смахнула ее быстрым движением.

– Понимаешь, нас же с пленок учили: немец – враг, зверь, чудовище. Они детей убивают, дома жгут, никого не жалеют. Мы в школе плакаты видели, на собраниях нам говорили, взрослые шептались. И тут – вот они, живые, стоят в двух шагах. Я думаю: все, смерть наша пришла. Сейчас схватят или постреляют. Или в плен увезут, и мы больше никогда мамку не увидим, никогда домой не вернемся. Я даже попрощаться мысленно не успела – так страшно стало.

А они, эти двое, стоят, смотрят на нас, и вдруг... улыбаются. Не зло, не насмешливо, а так... устало, но тепло. Один, тот, что с перевязанной рукой, что-то говорит другому на своем, по-немецки. Я ни слова не понимаю, но голос у него мягкий, не злой. И они медленно, осторожно, будто боясь нас спугнуть, начинают подходить ближе.

– Я Зинку за руку схватила, – продолжает баба Нина, – она трясется вся, холодная. Хотели бежать, да ноги не слушаются. А немцы подходят прямо к нам, останавливаются рядом. И вдруг наклоняются и начинают собирать чернику! Прямо в наши корзинки! Аккуратно так, крупную ягоду, самую спелую, и кидают. Один что-то приговаривает, улыбается, показывает на ягоды – мол, смотрите, какая хорошая, берите. Другой кивает, тоже собирает, хоть ему, видно, трудно – рука-то больная.

Она замолчала, и я увидела, как ее губы дрогнули в улыбке.

– Мы с Зинкой стоим, рты разинули, не верим своим глазам. Враги, немцы, фашисты – собирают для нас чернику! Я смотрю на их руки: у одного пальцы тонкие, длинные, в садах, у другого – заскорузлые, рабочие. Не звериные руки, а обычные, человеческие. У меня в голове все перепуталось: как же так, нам же говорили, а они...

Они набрали нам корзинки почти до верха. Потом тот, что с перевязанной рукой, выпрямился, посмотрел на меня и улыбнулся – и такая у него была усталая, добрая улыбка, что у меня страх потихоньку отпускать начал. Он полез в карман своей гимнастерки, долго там шарил, а потом достал... сахар! Завернутые в серую бумажку кусочки, знаешь, такие белые, твердые, довоенные, наверное, берегли для себя.

Он развернул бумажку, аккуратно взял эти кусочки и каждому из нас положил прямо в ладошку – по три штучки.

– Берите, берите, – сказал он по-русски, но с таким смешным акцентом, что мы с Зинкой даже хихикнули от неожиданности. – Маленький подарок. Черника сладкая, а с сахаром еще слаще.

Баба Нина смотрит на меня, и глаза у нее влажные.

– Представляешь? Он по-русски умел, хоть и с трудом. И этот сахар... Я потом много раз думала: откуда он у них? Может, последний был? Может, самим не хватало, а они нам отдали. Просто так, двум чужим девчонкам в лесу.

Она вздохнула, перевела дух.

– Потом они оба закивали, заулыбались, погладили нас по головам – я даже дернуться не успела, а прикосновения были легкие, осторожные, как у своих. Развернулись и ушли обратно в лес, туда, откуда пришли. Тихо так ушли, будто их и не было. Только ветки качнулись.

Мы с Зинкой долго стояли, молчали. Потом я посмотрела на свою корзинку – полная, даже с горкой. На сахар в ладони посмотрела – он на солнце поблескивал, такой красивый, белый. И вдруг как заревели! Обе в голос. Не от страха уже, а от всего сразу: от облегчения, от неожиданности, от того, что доброта пришла оттуда, откуда ее совсем не ждали.

– А потом мы бежали, – продолжает баба Нина, вытирая глаза платком, но улыбаясь. – Со всех ног домой, через лес, через овраги, корзинки прижимали к себе, сахар в кулаках зажали так, что он потом растаял почти. Прибежали, Зинка сразу к себе, я к себе. Мамка увидела меня всю в слезах, перепугалась: «Что случилось, доченька? Обидел кто?». А я ей корзинку показываю, сахар разжимаю и сквозь рыдания рассказываю: «Немцы, мама, немцы в лесу, они чернику собирали и сахар дали!». Мамка сначала не поверила, думала, я придумываю или брежу со страху. А я сахар на стол выложила – три кусочка, немножко подтаявшие, но настоящие.

Она замолчала, и в тишине было слышно, как стрекохут кузнечики в траве.

– Мамка долго смотрела на эти кусочки, потом перекрестилась и сказала: «Значит, и среди них люди есть. Не все звери. Запомни это, дочка. На всю жизнь запомни. Война – это одно, а человек – это другое». И я запомнила.

Баба Нина посмотрела на меня, и в ее глазах, выцветших от времени, стоял тот самый свет, который я так в ней люблю.

– Я потом часто думала: вот они, солдаты вражеской армии, раненые, может, сами голодные, может, последние силы теряют, а

нашли в себе улыбнуться детям, остановиться, помочь, поделиться тем, что есть. Не просто не тронули – обласкали почти. И ведь понимали, что мы для них – чужие, что языком не владеем, что боимся до смерти. А они по-человечески поступили. По-простому.

Она помолчала, погладила старенький фартук.

– Война войной, а человек человеком остается. Я всю жизнь это помню. И когда слышу, как про немцев или про кого другого говорят: «все они такие», я всегда вспоминаю тех двоих в серой форме. С перевязанными руками, с усталыми глазами, с добрыми улыбками. Они для меня – напоминание, что зло оно не в национальности, не в форме, не в языке. Зло – оно в душе, если душа черствая. А доброта – она без паспорта. Она везде прорастет, как черника на лесной поляне.

Она снова улыбнулась, и морщинки собрались лучиками.

– Этих двоих, не знаю, выжили ли они, дошли ли до своих, вернулись ли домой. Но я им до сих пор благодарна. За то, что не дали моему детскому сердцу ожесточиться. За то, что показали: даже в самые страшные времена можно остаться человеком. И за сахар тот. Сладкий был, не забыть. Вкуснее в жизни не ела. Наверное, потому что со слезами смешался и с добротой.

Я сидела и смотрела на эту удивительную женщину. На ее руки, тонкие, с выступающими венами, которые пережили войну, голод, потери, но остались теплыми и открытыми для каждого. На ее глаза, которые видели столько страшного, но сохранили способность светиться. На ее улыбку, которая согревает всех вокруг, несмотря на возраст и болезни.

И думала: вот на кого я хочу быть похожей в старости. Чтобы так же встречать каждого с распростертыми объятиями. Чтобы так же верить в людей, несмотря ни на что. Чтобы так же помнить, что даже в самый страшный час, даже в лесу, даже оттуда, откуда ждешь только смерти, можно встретить тех, кто подарит тебе три кусочка сахара, полную корзинку черники и надежду на то, что мир на самом деле не делится на черное и белое. Он разноцветный. И человечность есть везде. Нужно только не закрывать глаза и не дать страху застелить сердце.

– Баба Нина, – спросила я тихо, – а вы Зинку потом видели? Помните ее?

– Ой, дочка, – вздохнула она. – Зинка моя через два года после войны в город уехала, в Горький, вышла замуж, редко приезжала. А потом и вовсе потерялись. Но я ее всю жизнь помню. И тот день, и как мы вместе ревели на поляне, и как сахар этот ели, по кусочку, растягивали удовольствие. Хорошая была подружка. И память у нас с ней общая – на двоих. Думаю, она тоже всю жизнь тех немцев вспоминала. И добрым

словом, и молитвой, может быть. Ведь они нам жизнь подарили. Не тронули. А могли ведь...

Она замолчала, и мы долго сидели в тишине, глядя, как солнце садится за Оку, окрашивая небо в нежно-розовый цвет. Где-то залаяла собака, заскрипела калитка у соседей, запахло вечерней сыростью и цветущим табаком.

– Вот так, дочка, – сказала наконец баба Нина. – Жизнь она сложная, но в ней всегда есть место чуду. Даже в лесу, даже в войну, даже когда ждешь смерти, а получаешь чернику и сахар. И ты запомни: никогда не дели людей на «наших» и «не наших» по одежке или языку. Сердце у всех одно. И доброта – она без паспорта. А зло... зло оно от беды и от боли, а не от того, что человек родился не в той стране.

Она поднялась, кряхтя, опираясь на палку, и посмотрела на меня сверху вниз с той особенной, бабушкиной нежностью.

– Приходи завтра, я пирогов с черникой напеку. Как раз ягода в этом году уродилась, помнишь, мы вместе собирали? И тот сахарный вкус вспомним. Только без слез, ладно? Все уже прошло. А добро осталось.

Людмила Фетисова

г. Орел

2 МЕСТО

СИРИУС

Рассказ

Варвара Федоровна Молохова плеснула горсти две воды на стол, выпрокинула из широкой миски заквас и принялась месить и растягивать тесто. Тесто фыркало, вздувалось и опадало под ее смуглыми, худыми руками. Стол, мерно качавшийся в такт, негромко тукнул о стену. Подле, понунив плечи и голову, сидел муж ее – Иван Терентьевич Молохов, росту высокого, смуглый, с окладистой светлой бородой и пшеничными же волосами, еще не тронутыми сединой. Одни брови у него были темного, почти черного цвета и теперь, сдвинутые, прочертили угрюмую, резкую линию на добром, красивом лице.

– Вот напасть с этими снами. – сказал он. Варвара Федоровна не отвечала, и оба они снова замолчали. Каждый думал об одном, но переживал по-своему. Варвара Федоровна боялась, как бы не вышло беды. Она была религиозна, но добрая часть ее веры была верой в суеверия и предрассудки. От вещей снов она, как водится, не ждала ничего хорошего.

Иван Терентьевич главным образом думал о том, какой работой увлечь сына, чтобы та захватила его целиком, заземлила, не оставила

место для мыслей, чтобы они не прорастали сквозь сны сорной травой, не дурили ребенку голову. Подыскать такое, однако же, было непросто, но поднимаясь со стула и отставляя чашку с остывшим недопитым чаем на раковину, сказал:

– Как проснется, проси, чтоб ко мне бежал. Я его кой-чем займу.

Было еще совсем рано. Молоховы просыпались до света. В молодости волей-неволей, теперь, в стареющих годах, по привычке – большого хозяйства они не держали: куры да гуси, корова; на рыбный промысел не выходили, чему одновременно и радовались, и огорчались.

Степа проснулся только через пару часов, мать будить не торопилась: кошмар сошел, пускай теперь поспит спокойно. Когда сын босыми пятками зашлепал на кухню, она за телевизором перебирала фасоль под посадку.

Степа подвинул табурет, на котором недавно сидел отец, и сел рядом с матерью, запустив пятерню в чашку с фасолью. Выбрал себе горсть и принялся неторопливо выкладывать перед собой. Ему шел шестнадцатый год – младший ребенок в семье. Тело его, в предыдущие два года тянувшееся стремительно, наконец замедлилось в росте, и на кость начало нарастать мясо, скрадывая подростковую несуразность. Лицо его из округлого детского и вытянутого подросткового становилось красивым лицом мужчины. Мать все подмечала и, хотя любила Степушку в любую пору одинаково, все же не могла нарадоваться. Не отвлекаясь от работы, на искоса поглядывала на сына. Не укрылись от нее покрасневшие глаза, бледность кожи и взлохмаченные выше меры, пшеничные, как у отца, волосы. Ответив на его пожелание доброго утра, она помолчала, а потом, не выдержав, как можно мягче спросила:

– Снилось тебе сегодня что?

Степа в ответ только кивнул.

– Опять оно?

Еще один молчаливый кивок. Варвара Федоровна всплеснула руками. И без того она знала причину этих красных глаз и потяжелевших век, хмурого взгляда, которым сын смотрел перед собой и ничего не видел, его мрачной неразговорчивости. Но теперь это высказанное и ставшее определенным убеждение несказанно огорчило ее.

Она вспомнила, как года с три тому назад, первый раз был перебужен дом. Степан метался на кровати, подушка и одеяло были сброшены, простыни смяты, а он все молотил руками воздух и заходился в тяжелых всхлипах. Она тормозила его, выдергивая из вязкого сна: «Проснись! Проснись, Степан». А он, едва вынырнув из сна, прижался к ее теплой груди и горько заплакал и говорил несвязные слова про

какой-то падающий самолет. Самолет, – и где он их только видел? – и каких-то людей, которых он не смог спасти.

– Почему ты-то должен был кого-то спасти? – резонно возразила Варвара Федоровна.

– Потому что мог.

Варвара Федоровна еще посидела у кровати сына, перебирая его волосы и думая над его словами. Плечи его больше не сотрясались от беззвучных рыданий, дыхание стало ровным, но тяжелым после слез – он снова засыпал. Все в доме поутихло и улеглось. Степа задремал и наутро еще вспоминал сон, а потом сон забылся, и все пошло своим чередом.

На следующий год по зиме сон повторился. И снова всхлипы Степушки, причитывания Варвары Федоровны, тяжелые шаги по коридору Ивана Терентьевича.

Такие ночи были похожи одна на другую, как близнецы. Варвара Федоровна, качая головой, слушала сбивчивый рассказ сына. Будто он находится в самолете, высоко-высоко над невидимой землей, скрытой за облаками. А потом нарастающий гул и за ним ужасающая тишина, и после сначала тихо-тихо – шепот. Потом все громче. Самолет падает – отказали двигатели. Но он – Степа – может посадить самолет, он знает это так, как будто не раз уже делал это, и кто-то невидимый подсказывает ему. Он спешит в кабину пилота, уже видит приборную доску, рычаги и кнопки на ней и не пугается их; голос, идущий неизвестно откуда, слышен отчетливо: он терпеливо рассказывает, объясняет. Степан спешит, боится только одного – не успеть, но словно застревает в прозрачной вязкой жиже. Из всех сил выбрасывает руки, ноги, напрягает их неимоверным усилием – идти, но едва ли сдвигается с места. Отчаянно пытается дойти до кабины, но как прозрачное и прочное стекло встало перед ним. Крики за его спиной превращаются в нечеловеческий вопль, смешиваются с гулом. Не слышно за ними голоса – потерялась спасительная ниточка. Степа проснуться не может и бьется в стекло-невидимку, пока самолет не упадет и не разобьется.

Были и другие сны, и все как один. Самолет, надвигающееся чувство беды, и Степа, оказавшийся беспомощным перед опасностью, хотя и знает, и хочет помочь.

– Ну-ну... это только сон. – повторяла Варвара Федоровна в беспокойные ночи. Утешая как могла сына, прижимала к себе, обвив руками шею и голову, а сама дивилась. Ведь бывает же, и такое приснится, о чем в сто лет не подумаешь. И кабину пилота он видел, и самолет готов был посадить – откуда только набрался...

Мягко светит над его кроватью лампада, рядом крестильная икона и самодельный оберег от злого сна – Варвара Федоровна просидела над ним три ноченьки. Но сны повторялись все чаще и чаще, словно кто-то раскручивал веревку колокола, прежде чем бить им набат. С одним только отличием: слез Степа теперь стыдился и, проснувшись, прятал лицо в подушки, не поднимал головы, не отзывался. Варвара Федоровна по-прежнему приходила. Теребила волосы на затылке сына, вполголоса говорила что-то успокаивающее, что только матери одни говорить умеют, а потом, решив, что Степан заснул, сама уходила спать. В доме Молоховых поселилась невысказанная тревога.

Степа механическим жестом раскладывал фасоль на столе.

– Я передумал документы в Северный подавать, – сказал он так, словно уже давно взвесил и решил для себя эту мысль. – Наверное, после школы буду на пилота учиться. Туда буду поступать.

Шарканье фасоли по столу затихло, звуки ее сыпучего постукивания прекратились.

– Это все из-за этих снов? – не то спросила, не то подтвердила мать.

Она не любила сны. Ей самой чаще всего ничего не снилось, а если снилось, то к утру она и вспомнить не могла о чем. Она не верила в вещие сны и считала, что больше того, что есть уже в самом человеке, ему присниться не может. Сон только и может, как камень, брошенный в пруд, поднять из памяти события и закружить их, словно мелкий песок со дна. И все-таки боялась.

Из-за глупого кошмара так перекроить свое будущее? Пилот...

Сама Варвара Федоровна после четырех лет деревенской школы окончила только школу-семилетку, что была в нескольких километрах от родной деревни. Шла она неохотно, но не потому, что дорога утомляла ее, нет. Учеба казалась ей мудреной грамотой в противовес простоте крестьянской жизни. К тринадцати годам она умела управляться косой, запарить муку на корм скотине, натаскать сена из стога и вынести на вилах к навозной куче солому из-под коровы. В домашнем быту Варвара Федоровна была сметлива и умна. Переступая порог школы, она терялась и могла думать только об обратной дороге. Когда же подросли ее дети, она во что бы то ни стало решила выучить их, потому что хотела для них легкой жизни. Старший после девятого класса окончил училище и теперь работает инженером, дочь вот-вот отучится в педагогическом.

Пилот...

Да, младшенький ее, Степушка, с головой мальчишка. Хотя с утра до вечера на улице: то с ребятами носится, то отцу по хозяйству помогает, однако ж одни пятерки в тетрадах. И что же? Отдавать невидаль куда?

Учителя, встречая ее возле почты или магазина, нет-нет да и похвалят Степу: головастый, говорят, в город его отдавайте. Оно и понятно – в город, это Варвара Федоровна и без них решила. В Северный готовились поступать... До города и ста километров не будет. Там сестра, брат. Присмотрели бы за ним первое время. На выходные бы домой приезжал кой-когда. Может, и она бы к нему собралась. Да только нет в ближайшем городе летного училища...

– Из-за них или нет, а только если не отпустите на пилота, совсем учиться не стану, – и чтобы избежать дальнейшего спора, Степан вышел из кухни.

А вечером в семье Молоховых был разговор, который наметился уже давно и пришел, как необходимость.

– Никуда это не годится. – горячился отец. – Пускай бы ехал хоть за тридевять земель, учился бы на летчика – дело хорошее, но вот так – из-за сна... – Иван Терентьевич разводил руками. – Глупость, да и только.

Степа напирал. Никогда до этого он с таким жаром не спорил с отцом. Если бы не сон, говорил он, и не думал, что можно быть взаимовыгодным пилотом и летать, водить в небе самолет. Научится, справится – он во сне это каждый раз чувствует.

– Сон что пшик – был и нет его. А чтобы пилотом быть, нужно всю жизнь этому посвятить, всю до копейки.

– И посвящу.

Варвара Федоровна, слушая их, качала головой. Оба они ждали, что же она скажет, но она все больше помалкивала. Что тут скажешь? Муж был прав: его словами она и сама не раз думала, и поэтому тяжело ей было спорить с ним. Сын тоже прав. Но более того, – чего говорить она не хотела, – она боялась. Из снов Степы к ней подобрался страх: она старалась не думать о самолетах, авиакатастрофах, про которые ей за долгую жизнь не раз приходилось слышать из телевизора. Но раньше это было где-то далеко, в шуршании телевизионных новостей и сюда, на край земли у Белого моря, не долетало. А теперь – близко, говорит словами сына. И тогда она вдруг поняла, что всю жизнь не летала и боится полетов, не доверяет белым птицам из металла и больше всего бы хотела, чтобы вся ее семья, ее дети особенно, держались от них подальше. А этот сон с падающим самолетом... Своим суеверным страхом она боялась заразить мужа и сына и благоразумно не открывала рта. Только когда совсем стало невозможно, сказала:

– Хватит вам спорить. Надоели.

Так ничем этот разговор решен не был – ни у кого не получилось взять верх над другим.

Ночью того же дня, захлопотавшись за полночь, она уже шла спать, когда услышала тревожное: сын метался во сне. Варвара Федоровна остановилась в дверях, прислушалась и догадалась: все тот же сон. Мать хотела было разбудить его и уже сделала шаг к кровати, как услышала сдавленное, сказанное во сне: «Пусти, пусти!» – руками и ногами сын пытался сбросить невидимые преграды. И мать покачала головой, – что уж тут поделаешь? – и чуть слышно проговорила: «Пущу, пущу, спи спокойно» – и, напоследок перекрестив сына, вышла из комнаты.

Летом того же года в доме стоял переполох. С раннего утра женская половина беспрестанно бегала, меняя ведра с водой. Все вымывалось и протиралось. Ковры были скатаны в рулоны и уложены на застеленные диваны, табуреты и стулья ножками смотрели в потолок. На плите под распустившимся голубым цветком булькало на все лады: варились овощи, яйца и оттого на кухне стоял праздничный дух – предвестник салатов. Только вставшее, бледное со сна солнце показалось золотым пятном в запотевших окнах. Варвара Федоровна, дочь ее Наталья и невестка сына Инга, мелькали то тут, то там среди всей этой суматохи.

Мужская же половина разбирала во дворе мебель, которую тут же обматывали картоном, запасенным заранее из магазина, скрепляли скотчем, подписывали и выстраивали в очередь на погрузку у открытого тента серой газели.

Уезжал учиться Степа. Уезжал за тысячу с лишним километров. Позади остались экзамены, и уже пришло почтой письмо о зачислении. А сегодня уезжает. Пока Варвара Федоровна хлопотала по дому, она словно бы и не чувствовала, и не жила этим, а теперь посреди убранных комнат, за желто-оранжевой, праздничной скатертью вся побелела, сжалась и все водила шершавой ладонью по столу. Дочки дорезали салаты. За окнами, там, где шла погрузка, слышались новые голоса – потихоньку подходили.

Ближе к вечеру уезжает. А пока прийти обещались и верно придут Степины одноклассники и мальчишки со двора, с которыми он с детства дружен. И тут только Варвара Федоровна ощутила всю невысказанную горечь от первого, большого расставания и завывала белугой.

Дочь, выйдя из кухни, только махнула рукой:

– Ой, ну что убиваться? Не на войну ребенок едет – учиться. И не на край земли – за тысячу километров. А что такое сейчас тысяча километров? Ну не стоит, не стоит.

– Чего ревете? Не поминки справляем. Примета плохая выйдет, – вдогонку прокричала Инга с кухни.

Варвара Федоровна шумно полувздохнула, полувсхипнула, но плакать перестала. И правда, беды бы не надеть своими слезами. Поскорей отерлась, кабы кто, воротясь в дом, не увидал, и засуетилась, расставляя стулья вокруг стола. Скоро гости соберутся, а ей бы еще пойти, посмотреть: все ли погружено и надежно ли сложено. Сыновья-то ее с головой, а без догляда нельзя.

Спустя четверть часа она уже стояла у машины, руками перебирала каждую вещь, проверяла, крепко ли они смотаны, увязаны. Залезла в кузов, осмотрела все еще раз внимательным глазом. Осталась довольна. Двор заполнялся, но в дом никто не шел: поглядывали на сборы. Каждый норовил помочь или дать совет, хлопнуть оторопелого Степку, в честь которого устроили такой сыр-бор, по плечу – не подведи, мол. Уже шло время к обеду, когда гостей повели в дом. Только Варвара Федоровна задержалась. После шумной, веселой погрузки на дворе стало особенно тихо, и теперь смех и говор были слышны сквозь полуоткрытые окна как будто бы издалека. Она села на сваленную у забора охапку поленьев и чуть слышно, под нос, затянула песню. Пела что придется, по памяти: из песен ее родителей, из своих же колыбельных, из того, что когда-то слышала по радио или телевизору, и все на один лад – заунывное. А сама думала, как он там, ее Степка, в большом городе без них. Без нее. Правильно ли она делала, что отпустила его невидаль куда, в огромный мир, за которым она следила через телевизор и все удивлялась: в экую злую, механическую машину он вырос. И из-за чего? Из-за сна.

Хорошо, соседи не знают – засмеют. Скажут, что дурость – с жиру. А с жиру ли? Какое она – Варвара Федоровна – имела право не пустить, когда что-то большее – большее, чем она сама, чем весь их поселок, клином прорезавший глыбу северного моря, и раскинувшийся теперь перед ней полсотней дворов, – определило, что должно быть так. Своей жизнью она распорядилась сама, а и теперь не лишит этой возможности сына. Ему теперь жить своим домом, своей головой, и матери от этого было гордо за него и грустно одновременно.

– Мам, ну ты где там?

На крыльце загремело, а через секунду показался Степа, поддевавший на ходу резиновые шлепки, взъерошенный и раздурмянившийся от поздравлений. Он широко раскрыл дверь, и из нее потоком полились шум и запахи дома. Степа чуть смутился ее печального вида и улыбнулся, а подойдя, сел рядом.

– Боишься? – спросил он.

– Теперь уже нет. – сказала правду Варвара Федоровна. – А ты?

– И я теперь нет. А до этого знаешь, чего боялся? Что не пустите. Не представляю, что я бы тогда делать стал... Сбежал бы, наверное.

- Так бы и сбежал?
- Как есть сбежал бы. Нутром чую – не здесь мое место.
- И не удивительно. Моряков в нашем краю всегда хватало, а пилотов отродясь не водилось.

Варвара Федоровна помолчала. Она думала о сне, кошмарном сне, который удивительным образом стал внутренним компасом для ее сына, внушил что-то такое, что и будущее его не страшит – весел и рад, хотя и смущен по-детски всей этой суматохой. От этих мыслей стало легко, и она засмеялась.

- Но теперь, видимо, будут.

Сидя рядом, они вдвоем слушали северное лето: жужжание мошки, залиvistые трели птиц, доносившийся из окна веселый шум.

- Еще смеркаться не начало, а уже гляди, рожок луны. И вон там, низко над горизонтом, как будто светляк, видишь – Сириус.

- Вижу. А что?

- Да так. Примета хорошая.

Михаил Воронов

г. Санкт-Петербург

3 МЕСТО

НЕПРИЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Рассказ

Прозвенел звонок на перемену. Событие, конечно, приятное, но, если вспомнить, что впереди – целых полтора часа занятий, а завтра – учебная суббота... Максим недовольно стукнул кулаком по парте. Он устал. Он хотел домой.

Учитель вытерла замученную мелом доску и, сообщив домашнее задание, разрешила идти. Максим поднялся со стула и с трудом впихнул учебник, тетрадь и пенал в ломящийся портфель. Он, как и сам Максим, уже едва выдерживал образовательную нагрузку.

«Учиться никогда не поздно, – философски заметил Максим, водрузив портфель на плечи. – В одной только школе еще почти семь лет корпеть! Значит, успею назаниматься».

Максим раньше всех одноклассников выскочил из кабинета и помчался к лестнице. Он быстро-быстро спустился с четвертого этажа на первый, как если бы добирался на лифте, и пошел в гардероб.

Опыт научил его оставлять вещи в отсеке для младшекласников. Уроки у них заканчивались раньше, и поэтому сейчас он был открыт. Там Максим накинул куртку, схватил обувной мешок и оттуда по коридору побежал в холл.

В холле было оживленно: кто-то выходил из спортзала и кабинета труда, кто-то спешил в столовую, а кто-то торопливо облачался в уличную одежду, чтобы поскорее отправиться домой.

На ближайшей металлической скамейке Максим переобулся, после чего оценил обстановку. Старый Цербер, как всегда, был на месте – на вахте, возле входной двери.

«Старым Цербером» в кругу учеников называли Федора Ивановича – пожилого школьного охранника. Под стать мифическому Церберу, он пропускал в школу всех ребят, кто хотел войти, но часто тормозил их движение в обратную сторону (особенно посреди учебного дня). Конечно, у охранника была всего одна голова, зато шея отличалась невероятной подвижностью. Это позволяло ему замечать даже тех, кто стоял за спиной.

«Чего ему не отдыхается? – огорченно топнул ногой Максим. – Как ни приду – все время на посту! Хуже моей мамы, которая тут как тут, стоит мне заглянуть на кухню за сладким».

Подобно учителям, следящим за шпаргалками на контрольных, охранник зорко следил, чтобы на улицу выходили только ребята, у которых завершились занятия. Сейчас это были младшие школьники. А в двенадцатилетнем Максime даже самый доверчивый человек не признал бы и четвероклассника. И уж тем более Старый Цербер – бывалый дядька, гроза всех прогульщиков. Его и старшим школьникам редко удавалось провести.

На рабочем столе у охранника, словно справочник, всегда лежала тетрадь с расписанием уроков. Один парень однажды сумел украсть тетрадь незаметно от Старого Цербера. Но по глупости смельчак сделал это в мае, когда уже установили и включили камеры для ЕГЭ. Его вычислили и потребовали вернуть тетрадь. А в сентябре парня заставили переписывать в нее изменившееся расписание – каллиграфическим почерком, по всем классам. С тех пор на эту тетрадь не покусился ни единый ученик.

Надо ли говорить, что школьники Старого Цербера терпеть не могли. Сильнее не любили лишь психолога, которая раздражала сюсюканьем, да учителя музыки, которая на нервах учеников играла виртуознее, чем на любом инструменте.

Еще в сентябре Максиму удалось бы сбежать через дверь в физкультурном зале, но поздней осенью занятия на улице не проводились. Сейчас дорога домой проходила только через главный вход. Но сдаваться он не собирался.

«Неужели меня остановит старикан в роговых очках? – поднимаясь, подумал он. – Я почти с него ростом, если на носочки встану и шляпу надену!»

Максим осторожно двинулся вперед, то и дело поглядывая на Старого Цербера. Седой охранник, стоявший в накинутах куртке цвета хаки, пока не смотрел в его направлении. Максим старался идти ближе к центру, но его все время отклоняло немного в сторону, к спортзалу. Словно инстинкт самосохранения пытался отвести Максима от опасности. Другие ребята спокойно проходили мимо Старого Цербера, но это были младшеклассники, которым нечего бояться.

«Ну хоть что-нибудь отвлекло бы его!» – взмолился Максим. На разговоры со школьниками Старый Цербер никогда не шел, так что просить кого-то из ребят о помощи было бессмысленно. В истории про срочный вызов от директора и про потерянный смартфон, который должны были передать на вахту, он не верил, как и в любые иные.

Внезапно у другого края, недалеко от входа в столовую, один краснолицый толстощекий паренек толкнул второго, постройнее и повыше, в пиджаке с зеленым отливом. Тот ответил ему тем же.

«Точно помидор с огурцом отношения выясняют», – хмыкнул Максим.

Толстый снова сделал толчок – рослый упал. Рослый вскочил и прыгнул на толстого. Еще несколько мгновений – и они оба повалились, выкрикивая ругательства, которым никогда не научат на уроках русского языка.

Охранник повернулся к ним и прорычал:

– Так, вы двое! А ну прекратили!

Но они не унимались. И только когда толстый попытался ударить рослого рюкзаком по голове и чуть-чуть промахнулся, Старый Цербер «сорвался с цепи» и бросился разнимать ребят.

«Парни, вы лучшие! – с возбуждением подумал Максим. – Вот он, мой шанс!»

И словно у него на плечах висел не просто портфель, а реактивный ранец, Максим рванул к выходу.

Он быстро миновал первую дверь, вскоре толкнул вторую – металлическую – и очутился на школьном крыльце. Свежесть позднего ноября раскрытой морозилкой охладила ему лицо, но Максим улыбнулся – ведь это была свежесть свободы!

Не останавливаясь, он пронесся вниз по ступенькам и устремился вперед. Добежав до забора, ограждавшего школьную территорию, он шмыгнул в калитку и очутился за пределами опасной для него зоны.

– А ну стой! – вдруг крикнули где-то сзади. Это был голос Старого Цербера.

Максим вздрогнул и без оглядки поспешил дальше, прямо по дорожке, ведущей в сторону дома.

Лишь пробежав еще метров тридцать, он позволил себе оглянуться, как лидирующий в гонке биатлонист. Далеко ли преследователь?

Максим взгляделся – и замер. Старый Цербер был на школьном крыльце, откуда, видимо, и кричал. Только он там сейчас не стоял, а полусидел-полулежал, держась за бедро. Было не похоже, что он быстро поднимется и сумеет продолжить погоню.

«Что ты стоишь как вкопанный?! – упрекнул себя Максим, когда прошло уже секунд десять, как он остановился. – Не Оля же из пятого «Б» упала! Нечего ему было гнаться... упал бы ты, он бы обрадовался только! Смелей иди дальше, ты победил!»

Но что-то мешало Максиму. Он словно видел не Старого Цербера, а просто пожилого человека, чьего-то дедушку, посколькузнувшего в гололед.

«Может, он сейчас встанет?..»

Никто из школьников не выходил. Охранник по-прежнему был один. И по-прежнему не поднимался.

Максим вздохнул. Разве он не пришел бы на помощь, окажись на месте Старого Цербера кто-то другой? Да и чем Старый Цербер отличается от других людей преклонного возраста? Да, сердце у него тверже кирпича, а к детям он относится, как к будущим преступникам! Но все же...

Максим постоял еще полминуты и почувствовал, что долгие ждать не в состоянии. Главная угроза словно превратилась в жертву, которую нельзя бросать.

Он, решившись, побежал обратно. Взобравшись по ступенькам и остановившись перед Старым Цербером, который сейчас походил скорее просто на несчастного немолодого пса, он воскликнул:

– Федор Иванович, вам помочь?

Федор Иванович поднял голову. Он морщился от боли, а увидев Максима, поморщился еще больше. Несколько секунд охранник, не моргая, смотрел на него так, словно он предложил ему станцевать. Максим напряженно сглотнул, но тут Федор Иванович снова наклонился к правому бедру.

– Мышцу потянул, – негромко прокряхтел он и растер ладонями болевшее место. – Неприятно.

– Вам надо срочно приложить лед, – сказал Максим, наклоняясь к нему. – Встать и идти сможете? Я помогу добраться до медкабинета.

После недолгого молчания прозвучал короткий ответ:

– Пошли.

Федор Иванович с усилием сел на корточки. Максим протянул руку, и охранник, взявшись за нее, натужно встал. Потом он оперся Максиму на плечо, Максим обхватил его за пояс, и они медленно-медленно двинулись к двери.

В холле народу оказалось немного – видимо, звонок на урок уже прозвенел. Но оставшиеся ребята с интересом стали наблюдать за вошедшими Максимом и пострадавшим охранником. Среди смотрящих Максим заметил и двух недавних драчунов, которые как ни в чем не бывало важно перешептывались.

Максим с Федором Ивановичем сразу направились к лестнице у школьной столовой – здесь был самый короткий путь до медпункта. Максим терпеливо поднялся с охранником, который старался не упираться на болевшую ногу, по ступенькам, и повел его дальше, по коридору.

Наконец они добрались до медкабинета. Максим постучался свободной рукой и открыл дверь.

Медсестра Татьяна Витальевна, стоявшая у проема, округлила глаза и рот – точно папа Максима, когда впервые проиграл ему партию в шахматы.

– Ох ты! – воскликнула она. – Что случилось?

– Неудачно ступил ногой и потянул мышцу, – сообщил Федор Иванович так, словно говорил о второстепенном персонаже фильма.

Максим проводил охранника до кушетки, и он, сняв и отложив куртку, прилег. Максим скинул с плеч портфель и тоже снял куртку, а заодно и шапку с шарфом. Медсестра тем временем вынула из морозилки лед и обернула в полотенце.

– Приложите, – велела она, подойдя к Федору Ивановичу.

Охранник принял сверток, прислонил к бедру и выдохнул. Примерно так однажды выдыхал Максим, когда ставил ошпаренный палец под струю холодной воды.

– Подержите пока. Скоро решим, что с вами делать дальше, – сказала медсестра и села за стол писать.

Максим секунд сорок постоял рядом с койкой. Потом охранник, не глядя на него, кашлянул и сказал:

– Можешь идти.

– А как вы доберетесь до дома? – спросил Максим.

– С этим я разберусь. Иди, сынок. Ты уже помог всем, чем мог, – усмехнулся охранник.

Максим призадумался. Желание уходить из школы отчего-то пропало. Он посмотрел на наручные часы. Прошло двадцать минут с начала пятого урока – математики.

– Я опоздал почти на пол-урока. Не на полминуты. Людмила Васильевна будет недовольна, а я ее побаиваюсь.

– Меня не испугался, а Людмилу Васильевну боишься? Вздор! – проворчал Федор Иванович. Вид его оставался недружелюбным, но взгляд, обращенный к потолку, был не таким хмурым, как обычно. Охранник сказал медсестре:

– Татьяна Витальевна, вы не проводите этого бесенка... в смысле, ребенка, на урок, чтобы на него не ругались?

– Ну, хорошо, – она посмотрела на удивленного Максима, который уже переобулся. – Отнесешь вещи в гардероб – и пойдем.

Травма Федора Ивановича оказалась не слишком серьезной – скоро его отпустили домой, назначив мазь и попросив не напрягать ногу в ближайшие дни. На больничном охранник пробыл ненадолго – в субботу он не вышел, но уже в понедельник вернулся к своим обязанностям.

Однако новость о временной нетрудоспособности Федора Ивановича активно обсуждали в школе – ведь до этого, как утверждали учителя, за двадцать пять лет работы он не пропустил ни одного рабочего дня! Так что, как получалось, действия Максима привели к поистине уникальному событию.

Когда Максим и Федор Иванович первый раз увиделись после его возвращения, то оба почувствовали неловкость: Максим – оттого, что спровоцировал повреждение у охранника, а охранник – оттого, что оконфузился перед школьником. На слова Максима: «Извините меня, пожалуйста, надеюсь, вашей ноге уже лучше» – Федор Иванович кашлянул и заверил, что все нормально.

Никто так и не узнал наверняка, что произошло в ту пятницу вскоре после четвертого урока. Федор Иванович не хотел много говорить о случившемся и никому из коллег не выдал отрицательной роли Максима – то ли пожалел его, то ли просто стеснялся ситуации. Сам Максим тоже старался избегать разговоров с одноклассниками о происшедшем и никогда не пытался что-то приукрасить.

Школьникам пришлось самим домысливать историю – о Максиме, выручившем Федора Ивановича, стали слагать легенды. Кто-то из учеников нафантазировал, что Максим защитил Федора Ивановича от нападения взрослых хулиганов, которых якобы наняли ребята, особенно не любившие охранника. А кто-то сочинил, словно на самом деле Федора Ивановича травмировал сам Максим в схватке один на один. Так или иначе, все школьные задиры быстро смекнули, что если с этим парнем не справился сам Старый Цербер, то с таким

лучше не связываться. От них Максим получил прозвище Геракл – по сходству с укротителем мифического пса. Одноклассники же прониклись к Максиму глубоким уважением и, конечно, тоже решили, что с ним отношения портить не стоит.

А Федора Ивановича в самом деле как будто укротили – нет, кротким он, конечно, не стал, но как будто немного подобрел – взгляд его смягчился, голос тоже, изредка даже промелькивала улыбка. Да и ворчать он стал поменьше. Максима же он теперь выпускал из школы вообще без какого-либо сопротивления – может, от греха подальше, а может, потому, что между ними появилось своего рода доверие. Но и сам Максим почти перестал покидать школу раньше времени без уважительной причины, так что это доверие в целом оправдывал.

Прозвище «Старый Цербер», что интересно, к концу второй четверти сократилось до просто «Цербер» – школьникам охранник больше не казался брюзгой. Но, что еще интереснее, Максим вовсе прекратил использовать прозвище, и в разговорах с одноклассниками начал называть охранника «Иванычем». Авторитет Максима был незыблем, и к февралю все школьники стали так именовать охранника, в том числе обращаясь к нему. Иваныч после этого подобрел еще сильнее...

**ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПРОЗА»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

Макар Лопухов

г. Самара

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ГАРМОНИИ ДУШИ

Рассказ

*Моему любимому учителю химии
Елене Владимировне Ш. посвящается*

В тот день, когда семилетний Лева впервые осознал, что мир состоит из крошечных невидимых частиц, соединяющихся в бесконечном танце, он перестал быть просто ребенком. Он стал посвященным. Это случилось не в школе, а в ванной, когда он, играя, вылил полфлакона синей соли для ванны в стакан с лимонной кислотой от изжоги. Мать была в ужасе от едкого фиолетового дыма и испорченного кафеля. Но Лева видел не дым и не беспорядок. Он видел магию превращения, рождение нового вещества из старых, хорошо знакомых, которые хранились в экзотических флаконах, привезенных родителями из разных стран, и которые захламляли мамину полочку. Вечером в кровати к нему пришло осознание: «Так вот для чего нужны все эти баночки! И, чтобы понять ЭТО, ему понадобилось целых семь лет!» И это «ЭТО» было лучше любого циркового фокуса.

С тех пор его внутренний мир обрел устойчивость. Лева не просто жил, он собирал доказательства. Капля йода на крахмал – синее чудо. Уксус и сода – бурлящая миниатюрная вулканическая зима. Комната мальчика превратилась в лабораторию исследователя: на полке выстроились баночки с медным купоросом, марганцовкой, сухими листьями для «экстракций», которые были по сути просто чаем. Он выписывал в толстую тетрадь «Периодическую таблицу элементов», рисуя каждую клетку с особенной, почти религиозной тщательностью. Водород – основа основ. Кислород – дыхание мира. Углерод – тайна жизни. Его целью было не просто стать химиком. Он хотел быть тем, кто откроет новый элемент, расширит таблицу, впишет свое имя рядом с Менделеевым и Кюри. Это был не детский каприз, а обет, данный в тишине своей Вселенной мензурок и формул.

Однако внешний мир, особенно мир людей, имел другую периодичность. Школа стала местом, где его вселенная сужалась до тесного туннеля. Он видел не одноклассников, а набор органических соединений, которые шумят на переменах. Учительница литературы, говорящая о «чувствах Татьяны», вызывала у него лишь мысленный поиск формулы, описывающей нейронную активность при влюбленности. История была хаотичным нагромождением реакций без контроля условий. Его туннель был чист, прекрасен и абсолютно безвоздушен. В нем были только прямая дорога к Нобелевской премии и стены, сложенные из учебников, за которыми не было видно живых людей.

От аварии в этом туннеле его спас, как ни странно, разговор с соседом, профессором химии, Александром Андреевичем Шпаковским. Однажды, возвратившись из школы, Лева стоял на лестничной клетке, мрачно тыкая пальцем в кнопку лифта. За спиной щелкнул замок.

– Лева? Что-то случилось? – Александр Андреевич вышел из квартиры, поправляя очки. В руках он нес мусорное ведро, от которого слабо пахло чем-то металлическим.

– Двойка за сочинение, – буркнул Лева, не оборачиваясь. – Художественные средства в поэзии Тютчева.

Александр Андреевич поставил ведро и прислонился к косяку.

– Тютчев... Умом Россию не понять... Сильное, хотя и краткое, заявление. А знаешь, чем оно похоже на химическую реакцию?

Лева наконец повернулся, ожидая очередной сложной аналогии про атомы.

– Чем?

– Тем, что и там, и там за видимой простотой – целая вселенная. Чтобы ее увидеть, нужен... правильный реагент. Воображение.

– Вам легко говорить, – хмыкнул Лева. – Вы же с формулами всю жизнь. Там все ясно.

– Совсем не ясно, – мягко возразил профессор. – Формула воды – H_2O . А теперь объясни ей, мальчик мой, почему она бывает туманом над рекой ранним утром, слезой или ледяным узором на стекле. Формула этого не знает. Это знает только тот, кто может это увидеть, почувствовать или... описать.

Лева непонимающе посмотрел на него.

– Ты помнишь книжку «Сказки Изумрудной Колбы», которую я подарил тебе, когда ты пошел в школу?

Лева моргнул глазами.

– А кто автор, помнишь?

– Еще бы... А. Алхимов.

– Правильно. Алхимов... Александр Андреевич.

– Ваш тезка, – улыбнулся Лева.

– Лева, мой мальчик, автор этой книги – я...

– Вы?!

Сосед молча кивнул, глядя куда-то поверх Левиной головы, будто рассматривая картину в далекой галерее.

– «Алхимия слов» – так однажды пошутил редактор. Псевдоним прилип. Это моя вторая, тайная лаборатория, Лева. Где вместо колб – метафоры, а вместо реактивов – сюжеты. Где Кислород может быть ветреным рыцарем, а не просто газом из учебника.

На лестничной клетке повисла тишина, нарушаемая только гудением лифта в шахте. Стереотипный образ сухого ученого в очках треснул и разлетелся на осколки, как тонкая химическая посуда. На его месте стоял настоящий Волшебник, который жил в соседней квартире.

– Но... зачем? – выдохнул Лева.

– Чтобы показать, что мир един, – просто ответил Александр Андреевич. – Что нет «скучной» химии и «возвышенной» литературы. Есть только разное восприятие одного и того же удивительного вещества – реальности. Я пытался показать это в сказках. А тебе, кажется, в свое время очень нравилось, как Водород дружит с Кислородом, чтобы получилась волшебная вода.

Лифт, наконец, приехал, и его двери с лязгом открылись. Но Лева не двинулся с места.

– Значит, Вы... не только профессор.

– А ты, – улыбнулся в бородку Александр Андреевич, – не только двоечник по литературе. Ты – мой верный читатель. Беги, а то лифт уедет.

Лева шагнул в кабину. Двери начали закрываться. Через сужающуюся щель он видел, как профессор поднимает свое ведро и

направляется к мусоропроводу. Обычный сосед, делающий обычные дела.

– Александр Андреевич! – вдруг крикнул Лева, задерживая дверь рукой.

– Да?

– А Тютчева вы тоже понимаете? Ну, эти его, художественные средства.

– Ну, надеюсь, – улынулся профессор.

– А можно я к вам сегодня загляну вечером? – выпалил Лева.

– Жду-с вас, мой верный читатель.

Двери захлопнулись, и лифт поехал вниз, а серая тоска в душе Левы куда-то испарилась, словно ее молекулы под действием волшебного реагента.

Анализ стихотворения Тютчева «Весенняя гроза» давался Леве мучительно. Он сидел, стиснув зубы, и думал о формуле озона (O_3), который пахнет после грозы, о реакции азота с кислородом в разрядах молний и последующем образовании оксидов азота (NO, NO_2). Он выдавил это наружу как оправдание:

– Я понимаю химию грозы. Это важнее. Эти стихи – просто слова, они ничего не объясняют.

Александр Андреевич не стал спорить. Он откинулся на спинку стула, и в уголках его глаз собрались лучики морщин – не от улыбки, а от какой-то внутренней сосредоточенности.

– Формула озона, – произнес он задумчиво, – это описание тела явления. Его скелета. Но Тютчев, – он ткнул пальцем в книгу, – пытался описать душу явления. А душа, как и любой хороший эксперимент, не сводится к сумме компонентов.

Он замолчал, глядя в окно, где на сосне сидела сорока.

– Ты чувствуешь запах озона, Лева? Он резкий, колючий, живой. Это одна из нот. А теперь закрой глаза и представь: слепящая вспышка, от которой на сетчатке остается темное пятно. Потом удар, который не столько слышишь, сколько чувствуешь грудной клеткой. И только потом этот запах. И чувство, будто небо разломилось и вымыло весь мир. Стихотворение – это попытка поймать этот миг целиком, с тобой внутри. Химия объясняет механизм. Поэзия – переживание. Одно без другого... Недовоссозданная реальность.

Лева молчал. Он впервые задумался не о том, из чего сделан момент, а о том, какой он есть. Это было странно. Как смотреть не на отдельные элементы, а на целую картину.

Занятия продолжались. Профессор Шпаковский был похож на проводника в параллельном мире, где все знакомые вещи имели

дополнительные измерения. Говорили о «Преступлении и наказании». Лева сразу заявил:

– Раскольников – нестабильное соединение. Его теория – катализатор, приведший к распаду личности.

– Верно, – кивнул Александр Андреевич. – Но химия, наверное, подсказывает: чтобы понять распад, нужно понять силы, которые до этого удерживали молекулу целой. Что Раскольникова удерживало до этого? Не теория, а что?

Этот вопрос застрял в сознании Левы, как заноза. Он привык мыслить причинно-следственными цепочками: $A + B = C$, а тут ему предлагали рассмотреть весь контекст: колбу, среду, температуру.

Переломный момент наступил весной. Лева готовился к городской олимпиаде по химии дни и ночи, решая сложнейшие цепочки превращений. Он был на грани усталости, его мир снова сплюснулся в тоннель, в конце которого маняще сияла золотая медаль, и он сорвался на матери, которая попросила его сбежать в магазин. Кричал что-то про «отвлечение от великого». На следующем занятии у профессора Шпаковского Лева, бледный от стыда, молча разглядывал узоры на паркете.

– Туннель давит? – мягко спросил Александр Андреевич. Лева вздрогнул. Он не произносил этого слова вслух.

– Бывает. Когда очень яркая цель – она, как сильный источник света, ослепляет. И ты перестаешь замечать, что по сторонам дороги растет не просто трава, а, скажем, лютики едкие, *Ranunculus acris*. И что у твоей матери сегодня усталые глаза, потому что она трижды переделывала отчет. И что твой кот, которого ты не гладил неделю, обижен. Все это тоже элементы реальности. Не менее важные, чем валентные электроны.

Он подошел к книжной полке, снял небольшую, потрепанную книгу.

– Это не учебник. Это дневник одного полярного исследователя. Читай тут, – он раскрыл на закладке. – Про буран.

Лева начал читать. Сухой, точный отчет: температура, скорость ветра, давление, описание снежного покрова. И вдруг, в середине абзаца: «...и в эти часы полной белой тьмы, когда время теряет смысл, я думал не о спасении, а о горячем чае, который готовила моя жена. О точном движении ее рук, когда она насыпает заварку в ситечко. Эта картина грела сильнее, чем примус».

Он поднял глаза на профессора. Тот понимающе кивнул.

– Вот видишь. Сначала – физика явления, метеорология, потом – физиология, выживание и то, ради чего вообще стоит выживать. Тот

самый чай. Это и есть экология, экология души, Лева. Экология души – это равновесие, гармония ее внутренних элементов. Твой блестящий химический ум – один такой элемент. А способность видеть чужую усталость, чувствовать красоту стиха, тосковать по дому в буран – другие. Если один разрастется и подавит остальные, будет дисбаланс. Токсичная среда внутри тебя самого. И великим химиком ты не станешь.

– Почему? – выдохнул Лева.

– Потому что великое открытие – это почти всегда неожиданная связь между, казалось бы, далекими вещами. Его делает не сфокусированный луч, а рассеянный, богатый разными частотами свет. Узкий специалист видит свою колбу. Гений часто видит еще и стол, на котором она стоит, окно за ней и птицу в небе. И иногда именно птица наводит на мысль, как перемешать содержимое колбы.

В тот вечер Лева не открывал учебник. Он сидел у окна и смотрел, как закат красит облака в цвета, которые нельзя описать одной формулой. В них был и спектр рассеяния, и пыль городская, и его собственное настроение, которое сегодня было не «нейтральным», а скорее «тихо волнующимся, с переходом в теплое умиротворение».

Он все равно выиграл олимпиаду. Но когда ему вручали медаль, он думал не только о правильных коэффициентах в уравнениях. Он думал о том, как точно надо пожать руку членам жюри: не слишком сильно, не слишком слабо. И увидел, что у одной пожилой преподавательницы дрожали пальцы, когда она ему ее вручала. И вместо того чтобы просто пробормотать «спасибо», он сказал:

– Спасибо вам большое. Вы, наверное, весь день на ногах, это тяжело. Она взглянула на него с внезапным живым удивлением и улыбнулась не официально, а по-настоящему.

Лева поступил на химический факультет с легкостью вундеркинда. Но университет быстро поставил его на место. Его энциклопедические, но сырые знания столкнулись с жесткой системой, где требовалось не просто знать, но и понимать связи. На первой же сессии он едва не завалил историю, презрительно назвав ее «ненаукой». Его спасло заступничество декана, который разглядел в нем искру, но предупредил:

– Талант без кругозора, как реактив без растворителя. Реакция не пойдет.

На втором курсе началась специализация. Лева всем сердцем прикипел к строгой, кристаллической логике неорганики. Здесь царил порядок: координационные полиэдры, четкие геометрии комплексных соединений, величественная симметрия кристаллических решеток. Он дышал полной грудью. Но и здесь его туннельное мышление подвело. Его курсовая работа по синтезу нового оксидного материала

была разгромлена профессором Гордеевым, светилом кафедры неорганической химии.

– Вы получили красивый порошок, – говорил Гордеев, вертя в руках ампулу с бледно-голубым веществом. – Рентген показывает интересную структуру. Но для чего он? Вы проверили его термическую стабильность? Электропроводность? Каталитическую активность хоть в какой-нибудь модельной реакции? Нет. Вы зациклились на самой синтезируемости, как крот на рытье норы. Неорганическая химия – это не коллекция марок. Это поиск функций. Функция рождается на стыке свойств и потребности. Вы забыли про мир за пределами дифрактометра.

Это был крах. Лева пришел к Александру Андреевичу в состоянии, близком к отречению.

– Может, я ошибся? Может, это не мое?

– Судя по твоим глазам, когда ты говоришь о кристаллических решетках, – это твое, – сказал Александр Андреевич. – Просто твой внутренний «кристалл» пока имеет слишком простую сингонию. Его нужно усложнить, дополнить новыми «атомами». Гордеев прав по-своему. Он не отрицает твою красоту. Он требует от нее пользы. А это высший комплимент для ученого.

Лева понял. Он стал работать над ошибками с фанатизмом, достойным его детской одержимости. Он устроился стажером в НИИ материаловедения, где его прекрасные кристаллы испытывали на прочность, терли, облучали и погружали в агрессивные среды. Он увидел, как его идеальные структуры трескаются, мутнеют, теряют свойства в реальных условиях. Это было больно, но по-научному плодотворно. Он начал читать не только журнал «Неорганическая химия», но и «Прикладная физика», «Материаловедение», даже экономические обзоры по рынку редкоземельных металлов.

Его диссертация по направленно-модифицированным оксидным катализаторам для очистки выхлопных газов стала событием в научном мире. В работе была и глубокая фундаментальная проработка механизмов легирования кристаллической решетки, и блестящий технологический раздел, и даже краткий экономический анализ. Оппоненты хвалили «редкостный синтез фундаментального и прикладного подходов».

Путь к профессорскому званию был долог и нелинеен. Были годы в постдоках за границей, где он столкнулся с междисциплинарными командами, где химики, физики и инженеры говорили на одном языке – языке проблемы. Были неудачные «grantproposals», где его чисто химические проекты проваливались, а выигрывали те, где он рискнул

добавить пункт о сотрудничестве с биологами или экологами. Он учился. Он вспоминал слова Шпаковского о «лесе вместо туннеля» и понимал, что заблудиться в этом лесу – только часть пути.

Именно в такие моменты, когда ум, уставший от сложных маршрутов и блужданий, требовал точек опоры, Лев предпочитал уединиться в лаборатории, чтобы заняться титрованием. Этот процесс был для него больше, чем анализ, это был ритуал, медитация. Он проделывал это сотни раз за двадцать лет своей преподавательской деятельности, оттачивая движение до автоматизма, находя покой в предсказуемости фиолетовой вспышки индикатора. Еще в студенчестве Леву, как когда-то в детстве, когда он осознал предназначение баночек на маминой полочке в ванной, пронзила мысль о том, что процесс титрования очень схож с процессом жизни.

Лев склонился над штативом. В колбе – прозрачная, чуть опалесцирующая жидкость, раствор его сомнений. В бюретке – титрант, раствор ясности, холодный и безжалостный в своей чистоте. Он открывает кран. Первые капли, как случайные мысли, падают в колбу, не оставляя следа. Они растворяются в объеме проблемы, теряются в ней. Ничего не меняется. Так и в жизни: первые попытки понять, первые усилия что-то исправить часто уходят впустую, поглощаемые масштабом неясности. Мир остается прежним, мутноватым, неопределенным.

Он вращает колбу, наблюдая за воронкой на ее дне. Капля за каплей. И вот – намек. Мимолетное, едва уловимое глазом появление розоватого облачка, которое, не успев родиться, растворяется при следующем обороте стекла. Первое предостережение. Так и сознание улавливает мимолетные проблески истины, которые тут же тонут в привычном хаосе чувств и доводов. Еще не изменение, а лишь его призрак, намек на то, что процесс пошел. Нужно замедлиться. Дышать ровнее.

Капли теперь падают с интервалом в сердцебиение. Каждая – осознанный шаг, взвешенное решение. И с каждым шагом розовая дымка становится гуще, живее, держится дольше. Это уже не мимолетность, а тенденция. Целое настраивается на перемену. В химии это область буферного действия, где система сопротивляется, но сопротивление постепенно слабеет. В душе – это период внутренней борьбы, когда старые установки еще цепляются за жизнь, но новая ясность уже пробивается сквозь них, окрашивая восприятие в иные цвета. Цвет – индикатор. Фенолфталеин невидим в кислоте и ярк в щелочи. Так и наша сущность: часто истинные ее цвета проявляются только при встрече с чем-то кардинально иным, переламывающим внутренний рН.

И вот он видит это. Не розовое облачко, а единую, совершенную вспышку малинового, озаряющую всю колбу изнутри. Один миг абсолютной, кристальной ясности. Точка эквивалентности. Мгновение, когда последний атом сомнения встретился с последней молекулой понимания. Ничего лишнего. Полная нейтрализация. В химии это финал, результат расчета. В жизни – это редчайшее состояние гармонии, когда все «за» и «против», вся боль и все надежды приходят к нулевому, тихому балансу. Мгновение катарсиса. Прозрения.

Но рука не останавливается. По инерции мысли, по забывчивости чувства еще одна капля падает в уже алое пламя. И цвет грубеет, становится грязно-бурым, почти фиолетовым. Перетитрование. Избыток ясности превращается в новую тупость, в агрессивную уверенность, которая коверкает только что обретенную истину. Жизнь, как и титрование, не терпит излишеств. Одна лишняя капля самоуверенности – и хрупкая гармония распадается, превращаясь в свою карикатуру. Надо было остановиться ровно тогда. Но как это знать заранее?

Лев закрывает кран. Записывает объем в лабораторный журнал ровным почерком: « $V = 22.4$ мл». Цифра. Сухой итог волнения. Но за ней стоит вся драма превращения: от мутной неопределенности через трепетные намеки к краткому триумфу цвета и печальному уроку его утраты.

Так и душа, день за днем, титрует себя опытом. Каждая встреча, книга, поражение или радость – капли в бюретке. Сначала они растворяются без следа. Потом начинают менять внутренний пейзаж, проявляя скрытые до поры цвета чувств. Мы ищем свою точку эквивалентности – момент, когда боль уравнивается принятием, хаос – порядком, вопросы – ответами. И так же легко промахнуться, взяв лишнего: упрямства вместо стойкости, жалости вместо любви, цинизма вместо мудрости.

Он моет колбу. Вода смывает густой фиолетовый осадок, оставляя стекло холодным и вновь сияющим, готовым принять новую порцию неведения. Титрование закончено. Жизнь – нет. Задача ученого и человека не в том, чтобы избежать перетитрования, а в том, чтобы, увидев искаженный цвет, иметь мужество начать все сначала, с новой пробой, с чистым индикатором, помня о цене каждой капли и о мимолетной, прекрасной ясности той единственной, «perfectpink» точки.

Лев Владимирович переводит взгляд на стену. Рядом с дипломами и портретом Менделеева висит небольшой листок в простой рамке. На нем детской рукой выведена «Таблица», но не Менделеева. Это «Периодическая таблица гармонии души». В клетках вписаны: «Молчаливое понимание», «Неловкая доброта», «Горечь

ошибки», «Тихая радость узнавания», «Терпение», «Вдохновение». В самой нижней строке, в клетке для самых тяжелых, фундаментальных элементов – «Баланс», а в графе «Автор открытия» – «А.А.Ш (А₂Ш)».

Хлопает дверь. Его аспирант, талантливый и одержимый, как он сам в юности, вбегая в кабинет, в отчаянии кричит:

– Я не успеваю! Нужно отключиться от всего, кроме работы! Иначе никогда не добьюсь прорыва!

Лев Владимирович смотрит на его сжатые кулаки, на горящие туннельным огнем глаза. Он улыбается, и в его улыбке то самое понимание, которое он когда-то видел в глазах Александра Андреевича.

– Хочешь чаю? – спрашивает он. – У меня есть особый сорт. И пока будем пить, я расскажу тебе одну историю про мальчика, фиолетовый дым и человека, который научил его видеть гармонию за пределами колбы. Это не отнимет у тебя времени на прорыв. Это, возможно, единственное, что поможет ему случиться.

Марина Неустроева

г. Тюмень

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Рассказ

Если честно, никто из них не собирался заниматься поиском смысла жизни. Они просто оказались в одной деревне в одно лето. Степа приехал к бабушке на перезагрузку. Бабушкин дом пах сушеными травами, старым деревом и чем-то очень спокойным. Степу это спокойствие раздражало. После городской суеты любая тишина казалась подозрительной. Он просыпался рано. Смотрел в потолок. Слушал, как за окном шуршит ветер в яблонях. В городе шум глушил мысли и телефон. Здесь – нет. Филипп приехал по другой причине. Его отец строил неподалеку большой агропроект. Поля, техника, новые технологии, капельный полив, разговоры про экологичность и будущее. Филипп должен был «научиться, как делается настоящее дело». Филипп умел смотреть. Умел кивать. Умел улыбаться. Это вообще была его суперспособность. Он нравился людям почти автоматически. Даже деревенские бабушки через пару дней уже угощали его пирожками, а местные девчонки начинали смеяться громче, чем нужно. Только вот улыбка – это не всегда радость. Иногда это способ не задавать себе лишних вопросов. Они встретились почти случайно. Степа сидел на крыльце и кидал камни в пустую банку. Занятие глупое, но зато честное. Филипп шел мимо и остановился.

– Ты тут давно скучаешь или только начал? – спросил он без особой церемонии.

– Тебе какая разница? – ответил Степа. – Да никакой. Просто если вдвоем скучать – уже не так обидно. Степа хмыкнул. И сам не понял почему, но не послал его сразу. Так началось их лето.

Идея пойти к старой усадьбе родилась из скуки. Старую деревенскую легенду Филипп рассказывал с таким видом, будто это серьезная научная экспедиция. Степа делал вид, что ему все равно. Но пошел. Дорога к усадьбе шла через поле. Там уже работала техника. Проект отца Филиппа постепенно захватывал землю. Новые ровные грядки, тракторы, аккуратные линии посадок.

– Красиво, – сказал Филипп.

– Похоже на гигантский огород, – пожал плечами Степа.

– Это и есть огород. Просто большой.

Степа посмотрел на край поля, где трава была вытоптана, а земля – пересушена.

– А раньше тут что было?

Филипп замялся.

– Лес. Его убрали. Но это временно. Потом посадят новые деревья.

– Удобно, – сказал Степа. – Сначала убираем, потом обещаем посадить.

Филипп хотел возразить. Но не стал. Он вдруг понял, что не знает, что именно чувствует по этому поводу. Он всегда считал проект отца правильным. А тут впервые посмотрел на землю как будто со стороны. Усадьба встретила их тишиной. Окна пустые, стены в трещинах. Внутри пахло пылью и летом. Они ходили по комнатам, осторожно ступая по старому полу.

– Представляешь, – сказал Филипп, – тут кто-то жил. У них были планы. Они что-то строили. А потом все закончилось.

– У всех заканчивается, – спокойно ответил Степа. Он провел рукой по подоконнику. Пыль осталась на пальцах. – Просто кто-то убирает за собой, а кто-то – нет.

Филипп усмехнулся.

– Ты всегда такой философ?

– Нет. Только когда жарко.

Они вышли во внутренний двор. Там неожиданно оказался маленький сад. Почти заросший, но живой. Дикая малина, яблоня, которая все равно плодоносила, несмотря ни на что.

– Смотри, – тихо сказал Филипп. – Никто не ухаживает, а оно растет.

Степа пожал плечами.

– Земля живучая.

Филипп впервые за долгое время не стал шутить. Иногда экология души начинается с того, что рядом кто-то просто не нарушает тишину. Когда к усадьбе подошли местные ребята, конфликт вспыхнул быстро. Толчок в плечо. Грубое слово. Степа уже почувствовал знакомое напряжение в кулаках. Но в этот раз что-то его остановило. Может быть, сад за спиной. Может быть, взгляд Филиппа, в котором не было страха, только ожидание.

– Нам просто интересно, – спокойно сказал Филипп. – Мы ничего не ломаем.

Местные что-то еще буркнули и ушли. Без драки. Странно, но мир от этого не рухнул. По дороге обратно они молчали. Но это было уже другое молчание.

– Знаешь, – сказал Филипп, глядя на поле, – отец все время говорит про экологию. Про сохранение почвы. Про устойчивость.

– А ты? – спросил Степа.

Филипп задумался.

– А я не знаю, как сохранить себя. Чтобы не пересохнуть.

Степа усмехнулся.

– А я не знаю, как перестать быть злым. Они шли рядом. Два разных способа справляться с болью. Один – высыхал. Второй – кололся. Лето только начиналось. Впереди были поля, река, разговоры, возможно, ссоры. Возможно, ответы. А возможно только новые вопросы. Но что-то уже изменилось. Они впервые посмотрели не только на разрушенный дом, но и внутрь себя. И поняли простую вещь: если землю можно истощить, то и душу – тоже. И если за полем нужен уход, то за собой тем более. А как именно ухаживать – им еще предстояло выяснить.

На следующий день они пошли к реке. Река в деревне – это как центр новостей. У нее всегда кто-то есть. Кто-то ловит рыбу, кто-то стирает ковры, кто-то просто сидит и думает, что его никто не видит. Утром было тихо. Вода текла медленно, лениво отражая небо.

– Купаться будешь? – спросил Филипп, уже стягивая футболку.

– Если вода не ядовитая, – ответил Степа.

– Ты вообще оптимист по жизни?

– Стараюсь не очаровываться. Меньше разочарований.

Филипп фыркнул и прыгнул в воду. Всплеск получился громкий и радостный. Степа наблюдал с берега. В какой-то момент он все-таки разделся и зашел следом. Вода была прохладной. Пока они плавали,

Филипп вдруг заметил у берега мутное пятно.

– Смотри, – сказал он, подплывая ближе. – Это что?

На поверхности плавала тонкая радужная пленка.

– Похоже на масло, – сказал Степа.

Они выбрались на берег и прошли выше по течению. Там, где техника отцовского проекта стояла ближе к воде, земля была разрыта. В канаве блестела та же радужная пленка. Филипп замолчал.

– Это случайность, – сказал он больше себе, чем Степе.

– Наверное, что-то пролилось.

– Наверное, – кивнул Степа. – Просто в реку.

Филипп присел на корточки и потрогал воду.

– Отец говорит, что все под контролем.

– У взрослых всегда все под контролем, – спокойно сказал Степа. В городе экология была словом из новостей. Здесь это было пятно, которое плывет прямо перед тобой.

– Если это так и оставить, – сказал он тихо, – дальше будет хуже.

– А ты что предлагаешь? – спросил Степа.

Филипп пожал плечами.

– Не знаю. Но притворяться, что этого нет, странно.

Степа усмехнулся.

– Добро пожаловать в реальность.

Вечером Филипп долго сидел за столом с отцом. Разговоры были обычные: планы, цифры, сроки. Но в какой-то момент он все-таки спросил:

– А если что-то попадает в реку?

Отец поднял взгляд.

– Что именно?

– Ну... масло, например.

Пауза была короткой, но ощутимой.

– На стройке всегда бывают издержки, – спокойно ответил Виктор Сергеевич. – Мы все компенсируем. Это большой проект. Главное – результат.

Филипп кивнул. Как всегда. Но в этот раз кивок был тяжелым. Он вдруг понял, что «результат» и «чистота» не всегда совпадают. Тем временем Степа помогал бабушке в огороде. Земля была мягкой после полива.

– Землю нельзя обманывать, – сказала бабушка, не поднимая головы. – Если ее истощить – она потом долго болеет.

Степа задумался.

– А люди?

Бабушка посмотрела на него внимательно.

– Люди тоже. Только они чаще делают вид, что все нормально.

Он кивнул. Это было похоже на правду. Через несколько дней они снова пошли к усадьбе. Но уже не за кладом. Они взяли с собой пакеты. И перчатки.

– Мы что, уборщики? – скептически спросил Степа.

– Ну а кто? – ответил Филипп. – Если не мы, то кто?

Они начали с двора. Собирали пластиковые бутылки, старые банки, какие-то обрывки пакетов. Работали молча. Через час стало жарко. Через два – заметно чище.

– Смотри, – сказал Филипп, выпрямившись. – Уже похоже на место, где можно дышать.

Степа огляделся. И правда – сад стал виднее. Яблоня будто стала выше.

– Ты думаешь, это что-то меняет? – спросил он.

– Немного.

Степа задумался. Иногда он хотел, чтобы кто-то «убрал» внутри него так же просто – собрать злость в пакет, вынести и забыть. Но внутри все было сложнее.

– Слушай, – сказал он вдруг, – ты правда все время радостный? Или это работа такая?

Филипп усмехнулся.

– Работа.

– Тяжелая?

– Иногда.

Они сели на ступеньки разрушенного крыльца.

– Я, когда злюсь, – сказал Степа, – чувствую себя живым. Но потом от этого только хуже.

– А я, когда улыбаюсь, – ответил Филипп, – чувствую себя удобным. Но не всегда живым.

Они переглянулись.

– Значит, оба немного неэкологичные, – подвел итог Степа. Филипп рассмеялся.

– Похоже на то.

Река все еще текла. Поле продолжало засеиваться. Проект рос. Деревня жила своей жизнью. А два парня постепенно учились замечать простые вещи: что вода мутнеет не сразу – сначала появляется тонкая пленка; что земля истощается не за день; что человек не становится колючим или пустым внезапно. И что, возможно, экология – это не что-то громкое и сложное. Это когда ты перестаешь делать вид, что все в порядке, если это не так. Лето продолжалось. Ответов пока не было. Но появились вопросы.

Спустя время они вновь увидели радужную пленку на воде. Она стала шире. Филипп стоял на берегу и смотрел на нее так, будто это было личное оскорбление. Степа пнул камень.

– Ты же не собираешься просто смотреть? – спросил он.

– Нет, – коротко ответил Филипп.

Плана у них не было. Были два подростка, река и ощущение, что если смириться – будет хуже. Сначала они пошли к технике. Там никого не было, рабочие уехали на обед. Филипп сфотографировал канаву, из которой медленно сочилась мутная жидкость. Потом они нашли старые мешки и насыпали в канаву песок, чтобы хоть немного перекрыть поток. Это выглядело не героически. Это выглядело как попытка закрыть дыру пластырем.

– Думаешь, сработает? – спросил Степа, вытирая лоб.

– Не знаю, – честно ответил Филипп. – Но хотя бы не просто стояли.

Вечером Филипп показал фотографии отцу. Разговор вышел тяжелым, но без крика.

– Ты понимаешь масштаб проекта? – устало сказал Виктор Сергеевич. – Бывают накладки.

– Понимаю, – ответил Филипп. – Но река – это не накладка.

Отец долго молчал. Потом вздохнул.

– Я разберусь.

Это было сказано, как обещание взрослого человека, который вдруг понял, что на него смотрит сын и он должен показать ему пример. Филипп не знал, изменится ли что-то глобально. Но на следующий день у реки появились рабочие. Канаву укрепили, поставили временные фильтры. Вода стала чище. Степа, увидев это, только кивнул.

– Значит, иногда взрослые тоже слышат.

– Иногда, – согласился Филипп. Лето медленно подходило к середине. Они продолжали ходить к усадьбе. Убирали понемногу. Не каждый день. Без фанатизма. Сад во дворе стал выглядеть живее. Появилась тропинка. На крыльце больше не лежали разбитые бутылки.

– Мы что, реставраторы? – однажды спросил Степа.

– Нет, – улыбнулся Филипп. – Мы просто не хотим, чтобы все развалилось окончательно.

Степа задумался.

– А если уже развалилось?

Филипп посмотрел на старую яблоню, которая все равно давала плоды.

– Тогда хотя бы не добавлять.

Иногда они говорили о матерях, об отцах, о том, что будет дальше. Иногда молчали.

Однажды вечером они сидели у реки.

– Я все думаю, – сказал Филипп, – может, экология – это не только про землю.

– Очевидно, – хмыкнул Степа.

– Нет, серьезно. Если все время притворяться, что ты счастлив, внутри же тоже что-то засоряется.

Степа кивнул.

– А если все время злиться – то вообще болото. – Значит, нужно иногда чистить.

– И не копить, – добавил Степа.

Они сидели и смотрели, как вода отражает закат.

– Знаешь, – тихо сказал Степа, – я думал, что если стану злым, будет легче. Но злость, как это пятно на воде. Сначала маленькая, потом расплзается. Филипп не перебивал.

– А ты? – спросил Степа.

Филипп задумался.

– Я думал, если буду идеальным, меня точно не разлюбят. Но чем больше стараешься быть идеальным, тем меньше понимаешь, кто ты вообще.

Степа усмехнулся.

– Значит, ты тоже немного загрязнен.

– Похоже на то.

Они переглянулись и рассмеялись. Без драматизма. Просто два человека, которые вдруг поняли, что не обязаны быть ни колючими, ни идеальными.

В конце августа Степе нужно было возвращаться в город. Филипп тоже собирался домой. В последний вечер они снова пришли кусадьбе. Сад стал чище. В доме по-прежнему были трещины. Стены не восстановились, крыша не починилась. Но место уже не выглядело полностью забытым.

– Мы его не спасли, – сказал Степа.

– И не должны были, – ответил Филипп. – Мы просто немного убрали.

Степа кивнул.

– Этого достаточно?

Филипп посмотрел на реку, на поле, на дом.

– Для начала – да.

Они не обещали друг другу вечной дружбы. Не строили планов. Просто обменялись номерами и договорились писать. Когда Степа уезжал, он заметил, что злость внутри стала тише. Не исчезла, а просто перестала быть единственным чувством. Филипп, возвращаясь в город, впервые не стал тренировать улыбку перед зеркалом. Он вдруг понял, что иногда можно быть обычным. Не лучшим. Не самым ярким. Просто собой. Река продолжала течь. Поля расти. Усадьба стоять. Экология – это навык замечать пятна, не игнорировать их и по возможности не добавлять новых. Герои не нашли клад. Но, возможно, нашли кое-что важнее, что и земля, и человек живут лучше, когда за ними ухаживают. Не из страха. И не ради идеала. А потому что иначе все медленно разрушается. А как именно жить дальше, каждый из них должен был решить сам. И это уже было их собственное путешествие.

Диана Федорович

г. Кишинев, Молдова

В КРАЮ СΙΑЮЩЕГО НЕБА

Рассказ

Никогда не забуду это глупое удивление одноклассников, когда я сказал:

– А у нас... У нас небо по ночам сияет!

У нас – это там, на севере. Где я родился.

Там действительно сияло небо, особенно в Заполярье, в краю вечной мерзлоты. Закрывая глаза, я видел это, как наяву, и уже с детских лет твердо уверовал, что нет в мире ничего прекраснее.

Помню, класс рассмеялся, дети начали дразниться, и я страшно обиделся.

– Я собственными глазами видел! – упрямо говорил я. – Меня папа брал с собой в тайгу! И в тундру! И в Заполярье!

– Как же вы туда добирались? – улыбнулся старый учитель, глядя на меня сверху вниз. – На оленьей упряжке, что ли?

– Нет, – буркнул я. – На вертолете.

О, как все хохотали! Просто сходили с ума – ха-ха, вертолет! Вертолет! Во дает! А почему не на ракете?!

Смеялся даже учитель, и это был первый и последний раз, когда я видел его таким веселым.

Право, кто же знал, что для этих людей вертолет смешнее оленей!
 – Вы просто завидуете, – огрызнулся я от бессилия. – Вы никогда не видели, как сияет небо.

– Будто ты видел!

– Видел! Конечно видел!

– Тогда докажи! Пусть твой папа сам скажет, что ты летал с ним на взправдашнем вертолете и видел сияющее небо! – наперебой заверещали дети.

И тогда я наконец замолчал. Я не мог доказать этого. И папа тоже не мог.

Он умер всего месяц назад, а я уже ощущал, как без него моя жизнь разрушается.

Это был мой первый день в новой школе, моя первая неделя в новой стране, а я возьми и ляпни... Про северное сияние.

Вот дурак.

Сколько себя помню, у меня никогда не было дома.

И поэтому я всегда завидовал родителям.

Сами они родом из Молдовы, там же они и поженились. Потом по молодости решили поехать на север, на заработки: отца позвали работать главным ветеринаром, как отказать! Сначала жили они в Магадане, потом в Сусумане. Затем переехали в село Тауйск, и там уже родился я. Белобрысый, белокожий, сероглазый – весь в отца, так как был он наполовину русским.

Наверное, пойдя я в темноволосую и кареглазую мать, то не так бы выделялся. Если она могла легко затеряться в толпе местных, а моего отца принимали любым, пока он исправно работал, то для меня оправдания не существовало.

С детства я ловил насмешливые взгляды орочей и эвенгов. Меня называли и седым, и рашен партизаниш, и стариканом, и теми словами на местном наречии, перевода которых я не знал.

– Мам, а вот скажи, – говорил я по пути из садика. – Почему дети смеются с меня?

Моя сердобольная мама отвечала в духе: «Просто ты такой особенный!» – но я бы отдал все на свете, лишь бы стать таким, как все. Чтобы наконец стать своим.

Играть в пятнашки, в прятки, болтать о всяком... Гулять по тайге с друзьями, а не в одиночестве. Меняться игрушками, ходить в гости.

Вместо этого меня закидывали снежками и грязью. Прятали мои вещи, а однажды порвали любимую игрушку, плюшевого пса. Мама его заштопала, но я с ним больше не играл. Зашвырнул под кровать и больше не доставал. Слишком обидно было его видеть.

Местные были смуглыми, с жесткими черными волосами и узким разрезом глаз. Рядом с ними я всегда казался странным пришельцем. Или диковинной зверушкой.

Даже бурый медведь был им привычнее и роднее на вид, потому как и медведей, и оленей, и волков было полным-полно в тайге, до которой рукой подать.

А я был такой... один.

К чести медведей да волков, они не делали различий между мной и орочами. Уверен, они считали нас одинаково вкусными.

Впрочем, если не считать этих мелочей, я был счастливым ребенком.

Мама работала заведующей в детском саду, поэтому мы приходили и уходили домой вместе. Я гордился ею, потому что ее уважали и любили все, и даже дети, которые меня обзывали. Может они завидовали мне? Вон какая моя мама веселая и красивая, сияющая совсем незнакомым, южным теплом Молдовы! И станцует, и споет, и шутку расскажет, и плацынды приготовит!

Папу моего уважали и того больше. Он специализировался на крупном рогатом скоте, устанавливал карантин, контролировал работу других врачей. Для дальних вызовов ему предоставляли вертолет – да, да, *взаправдашний вертолет!* – и в далеких северных селениях его ждали, словно Бога. Отец привозил местным лекарства, а иногда и припасы.

Когда появлялась возможность, он брал меня с собой на работу, и под оглушающий шум лопастей мы поднимались на вертолете в небо.

Я не помню своего первого полета в тундру и Заполярье. Но я помню, как аккуратно олени слизывали с моих ладошек соль, какие у них мягкие щетинки на носу и какие спокойные глаза.

А еще я помню папин смех. Отец всегда смелся по-доброму, не как остальные, и от его голоса хотелось не прятаться, а смеяться в ответ.

– Не отдергивай, держи, держи! Они хорошие, не укусят! – говорил он. – Хорошие они. Верят людям.

Я не знаю человека, кто мог бы любить зверей сильнее, чем мой отец. Мама часто шутила, что если бы не контракт, то папа выбрал бы для нашей семьи домик лесничего в тайге – и все, жили бы лесными дикарями среди волков!

И я всегда смеялся с этого, в душе надеясь, что однажды мы все-таки переедем в лес. Пусть и к волкам. Папа с ними точно подружится.

Один раз отца позвали помочь погибающему белому медведю, и папа согласился, поехал! Только вот меня не взял. Пообещал в следующий раз показать белых медведей, да больше как-то... не выпало шанса.

Зато вместе мы пили горькие еловые отвары из закоптелых кружек, гостили в чумах, катались на санях. И главное, отец показал мне север. Настоящий север, и тундровый, и горный, и ледниковый.

И, конечно, сияющий.

– Если и существует в нашем мире волшебство, искать его точно нужно в северном небе, – любил приговаривать отец.

А все потому, что по ночам в небе расплывались волны неземного, поистине сказочного света. Изумрудные, глубинно-синие, иногда алые, а порой и фиалковые... Я мог часами стоять, запрокинув голову, и даже волчий холод не мог меня загнать в тепло.

Северное сияние совсем не грело. Напротив, оно каждый раз вызывало у меня стаю мурашек, но от этого было так приятно, даже радостно.

В такие моменты я забывал и об обидных прозвищах, и о разорванной игрушке. В такие моменты я был выше этих глупостей – едь я мог прикоснуться к неприкосновенному. Север мне разрешал.

И хоть жил я на севере и севером был воспитан, родина моих предков не давала о себе забыть. Она проявлялась и в моем горячем характере, и в молдавском языке родительских бесед, и в запахе долгожданных перевязанных посылок.

Тети и дяди из Молдовы часто отправляли нам посылки, и были то не просто деревянные ящики, нет! То были ларцы чудес, вместилища иноземных подарков... Сокровищница сладких запахов.

Особенно ярко я помню аромат яблок, крупных и красивых. О, как хрустела мякоть! И каким сладким был сок! Здесь такого чуда отродясь не видывали.

Каждое яблоко было как маленькое сокровище, и если я брал одно с собой на перекус, то сразу становился любимцем всего двора. Все тут же забывали, что я белобрысый чужак, что я глупый и странный. За один укус яблока мне обещали и красивую марку, и уморительную шутку, и пластиковый грузовик на целый день. В такие моменты я чувствовал – я есть царь, я есть закон!

Стоило ли говорить, что когда кончались яблоки, кончалось и мое царствование?..

В любом случае, вкус этих яблок был вкусом Молдовы. Вкусом моего дома, где я еще никогда не был. Папа в ответ смеялся, что у Молдовы вкус вина и винограда, но в этом я убедился лишь спустя годы, когда мы наконец покинули Тауйск, пересекли Россию и вернулись в молдавские края.

Но уже без папы.

В один день папа не вернулся домой. Мы ждали его весь вечер, а потом нам позвонили. Это был папин рабочий телефон, на него звонили очень редко, лишь по срочному делу. Но вот мама сняла трубку, хотя она не ветеринар и зачем ей это...

Я не забуду момента, когда мамино лицо исказилось. Тогда я еще ничего не знал, но уже понял: что-то случилось.

Тут же мама отвела меня к старой полуглухой соседке. Ничего мне не сказала, лишь поцеловала в лоб и взъерошила волосы. И потом она куда-то убежала, накинув на плечи тулуп и забыв про шапку. Наверное, встречать папу, подумал я. Они часто гуляли по вечерам, даже когда холодно, потому что мама любила гулять, а папа любил маму.

А в тот вечер было очень, очень холодно. Так я запомнил.

Я тогда уже ходил в школу и считал себя взрослым. Я хотел пойти за мамой, но соседка заперла двери, усадила на скамейку и запретила «баловничаться». И я просидел на этой скамейке до самого утра.

Всю ночь я слушал, как тикали советские часы, а в печке за заслонкой трещал огонь. Он горел ярко и бойко, и соседка то и дело подсовывала дрова. Огонь распался, набирал силу, согревал стены.

Но все равно было очень, очень холодно. Страшно холодно.

Так я запомнил.

Я не знал, что утром мама вернется без папы. Не знал, как часто начнут звучать слова «несчастный случай», «такой молодой» и «нам очень жаль». Они накроют нашу жизнь, как волна цунами, и больше мы не от них не оправимся.

И хоть я тогда уже ходил в школу и считал себя взрослым, я не знал, что больше не будет полетов на вертолете. Не будет кормежки оленей, горьких отваров из хвои, новых историй. Не будет привычных шуток, катания на санях к горизонту. Не будет папиного смеха.

И самого папы тоже больше не будет.

Через месяц мы собрали чемоданы, сели на поезд в Москву, а с Москвы – в Кишинев. Остаться на севере мы больше не могли, да и мама этого не хотела. Теперь наша дорога вела лишь домой, в Молдову.

То была весна, и сугробы Тауйска быстро сменились лужами кишиневских улиц.

Солнце здесь было иным, хитровато-теплым, обманчивым. Я всегда представлял Молдову жаркой и веселой, но на деле молдавская весна нас встретила сквозными ветрами и сыростью. И ощущением, что мне здесь не рады.

Мне это чувство казалось почти родным.

В первую же неделю мама отправила меня в школу. И в первый же учебный день я обрел новые прозвища. Отныне меня называли и

вертолетчиком, и космонавтом, и сказочником, и северным дикарем, и теми словами на молдавском, перевода которых я не знал.

И все, чего я ожидал от новой жизни, рассыпалось у меня на глазах.

– Почему ты бросил меня, папа? – бурчал я, в одиночестве возвращаясь домой. – Как мне доказать, что небо умеет сиять? Мне же никто не верит.

Но ответа не было. И я перестал убеждать, больше не рассказывал о полетах на север, все реже пересматривал фотоальбомы.

Я бы хотел рассказать отцу, как попробовал Молдову на вкус – и вино попробовал, и виноград, и заму, и вертуты, и мамалыгу. И как в итоге решил, что вкуснее яблок все равно ничего нет. Теперь яблок у меня было как звезд на небе, и никто из местных не мог понять, отчего этот северный ребенок так жадно обгладывает кочерыжки?.. Дикий совсем, что ли?..

Лишь мама мне улыбалась, но эта ее улыбка сбивала меня с толку. Она была иной, уставшей и призрачной, словно блеклая тень от прежней радости. Я долго привыкал к ее новой улыбке, к новым глазам и морщинам. Вряд ли это было из-за тоски по Тауйску. Скорее уж виноват был отец, который там остался.

А вот я, вспоминая Тауйск, скучал. Мне не хватало снега, запаха рыбы, не хватало холода и тайги. Мне очень не хватало севера.

Время в Молдове летело быстро, сырая и серая зима сменялась переменчивой весной, разгаром болячек. Потом приходило душное, жаркое лето, выжигающее из тебя все живое, и наконец наступала осень, промозглая и ветреная.

Казалось, лишь я один чувствовал, как все здесь... неправильно. Кроме меня, никто на жизнь не жаловался, и бесснежные зимы были в порядке вещей. На меня лишь насмешливо косились, говорили: хай, ну ты же северный, куда тебе нашу Молдову понять!

И через месяцы, и через годы говорили это, говорили, говорили: даже если ты местный, даже если кровь в тебе молдавская, даже если ты и по маме, и по отцу свой. Свой, честное слово!

Но не объяснишь никому этого. Не докажешь.

Года стерли почти все воспоминания из детства. Я не помню вкус морошки, я забыл запах оленьей упряжки. Я теперь не выловлю из прошлого крики чаек, реющих над Охотским морем. И Охотское море я тоже не вспомню.

Но я никогда не забуду это глупое удивление одноклассников, когда я сказал:

– А у нас... У нас небо по ночам сияет!

У нас – это там, на севере. Где я родился.

Там действительно сияло небо. Честное слово. Я не вру.

Небо сияет так только у нас. Потому что там, у нас, было холодно, страшно холодно, до боли в легких...Потому что там, у нас, не было сладких яблок и зеленых лугов. Не было виноградников, мэрцишора и аистов, не было ароматной мамалыги.

Зато у нас была красная рыба, икра, кисловатая брусника. У нас был снег – бесконечно много снега! – и горькие хвойные отвары. И зато у нас была тайга, а в тайге – медведи. У нас были поделки из моржовых бивней, алые рассветы и яркие, ослепительно яркие звезды.

А еще... Там у меня был отец. И счастливая мама.

Там у меня было что-то позабытое, ускользающее сквозь утренний сон...

Что-то, что люди называют домом.

Екатерина Харитоновна

г. Москва

ВАСИЛЬКОВЫЙ ЗОНТИК

Рассказ

– Что бы ты изменил в прошлом, если бы мог?

Мы сидим вокруг костра, играем в «Правду или действие». Над морем рассыпаются хрустящие молнии, но дождя нет. Только обманчиво теплый ветер разбрасывает искры от тлеющих головешек, норовя поджечь чью-нибудь косу или полотенце. Галька нагревается под кое-как набросанным хворостом и чернеет от копоти. Ужасно довольные ощущением лета и молодости, мы тоже нагреваемся и чернеем – от загара.

– Да не знаю. В столовую бы пораньше пришел, чтоб котлета досталась не рыбная, а говяжья.

Веснушчатый парень вздыхает и мечтательно смотрит на прибрежные камни. Они влажно блестят и перекатываются то вперед, то назад вместе с волнами, совсем как котлеты на жирной сковородке. Кругленькие, рябые: наверное, фарш приправлен пассерованным луком и крупными панировочными сухарями.

От размышлений о говядине парня отвлекает плотно скрученный из пары влажных полотенец жгут, со свистом опустившийся ему пониже пояса.

– А ну, говори серьезно!

Рассерженная ответом девочка в бежевом купальнике угрожающе вертит в руках самодельную плетку. Минут семь назад она смертельно смущалась, выполняя «действие», связанное с конфетами и поцелуями (умолчим о том, какое именно), так что теперь не готова мириться с несерьезными высказываниями про котлеты.

– Да ладно, ладно, чего ты... Наверное, вернулся бы на последний звонок, чтобы кое-что подправить.

Плетка из полотенец расплетается: девочка в бежевом заинтригована. Она садится на бревно, неприятно задев меня локтем, и подворачивает ноги по-турецки, готовясь слушать. Гром покашливает где-то за горизонтом, прочищая горло перед оглушительным раскатом, но сдерживается: еще рано. Ему тоже интересно, чем был занят веснушчатый парень на последнем звонке.

Лева был беден. Он рос с мамой и старшим братом, которые работали в центре госуслуг, а потому никогда не улыбались. Лева хотелось пойти в «Шоколадницу» после пятого урока, купить квадрокоптер и поступить в МГУ, а матери – чтобы он зарабатывал. Только не надо его жалеть. Дело совершенно не в этом.

По пути на последний звонок Лева встретил соседа по парте, веселого, пахнущего лимонадом, и они пошли вместе, заглядывая в дрожащие зеркала луж и любуясь праздничными прическами. Носок левиного ботинка вдруг наткнулся на черную подушечку, лежавшую возле тротуара. Она выкатилась на асфальт и замерла. Лева тоже замер. Это был пухлый кошелек из шершавой кожи, с серебристой кнопкой в районе пупка, если к кошелькам применимо такое понятие. Ребята замялись, вжались в асфальт взглядом и подошвами. Пульс подскочил, Лева порозовел и занервничал. Он собирался сдавать ЕГЭ по обществознанию, а потому отлично помнил, сколько суток административного ареста дают за кражу. Из кошелька маняще торчал пятитысячный уголок...

Сосед по парте по-лисьи огляделся, рассудил, что камер поблизости быть не может, и засунул подушечку с серебристым пупком в рюкзак. А Лева увяз в мыслях о кодексе и морали, не решаясь пошевелиться. Лева испугался. Он не успел.

Соседа по парте не засудили. Никаких арестов, штрафов и каторг: он просто купил телефон, потратил бонусную карточку в «Эльдорадо» и выбросил чье-то семейное фото в мусорный бак. Лева помогал выбирать: «самсунг» лучше «сяоми», у него корпус изящнее. Он думал о том, что мог бы оплатить матери квартиру на три месяца вперед и уехать поступать в Москву с легким сердцем,

с прощальным «Левушка» и, если повезет, бережно упакованным домашним вареньем, но стоял в «Эльдорадо» и спорил о пикселях, дюймах и гигабайтах.

Костер шипит: особенно высокая волна задевает его брызгами. Ребята взвизгивают и заворачиваются в полотенца, чтобы не промокнуть. Рассказчик смолкает, пряча лицо от света: ему трудно признаваться в бедности, и еще труднее – в желании украсть, бережно вскормленном каждой пачкой хлопьев по акции, каждым заштопанным носком. Начинает оправдываться:

– Конечно, те семьдесят пять тысяч вряд ли повлияли бы, но мама... – и закашливается.

Девушка в бежевом купальнике улыбается, про себя радуясь первой искренности, которую удалось извлечь из главного шутника, и подбадривающе кивает. Ей нравится, что Лева не успел. Или не захотел успевать – как знать? Кажется, она готова немедленно приготовить ему говяжьи котлеты – хоть целую сковородку. Я сижу между ними и почему-то чувствую за это вину: хочется исчезнуть, похамелеоньи слиться с бревном-лавочкой. Рыжая искорка взвивается над костром, делает пируэт и опускается между юношей и девушкой. То есть – прямо мне на голову. Не выдержав такого накала, я подскакиваю и перебираюсь на бревно попросторнее.

Небо из темно-синего постепенно превращается в черное, гремит все недовольнее. Оранжевый огонь на фоне моря, съедающего горизонт волнами, кажется нереалистично ярким, будто вселенная уменьшилась, сомкнулась вокруг последнего источника света в заснувшем мире – костра и кучки студентов, подкармливающих его ветками и рассказами.

– Раз вышло так интересно, может, все на этот вопрос ответим? Я тоже хочу теперь, – предлагает бежевая.

Кажется, эта мысль приходит в голову не ей одной: грозовая туча подмигивает фиолетовой молнией, сухо трещит и раздражается аплодисментами – раскатом грома. Очередь переходит к косоглазому мальчику в очках с ужасно толстыми линзами, которые почти давят на лицо и делают его старше. У мальчика иссиня-черные волосы: они сливаются с небом. Из-за этого прическа кажется неземной, по-космически переливается кристалликами высушенной соли и огненными бликами. Он теряется и, по-видимому, жалеет, что не подготовил ответа заранее. Вертит в руках щепку, выстрелившую из костра, и застенчиво отводит взгляд от ребят, ждущих монолога. Поэтому выходит так, что один его глаз смотрит на пламя, а второй – на волны, подкрадывающиеся опасно близко к нашим бревнам.

Гриша вернулся бы в прошлое, чтобы выбросить светло-зеленую тетрадь в клеточку. На уроках математики он писал в ней роман про любовь и убийства. В главной героине – блондинке, прекрасной, как «кувшин холодной, вкусной воды в мечтах умирающего в пустыне изгнанника», – без труда можно было узнать Настю с последней парты. На кувшин она была похожа лишь смутно, да и литературу не слишком любила, но Гриша этого не понимал.

Однажды во вторник учительница вошла в класс со стопкой журналов «Костер», где на сорок второй странице было напечатано целых две главы о кувшиноподобной блондинке и ночных перестрелках в ее честь. Настоящими типографскими чернилами с запахом леса, на гладкой и холодной глянцевой бумаге! Настя зевнула и засмеялась, а у Гриши пошла кровь из носа от переживаний. Он воткнул в ноздрю бумажную салфетку и почти заплакал, потому что та, за чью честь он стрелялся под дождем в Мемфисе, оказалась... В общем, оказалась совершенно не кувшином вкусной воды. И даже не кружкой. Класс пролистывал «Костры» без особого любопытства, но на автора и зеленую тетрадку косились с уважением. Его даже перестали дразнить за косоглазие: гениям многое прощают.

Тетрадка вырвалась из-под Гришиного контроля, перебралась из шкафа в большой мир и принялась там разгуливать, рассказывая о Насе кому попало. Это казалось неправильным, почти неприличным, и Гриша смущался от похвал чужих, ненужных людей. О романе из «Костра» до сих пор иногда вспоминали в союзе писателей: над ним по-доброму посмеивались и говорили, что стиль с тех пор возмужал и стал изысканнее. А Гриша думал: не их это дело, и вспоминал, как девушка, подобная прохладному кувшину, зевнула и засмеялась.

К концу рассказа щепка в руках мальчика переламывается пополам. Он рассеянно смотрит на деревяшки и бросает их обратно в костёр. Глаза под линзами чуть намокают, в них прыгают отраженные молнии. Видя его волнение, я теряюсь, тоже начинаю тяжелее дышать.

Тьма становится непроницаемо чернильной, лица кругом – незнакомыми. Хоровод рассказов подползает ближе, скоро придется заговорить. Интуитивно перебираю в памяти душераздирающие истории, будто нахожусь не в летнем лагере, а на экзамене.

К пляжу подплывает туча, беременная дождем и почти касающаяся животом волн. Из ее кудрявых клубов вместе с моросью вытекает воспоминание – к моей радости, достаточно душераздирающее.

Точно такая же дородная, беременная туча висела над Переделкино, когда мне было тринадцать. Музейного и литературного Переделкина, кишашего московскими туристами, тогда не

существовало: только ресторан «Дети Солнца», стройка, пустыри и много, много извилистых асфальтовых дорожек, напоминавших полосы препятствий – с ямами, трещинами, скользким мхом, минами-шишками и окопами-кочками. Я вырвалась в парк со скейтбордом под мышкой, намереваясь скатиться с самой крутой горки, какую смогу найти. Облака щелкали электрическими разрядами, как дрессировщик – плеткой, загоняя дикого зверя в вольер. Но мне в вольер не хотелось: лучше уж разбить об асфальт колени.

Родителей дома не было, а потому призвать дикого зверя к порядку никто не мог. Бабушка – не в счет, она мало что понимала. Часто забывала, какой сегодня день и в каком я классе. Дома ее почти не слушали, потому что говорила бабушка тихо, грустно и невпопад. Мама старалась пореже находиться с ней в одной комнате и жаловалась, что от ее присутствия, даже молчаливого, становилось тоскливо.

Вот и теперь бабушка вышла на крыльцо и принялась нагонять тоску, уговаривать. На голове у нее вместо волос было нечто похожее на замызганную серую вату, которая разлеталась и сплывалась от ветра. Бабушке, видимо, мерещилось, что я в ужасной опасности, но объяснить связно, что случилось, она не могла. Получалась нервная чепуха, рассыпающаяся на отдельные шепелявые звуки. Мне тогда показалось, что рот у неё был набит сухим хлебом, и когда она пыталась говорить, вместо слов с губ слетали крошки. Нудно! Я отмахнулась, пошла к калитке.

В измятой венами старой руке – зонтик василькового цвета. Она умоляюще протягивала синий комок из нейлона и проволочных костей, хотя знала, что я не люблю зонты. Эти нелепые угловатые приспособления не могут защитить от гнева природы и, к тому же, слишком часто теряются или ломаются. Кататься на скейте с зонтиком в руках – глупо. Я ведь не Мэри Поппинс, не смогу взмыть в небо. В лучшем случае потеряю равновесие, в худшем – ...

Калитка захлопнулась – я сбежала к полосам препятствий, растворилась в предгрозовом воздухе.

Кроны деревьев в парке мучительно метались из стороны в сторону. В конце концов их острые вершины наткнулись на живот беременной тучи, которая (то ли по неосторожности, то ли от усталости) опустилась слишком близко к земле. Наткнулись – и распорили: живот пролился, сделав асфальт скользким, неустойчивым и текучим. Колеса скейтборда скользнули к обочине и увязли в осоке, раскrojившей лодыжки. Колени оставили на асфальте пару кровавых пятен, быстро растворившихся в дождевой воде. Обидно, мокро, даже унижительно – пришлось возвращаться домой пешком.

Родители так и не поняли, из-за чего умерла бабушка. Она пыталась объяснить, но не получилось – слова стерлись из памяти. Отчего душным летним вечером ей было беспокойно засыпать под убаюкивающий ливень. Отчего страшно и по-особенному тоскливо, отчего сердце не выдержало. Может быть, из-за пустоты оставленного всеми дома. Может быть, из-за внезапного раската грома. Но только бабушкина предчувствующая, нежная тревога и васильковый зонтик – отколовшийся кусок неба – не позволили вернуться в теплые комнаты. Она ходила, молча ходила по саду, искала меня и отгоняла грозу, пока были силы. А когда их не стало – прислонилась к ограде из сетки рабицы и стала наблюдать бледными зрачками за ливнем, за вернувшимися из магазина родителями, за суетой врачей и капельницами, за прошлым, настоящим и отсутствием будущего.

Смотрю на серую тучу, беременную дождем: наступает моя очередь говорить. Но не хочется. Настоящее кажется хрупким и драгоценным, а прошлое – по-болезненному правильным. Без его призрачной грусти не существовало бы честных и слегка наивных Левиных глаз, а Гришина творческая искорка могла никогда не разгореться. Небо в последний раз фотографирует землю, ослепляя рассказчиков вспышкой-молнией, и опрокидывается. Из него яркосиними полосами несутся к морю капли дождя. Горячего, южного, беспощадного. В сером облаке мелькают мягкие ватные волосы; они разлетаются и спутываются от ветра, срываются с небом и дождем. Из летящих к костру капель на меня смотрят бледные, добрые глаза.

Ребята поспешно тушат костер, обжигаясь о нагретую гальку; подхватывают полотенца и, прикрывая друг друга чем придется, бегут к лагерю, чтобы продолжить игру под крышей. Косоглазый писатель со сверкающими волосами неуклюже ковыляет, согнувшись под весом гитары, термоса и огромного матраса. А веснушчатый парень, приобняв девушку в бежевом, бежит далеко впереди, укрывая ее от воды синтетической ветровкой.

Налюбовавшись штормом, я тоже собираюсь уходить. В последний раз улыбаюсь бабушке и открываю васильковый зонтик, уже много лет укрывающий меня от дождя.

Валерия Черногубова

г. Подольск, Московская область

ЗАСТОЛЬНАЯ

Рассказ

Резвый ветер вероломно заставил щербатую форточку настежь открыться. Кружевной тюль взмыл к потолку. Его прежнее размеренное движение, напоминавшее живое дыхание, с тонким и чуть визгливым свистом, оборвалось. Будто чьи-то тяжелые вздохи, иногда сопровождаемые немymi слезами, резко превратились в горькие всхлипы, которые бывают после долгого плача. Федька еще нежился в постели. После череды душных ночей, это прохладное утро и мелкий дождь показались ему прекрасными, даже усыпляющими. В такие моменты хочется лишь укрыться и бездумно предаться дремоте. Но внезапная драка двух воробышек на вербе за окном и соблазнительный запах под звуки шкворчания напомнили Федору о необходимости пробуждения. «Опять дядь Ваня яичницу варганит. Надо бы вылезать из кровати, а то еще примет меня за засоню... Да и Колька с Лебедой возмущаться будут, если не потороплюсь» Нехотя отрываясь от подушки и покрываясь противными мурашкам, мальчишка поплелся натягивать джинсы. И если они преданно ожидали его на спинке стула, а чистая футболка пряталась в шкафу, то левый носок, как настоящий

партизан, скрылся где-то под столом. Сколько бы Федька ни протирал пол коленями, нашел он разве что таракана, которого беспощадно стал бить дядиной тапкой. Но постоянно промахивался. Зато шороху навел! Тем временем как хитрый таракашка скрылся под одной из коробок. А Федька со всей силы ударил об нее руку. «Ах ты» – поморщился парень, но тут же стукнулся головой об стол. «Фу ты» – промычал он продолжение фразы.

– Федор, ты чего бузишь с утра пораньше? – прогремел дядин голос. Мальчишка даже и не сообразил, как бы ему ответить. Пока вылезал из-под стола, первое, что бросилось в неумытые глаза – смешок дяди Вани, скакавший то по небрежной щетине, то по ямочкам.

– Ничего, – потирая ушибы, мямлил Федя, – на кой тебе эти коробки собирать? – раздражился он, и уже занес ногу для пинка, но был перехвачен.

– Тихо-тихо! Я тебе пну! Экий ворчун! – возмутился Иван.

– А что, нельзя? Я-то думал у тебя там телевизор старый, что ему будет? Все равно пора бы его на свалку снести.

– Пора, не пора – это уж мое дело. И вообще, кто тебе, щеглу, сказал, что телевизор там?

– А что?

– Память, – отрезал дядя.

Федя пристыжено потупил взгляд. Из-за чего он только на эту коробку взъелся? Ну, стукнулся, и что? «Вообще, это все носок виноват!» – сердито рассуждал он сам с собой, пока дядя Ваня накладывал завтрак. Облокотившись на дверной косяк, Федя упрямо не принимал приглашение садиться за стол.

– Дядь Вань, какая память-то, а? Я же не отстану теперь!

– Дедовская, – ответил он таким тоном, которым обычно отвечают «по кочану», на известный вопрос. Вряд ли бы Иван расщедрился на какой-нибудь рассказ, если бы племянник в тот миг не рассмешил его своим видом. Этот лохматый и неопрятный спросонок подросток, выдавал, впрочем, такое серьезное и заинтересованное выражение лица, с которым его вообще редко кто видел.

– Эх, ты, Горин-Луков, – по привычке подразнил дядя парня. (Ну кто ж виноват, что его отцовская и материнская фамилии так удачно сошлись?). Пошли, – поманил он за собой Федьку.

Бережно подхватив пыльную коробку и водрузив ее на письменный стол, Иван оторвал от нее скотч, тем самым освобождая содержимое.

– А, гармошка, – догадался Федя, нетерпеливо засовывая нос внутрь.

– Не просто гармошка, – с блеском в глазах отвечал дядя, – это, брат, фронтовая подруга деда моего, твоего прадеда, Ивана Алексеевича Лукова. С сорок третьего года он с ней неразлучен был. Он, дед-то, еще с юности гармонистом слыл. Да первую гармонь свою при бомбежке, как война началась, потерял. А там, Федор, в передышках между боями-то, знаешь, как порой песни русской не хватает? Вот и покумекали товарищи его да подарили всем взводом эту гармонь. Шибко наслышаны были про пальцы Ивана Лукова. Так дед до самой смерти в обнимку с ней прожил. Вон оно как! А ты тут ноги распустил!

– Реликвия, – закивал Федька, но на упрек ответил нападением, – я-то что? Я же не знал! Это ты вон ее в пыли содержишь! Спрятал, видишь ли, такую вещь в коробку! Эдак ей в музее лучше придется, а не у тебя на хранении. А еще возмущаешься!

Дядя Ваня заметно опешил от такой неожиданной претензии. Еле сдержался он не отвесить племяннику подзатыльник или наоборот, не рассмеяться во весь голос, но вместо этого насмешливо сказал:

– Ишь ты, какой начальник! Ну, вот тебе и задание! С этого дня протираешь ее тряпочкой. Узнаю, запылиться – не жить тебе!

– Тряпочкой, – передразнил его Федька. Все-таки этот мальчишка был из тех, кто за словом в карман не полезет! – Гармонь нужна, чтоб на ней играть, а не тряпочкой протирать! Уж научиться бы тебе! Аль некогда?

– Ох, и провокатор ты, Федька! Прямо-таки стервец! Проще говоря – смелый дюже! Чтоб я, да на гармошке играть не умел?! Обижаешь! Ох, и обижаешь, Федька! Я все детство сознательное у деда на воспитании состоял. Уж он-то со мной не как я с тобой! Ему что в голову взбредет, то и сбудется. Чуть что, и на голове стоять научишься. Говорил мне: «Играй, Ванька! Завидным женихом в поселке будешь!» Вот и думай: все мальчишки на речку идут, один я дома сижу, соображаю, как бы исхитриться, чтоб от гармошки сбежать.

– А, ну понятно: испорченное детство, плохие воспоминания; так-то да, и я бы за нее не взялся, – с язвительной улыбкой начал было Федя, но тут же наткнулся на серьезный, даже потускневший дядин взгляд.

– Ничего-то ты не понял! Неправда! Не потому!

Так мальчишка и осекся. Голос Ивана звучал твердо, а меж тем негромко. Никакой резкости или, наоборот, излишней веселости в нем не было. Без иронии, без грубости – таким тоном говорят только по-настоящему значимые вещи. «А почему же?» – надо бы спросить Федьке, но он не стал. Зачем, когда и так видно, с каким трепетом дядя водит пальцем по стертой надписи «Тула»; как участливо, можно даже

сказать, по-приятельски похлопывает ее по корпусу. Не дурачок же Федор, в самом деле!

– Ну, а сейчас? – неуверенно подал он голос. – А сейчас, дядь Вань, сможешь сбачать что-нибудь?

– Ну что тебе сбачать? – будто посветлел дядя. – Могу, только разок. Давай, что ль, дедову любимую... И, вскинув ветхие лямки на плечи, он развернул меха. Гармонь запыхтела, как разбуженная старушонка. Немного повизгивая и ворча, она, однако, быстро сдалась этим сильным и жилистым, но в то же время ласковым рукам. Зазвучал знакомый, хотя и достаточно редкий мотив – в наше время так точно! Но Федор будто бы его уже слышал. А может быть нет и все это просто проделки подсознания. Проигрыш перешел в куплет. И дядя Ваня запел:

– Если бывало, бывало, встречаются несколько старых друзей...

Известная песня. Застольная. Все-таки слышал ее Федька, но не то вызвало в нем интерес. Мальчишка вдруг для себя открыл, что дядя умеет петь! Казалось бы, вот шутка – такой позитивный человек, а при племяннике и не пел ни разу. Вернее, пел, конечно, но это можно было бы принять за дурачество. А сейчас, в исполнении этого молодого и непоколебимого баритона песня льется, как ручей по долине. Федор заслушался. А ведь еще недели две назад он бы авторитетно похвастался, что независим от музыки – не любит потому что. «Черный бумер», «Хали-гали» – вроде здорово, хиты, так сказать, а уж если не на пятый, так на десятый раз прослушивания приедаются. А с этой песней будто по-другому. Словно в ДНК у него написано: «Люби промысел народа своего» Уж по линии Луковых точно! Вот у мамки его любимая песня – «Тонкая рябина». Она ее мурлычет при каждом удобном случае. Всплыла в Федькиной памяти одна такая история. Был он тогда еще совсем малыш, года четыре от роду. Отец его родной в то время семью уже бросил, а мамке меж тем надо было Федьку на ноги подымать. Несладко бы пришлось ей в одиночку в чужом городе, если не добрые люди. Одной из таких оказалась тетя Валя, дальняя родственница, приютившая их у себя на первое время. Честно говоря, ее розовое, большое, но невероятно доброе лицо, с глазами редкого синего цвета вскоре размылись в воспоминаниях Феди до простого собирательного образа милых бабушек. Но кое-чем она в свое время показала ему особенной. Как-то по осени Женечка, дочка тети Вали, праздновала свой день рождения. Конечно, никакой Женечкой для Федьки она не была – все-таки мамина ровесница. Но «тетей Женей» там и не пахло. Всегда модная, даже в ущерб семейному бюджету, современная, прогрессивная, она очень выделялась на фоне других. Даже свою родную мать она пыталась приучить к тому, чтобы она представлялась

как просто Валя, ну или, на крайний случай, Валентина, но не как не «тетя Валя!» «Колхоз!» – говорила она. Но эту войну ей было не выиграть! Так вот на шумном празднике этой Женечки было все! И танцы, и зажигательные песни, и богатый стол – все в лучших традициях! Даже Федьке было разрешено крутиться возле взрослых и до самой ночи не ложиться спать! Но, как известно, все когда-то заканчивается. Свет от фонарных столбов все навязчивее проникал в комнату, контрастируя с черным пейзажем за окном. Гости начинали расходиться. Остались только самые близкие, кто собирался переночевать в квартире у тети Вали. Время склоняло ко сну. Но вдруг мама Феде, ни с того ни с сего, решила запеть, аргументируя это тем, что ни один семейный праздник не должен проходить без настоящих русских песен! Пела она очень красиво, нежно, по-женски трепетно, но почему-то Женечка оборвала ее уже на припеве, язвительно обозвав мамин порыв души «деревенским». Мама тогда очень плакала. В подушку. Чтоб никто не посмел больше вторгнуться в ее чувства. И никто не узнал. Кроме Федьки, который словно котенок прижимался к маминым волосам, не понимая, почему она плачет. Но была еще тетя Валя. Она тоже плакала. Но не так, «за компанию», а так же, как и мама, от обиды. Молодая и пожилая, старый век и новый век. В тот миг они оказались друг другу ближе, чем кто-либо мог подумать. И Федька запомнил это. Не понимая, по младости лет, запомнил. И сейчас, с искренней и чистой улыбкой, с восхищением смотря на дядю, в груди этого непоседливого мальчишки всколыхнуло что-то такое, что, возможно, как и у его мамы тогда, заставило душу петь.

– Выпьем за Родину! Выпьем за Сталина! Выпьем и снова нальем! – торжествующе завершил Иван песню. – Ну что, не надоел я тебе? Понравилось?

– Ага, – как замороженный ответил Федя.

– Ну, то-то! – заулыбался дядя Ваня. – Смотри мне, я еще тебя к гармонии приобшущу! Никакой плеер будет не нужен! А не купить ли мне новой гармошки, а? Чтоб и для меня, и для тебя была! Что скажешь, Федор?

– Да что сказать, – замялся парень, – у тебя, дядь Вань, яичница сгорела!

– А ты молчишь, паразит! – вдохнув резкий запах, сорвался Иван с места. Поохал для порядка, но не сильно расстроился. А заразительный смех племянника развеселил, невольно заставляя забыть об этом житейском пустячке. Главное, что утро не прошло зазря! А все она. Застольная.

**ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория
старше 35 лет

1 МЕСТО

Валерий Хатюшин

г. Москва

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

* * *

Запах жасмина в маленьком сквере,
нежных соцветий белый туман...
Сон или явь – в этом я не уверен.
То ли не трезв я, то ли не пьян...

Запах жасмина, запах жасмина!..
Летние ночи так коротки,
так мимолетны... В чем же причина
этой внезапной сладкой тоски?

...Светлые ночи, первые встречи,
юные губы, алый рассвет...
Солнце июня, ласковый вечер...
Ранний на сердце горечи след...

Словно ненастье, стихла кручина.
Благодатью лета взгляд напоен.
В маленьком сквере запах жасмина –
жизни минувшей явленный сон...

* * *

В небесах гремит гроза,
дождь всю ночь в окно стучится...
Ни о ком забыть нельзя,
и ни с кем нельзя проститься.

Если ты любимым был,
той любви еще пригубишь...
Всех, кого ты разлюбил,
вспомнишь ты и вновь полюбишь.

Не остыли те глаза,
в них еще огонь лучится...
А в ночи гремит гроза,
и в окошко дождь стучится...

...Поутру поток машин
заглушает тишь рассвета.
...Осыпается жасмин,
и тревожно тает лето...

НАВАЖДЕНЬЕ

Незнакомка вчера позвонила:
мол, стихи мои где-то прочла...
И о встрече она попросила.
Я ответил: «Заели дела...»

А сегодня с утра усмехнулся
и сказал с легким вздохом себе:
«Ну а вдруг ты с Судьбой разминулся
и опять не поверил Судьбе...»

Видишь, быстро истаяло лето,
слышишь, птицы уже не поют...
Может, кто-то мне скажет на это:
наважденье сердечных причуд...

Я взгрустну от вчерашней промашки.
К близкой старости я не готов.
...На поляне белеют ромашки
в окруженье опавших цветов...

* * *

Ты горишь огнем беспечным,
жарким, ветреным огнем...
Настроением сердечным
мы никак не совпадем.

Надо мной кружатся галки,
над тобой – зарянки трель.
У тебя в глазах – фиалки,
а в моих глазах – метель.

Грусть на сердце, но хоть тресни,
ты кружишь в сиянье дня...
У тебя не жизнь, а песня.
Путь безмерный – у меня.

Словно в сером небе просинь,
ты – светла, весь мир любя.
У меня на сердце осень.
Бабье лето – у тебя.

* * *

Шум городской над седой головой...
Годы промчались неистово-быстрые.
Помню, как скрипка нам пела с тобой:
«Белой акации гроздь душистые...»

Как же мне верилось в искренность глаз,
в чувства твои нерастраченно-чистые!
Счастье короткое нежило нас...
«Белой акации гроздь душистые...»

Нас развели то ль судьба, то ль беда...
Годы нам выпали горестно-мглистые...
Только остались в душе навсегда
«Белой акации гроздь душистые...»

Вот и опять, как тогда, в ноябре
слышатся мне эти звуки лучистые.
Словно поет соловей на заре:
«Белой акации гроздь душистые...»

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Солнце красное зашло.
Гаснет день за сеткой тюля.
Дарят зыбкое тепло
вечера в конце июля.

Жизнь еще не истекла...
Золотое лето длится...
Отложить бы все дела
и на склоне лет влюбиться...

Дышит темная вода.
Зазывает теплый вечер...
И скамейка у пруда
ожидает чьей-то встречи...

НА ВЕТРУ

Обесцветил ноябрь золотую палитру,
затерялась в глазах светотеней игра...
Нам пора совершить над любовью молитву.
Нам пора...

Мы склоняем к любви потемневшие лица,
мы земле предаем со слезами ее...
Вот и все, нам осталось навеки проститься.
Вот и все...

И еще нам осталось во мгле затеряться.
На усопшей любви разрастется былье...
Без нее белый свет будет петь и смеяться.
Без нее...

Унесем в неизвестность угасшие лица,
возвращая глазам светотеней игру...
На ветру закружим, как осенние листья.
На ветру...

Многие годы прошли.
Жизнь отшумела, как вьюга...

В долгих дорогах земли
мы потеряли друг друга.

Доли минувшей звезда
светит, как смерти отсрочка...
В прошлом пути навсегда
нами поставлена точка.

Катятся дни под уклон.
Сердцу трудней оживляться...
Что же, зачем ты в мой сон
стала так часто являться?

Молча приходишь ко мне,
смотришь в глаза без испуга...
Господи Боже, во сне
мы еще любим друг друга...

* * *

Отцветая снежно,
в майский теплый день –
слышишь? – дышит нежно
белая сирень.

Помнишь, в буйстве цвета –
наш весенний сад?..
Словно было это
целый век назад...

А ведь было! Было...
Все в душе цвело...
Только вот забыл я,
сколько лет прошло...

Ты глядишь устало
из-под темных век...
В этом сквере старом
снится прошлый век...

Чуть заметно тает
чудный майский день...

Слышишь? – опадает
белая сирень...

* * *

Не могу я слушать песни о любви.
Сердце в спазмах горла плачет, замирая.
...Как в осколках лета губы ни криви,
отмирает август, листьями играя.

О разлуке песни – слушать не могу.
Все, что их доносит, – сразу выключаю.
Для других печалей слезы берегу.
Для души иные чувства привечаю.

Нет ни сил, ни нервов слушать песни те...
Пусть совсем оглохну, лишь бы их не слышать...
...Мерно бьется сердце в гулкой маяте,
чтоб еще хоть как-то в этом мире выжить.

ОРХИДЕИ ДЛЯ ТАТЬЯНЫ

Владимир Маяковский в 1928 году, расставаясь в Париже с Татьяной Яковлевой, на гонорар от выступлений заключил договор с цветочной кампанией с условием, что каждую неделю курьер будет доставлять Т.Яковлевой самый красивый букет с орхидеями. Это продолжалось многие годы и после гибели поэта.

Годы сердце тоской заносят,
как последний концерт Чайковского...
Раз в неделю курьер приносит
орхидеи от Маяковского.

И течет безмятежным ходом
жизнь парижская у Татьяны.
После выстрела. Год за годом.
После давней на сердце раны...

Был он этаким сумасбродом,
от ее красоты немея...
Раз в неделю и год за годом:
«От Владимира орхидеи».

В годы смутные, роковые –
вспоминала мгновенья прошлые...
Чтобы выжить, в сороковые –
продавала цветы на площади.

И в стране, нам давно не близкой*,
русской щедростью память грея,
все ей снился курьер с запиской:
«От Владимира орхидеи».

И не символ любви бессмертной –
этот жест бунтаря московского,
это слезы тоски безмерной,
орхидеи от Маяковского.

* США.

НАГРАДА

Снова Россию ввергают
в смертную битву, и вновь
с фронта вестей ожидают
Вера, Надежда, Любовь...

Снова за русскую землю
льется горячая кровь.
Богу молитвенно внемлют
Вера, Надежда, Любовь.

Как ни кроваво сраженье,
сколько врага ни злословь,
в сердце смирят озлобленье
Вера, Надежда, Любовь.

Детям и внукам поведай,
друг мой, и не прекословь, –
нас наградили победой
ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

* * *

Л.Т.

«Шербургские зонтики»... Нам по двадцать лет.
Мы с тобой красивые – самый буйный цвет.

А кино – как сладкое, пьяное вино...
В летнем парке слезное, нежное кино...

«Шербургские зонтики»... И у нас вся ночь.
В летнем парке, в августе. Как в кино, точь-в-точь.

В темном парке желтые фонари горят...
Дома наши мамочки в эту ночь не спят.

Мы с тобой разъедемся скоро кто куда.
Наше лето кончится раз и навсегда.

Но в душе все светится твой веселый лик...
«Шербургские зонтики»... Расставанья миг...

2 МЕСТО

Татьяна Кижайкина

г. Чапаевск, Самарская область

НА КРАЕШКЕ ДУШИ

НА КРАЕШКЕ ДУШИ

Дрова бросаю с лёгкостью в костёр,
Шагнув в сентябрь от августа порожней.
Господь – всех судеб наших режиссер
И сценарист, и мастер, и художник.

В узлы связались крепко рубежи,
Где каждый вдох – зарубкою на коже.
Театр наш с названием вечным «жизнь»
Вместить в себя желающих не может.

Сердца вразнос, и льётся снова кровь
С подмостков на скучающих прохожих.
И лишь её величество Любовь
Уж сколь веков нова и не похожа

На сто ветров, дразнящих камыши,
И звон бокалов, что пленяют вина.
– А ты постой на краешке души
И поцелуй небесные глубины.

Каждый день невесомей и строже.
Разорённые гнёзда птенцов.
Сыновья наши чем-то похожи
На своих несчастливых отцов.

Ветер стонет, срывается, свищет,
И Господняя рвётся струна.
Стало много бездомных и нищих.
Занедужила, видно, страна.

Но нельзя без надежды и веры,
Что сплетают в сердцах кружева.
Мне б, не знающей края и меры,
Продержаться, покуда жива.

Гладь озёрную сумерки слижут,
Затеряется добрая весть.
Небо ниже, да к Господу ближе!
Хорошо, что Он всё-таки есть.

РОМАШКОВАЯ ПУРГА

А мне непрóжитою жизнью,
Лишь постоявшей на краю,
Стелить поля моей Отчизны
И грусть расплёскивать свою,

Где всё вместилось: былъ и небыль,
Души обузданный огонь,
Июньское слепое небо,
Упавшее в мою ладонь.

И проноситься мимо, мимо
Дождей, ромашковой пурги
И приближать неотвратимо
Любви нечаянной шаги.

ПОДСОЛНУХ НА МЕЖЕ

Лицо, глаза, ладонь, плечо...
И здесь душе бывает тесно,

А в канцелярии небесной
Моим годам подводят счёт.

Ужели близится конец?
А мне припомнилось начало,
Как чайки весело кричали
Да пил на радостях отец.

Еще подсолнух на меже
И кот, что в бочке солнце лижет.
Крадётся счастье, ближе, ближе,
Оно везде, во мне уже.

Простор полей и речки водь,
Сто лет, обещанных кукушкой,
Косички дремлют на подушке,
И гладит детскую макушку
Рукою ласково Господь.

ЧУДО

Снежинки – маленькие детки,
Зима их носит в подоле.
То бросит горсточку на ветки,
А то рассыплет по земле.

И свет такой, как Божья милость,
в аллеях, парках и в лесу.
Одна надёжно примостилась,
Кружась, у Рекса на носу.

Он ловит снег и лижет, лижет,
Вдыхая тишь по вечерам.
И верится, что Чудо ближе,
Чем людям думалось вчера.

ЗАРЯ

Заря повяжет лентой алой
Ольшанник, копны впереди.
Хоть родина зовётся малой,
Да не вмещается в груди.

Церква, домишки и погосты...
Но только их роднее нет.
Мы умираем так же просто,
Как появляемся на свет.

Проходим пешими дорогу,
Где не всегда покой и гладь,
Чтоб обрета однажды Бога,
Уж никогда не потерять.

Пойти вперед,
шагнуть легко за край
И стать на поцелуй мудрей и старше.
– Не потеряй меня,
не потеряй
В огромном мире, нестерпимо страшном.
Порушив плен бывшего
тут и там,
Отравлена насквозь коварством тени.
И следует за мною
по пятам
Клубок моих терзаний и сомнений.
Весны глоток
и Неба пополам,
И миг один всей жизни будет равен.
Нас, как детей,
растащат по углам
И вставят в рамки непреложных правил.
Поделят всех
на наших и чужих,
Где никому никто давно не нужен.
Средь немоты
срывается, дрожит
Мой стон, сплетенный из тончайших кружев.
И дивных снов,
и неги, и огня.
Не потеряй, пожалуйста, меня,
не потеряй...

БОЖИИ ДАРЫ

Я в душе латаю дыры.
Так бело кругом.
Может, Бог разлил над миром
крынку с молоком?
Тишина. Туманы ниже.
Это до поры.
И заря тихонько слижет
Божии дары.
– Мир, проснись: жучок и мушка,
птички и ежи!
Господи, и мне на ушко
что-нибудь скажи...

Нивы раздумий полю и полю,
С облаком месяц бодается рогом.
Может, стихами тебя отмолю
Или молитвою тихой у Бога.

В улье людском по привычке спешат,
Ночь исхудала и катится в Лету.
– Чу, – встрепенётся на зорьке душа,
Чтобы умыться росой и светом.

Утро, спустившись в свои закрома,
Алость плеснёт в разомлевшую речку
И улыбнётся, и впишет в тома
Книг своих лучшее в мире словечко:
«Люблю».

ПРОРЕХИ ДУШИ

Над полями, рекой и погостом,
Над пастушкой с козой на лугу,
Приподняться бывает непросто,
Хоть и верится в то, что смогу.

Над заброшенной маленькой кузней
И останками всей городьбы,
Где народ – не хозяин, а узник
Своей жизни, страны и судьбы.

Чтоб узреть разорённые гнёзда,
Осквернённое слово «любить».
И заплакать, быть может, не поздно.
И кого-то согреть, может быть.

Погрустить над закрытой калиткой,
Где никто никуда не спешит,
И заштопать суровую ниткой
Все сквозные прорехи души.

Ставить рано, наверное, точку,
Хоть повсюду – вселенская грусть,
Пью и пью свою жизнь по глоточку
И не знаю, когда же напьюсь.

В небе птиц собираются стаи,
След их тает в предутренней мгле.
Кто-то снова мне машет из рая,
Только здесь хорошо, на земле.

И блуждая по далям и весям,
Все смешаю: и чет, и не чет.
Жизнь мою и измерят, и взвесят,
И дадут неизбежный расчет.

Я не буду в ответ отпираться,
А пока, не меняя основ,
Спотыкаюсь на цифре «тринадцать»
И боюсь недосказанных слов.

В зеркалах замечая движение,
Тщетно силясь кого-то догнать,
Обнимаю свое отраженье:
Больше некого мне обнимать.

2 МЕСТО

Ирина Кислова

г. Тампере, Финляндия

ПО ДОРОГАМ ДУШИ

МОЙ АЛТАЙ

Сегодня снился мне цветной Алтай,
Укутывал оттенками созвучий,
Ласкал, манил... А утром невзначай
Меня разрушил внутренний, зовущий

Тревожный голос: «Можешь не успеть...
К корням вернуться, низко поклониться
Своей Сибири...» Не случайно ведь
Влечет ее парадная светлица –

Гористый край мистических красот,
Звенящее сокровище России.
Там исполинский дух ее живет...
...И мысленно дороги уносили

Меня туда, в мир рериховских гор.
Мечту лелею, глядя на Белуху,
Хмелею в дым, испив святой простор,
А конь идет, дрожит на нем подруга,

Берет измором сложный перевал...
Не хватит глаз – впитать в себя долины,
Лиловых сопок выгнутые спины,
Катуни бурной пенные седины,
И белых водопадов мощный шквал
Летит туманом васильково-синим.

Наполнюсь песней акварельных снов
И расскажу тебе о Чуйском тракте...
Быть может, это путь в тот рай Христов,
Где родники чистойшей благодати.

Туда с тобой сбежать от всех забот,
Укрыться небом, в отблесках рассвета
Смотреть, как солнце льет на горы мед...
И верить, что Алтай – моя планета.

ПЕСНЯ БАБУШКЕ

В сердце тлеет огонек, теплый аленький –
То ли мамой мне была, то ли бабонькой.
Овдовевшая войной, невезучая...
Подарил тебе сынок радость – внученьку.

Улетали думы прочь, все невёселы.
Миловала ты дитя, пела песенки,
Как в гайтáшечки шелкóвы да в капканчики
Попадались попрыгайки, белы зайчики.

А за падью, в стайке ветхой за поляною,
Жил бабайка, да с ногою деревянною.
Только все его любили, звери, птицы ли –
Привечал он их колбóю да кислицею...

А на праздники у нас стол с пельменями –
Ты ж сибирская стряпуха отменная!
Рукодельницей была, вышивальщицей,
А любила все ж одно в клетку платьице.

Помню руки цвета ржи, да с морщинками,
Как толкли они калину с горчинкою,

Гребень гнутый, что держал твои волосы,
Да молитвы шепот в ночь перед образом...

Улетела ты в декабрь сизой горлицей.
Отпечалившись, поешь за околицей...
А глаза твои да с карточки старенькой
Взглядом ангельским хранят свою малышку...

ШАГНУ В ТУМАН

Какой туман! Ты только посмотри...
Октябрь клоками утром зыбким ранним
укутал сны земли... Ее дыханье
колышется под всполохи зари,

усталой, бледной... Хочется молчать,
чтоб тишину случайно не разрушив,
насытить ею до отказа душу,
как осень заполняет марью падь.

Смотри, какой безропотный исход!
Вон, по колено в млечной дымке, поле
березы – оборванки поневоле, –
подняв подолы, переходят вброд.

Не удержусь, шагну в туман, пойду
в надежде повстречаться с откровеньем.
Седой ракистой стану на мгновенье,
склонившейся к зеркальному пруду...

Под шорох засыпающих осок
дожить бы только до весенних бязей...
...И вдруг услышу: «Боже, как прекрасен
плакучей ивы выцветший платок»...

ЗА СОЛНЦЕМ ВСЛЕД

Мгновеньем жизнь промчалась...Алый дым
вплетется в гривы гор, взлохматит дали,
и где-то там, в нездешней пасторали,
расстелется...

Но явственным, густым,
горячим всплеском, другом верховым
останешься в моих воспоминаньях.
Лечил ты душу взглядом неземным
янтарных глаз и мягких губ касаньем.

Уляжется взъерошенная пыль,
следы копыт забудет тишь дороги,
вдохнет тобой не топтанный ковыль
и коновязь у старого порога...
осиротела...
Легкий силуэт
по небу пролетит за солнцем вслед...

МОЙ ПЕС

Бегут года... твои, мой пес, быстрее:
Один за семь, ты как всегда – аллюром.
С тебя сошло немеряно шерстей,
И серебром поблескивает шкура.

Уже не так инстинктами влеком –
Не лижешь руки каждому данайцу,
И не бежишь за мимолетным зайцем,
И под контролем каждый взмах хвостом.

Но с пущим рвением бережешь своих,
И ждешь – тебе не изменяет память.
Любовью одержим, а тех чужих
Готов облаять...

И будем жить... слизни же мою грусть,
Как ты умеешь... умными глазами
Мне душу излечи, и пусть над нами
Бегут года, счастливые на вкус.

ДВЕ РЕКИ

Из грота горного, из родника
Брала начало тихая река.
И не мала была, не велика.
Игривая, не зная бед, текла

Красавица. Прозрачна и гибка
Ласкала белой грудью берега.
В зеркальных нежных заводях – хрупка.
Купались в ней барашки-облака,
И полоскала круглые бока
Дебелая луна, наверняка
Уверенная, что ее сынка,
Рогатого младенца-сосунка,
С любовью примет добрая река,
Как принимала всех... ее рука
Ловила блесны звезд издалика,
Осоки шелест, лепестки цветка,
И перья птиц, и бедного жука,
И камушек, упавший свысока...
Неспешна жизнь и девственна... пока...

А где-то рядом пылкий жил ручей.
Он был бурлящих, яростных кровей,
Сын горных ледников, плод их страстей,
И не было его резвей, бурней.
Шел прямо к цели, не искал путей
Простых и легких, рвался из ремней
Гранитных, их точил, чтоб поскорей
Свободу ощутить и стать вольней.
Ворочал камни горных крепостей,
И с песней громогласной сонмы дней
Промчались... Как-то в отблеске лучей
Ее увидел, вспенившись, полней
Вздохнул и рухнул вниз, в объятья к ней...

Так встретились две жизни, две реки,
И, слившись в поцелуе, потекли...
Он – гордый бурный ледяной поток,
Она – прозрачной радости виток.
Их песня стала общей на двоих –
Одна судьба, и нет преград для них.

ДОЛЕТИШЬ

Журавль последний в небе ноября,
Набрякшего свинцовыми снегами.
Прозрачный хрупкий, будто оригами,

Но одержимый духом бунтаря,
Кричит, кричит, отчаянно взбивая
Ветров осенних ледяной поток...

Ну как же так?... Ты почему не смог,
Оставив берега родного края,
Парящим эхом в журавлиной стае
Уплыть куда-то к югу... невзирая
На боль разлуки?.. Иль судьба дурная
Тебя застигла, бедного, врасплох?

Хотел остаться, только вон поди ж...
Держись, мой друг, я знаю – долетишь!
И верь мне, те чужие рубежи
Теплом тебя обнимут... Будем жить.

СНЕЖНЫЕ СТИХИ

Покрылись нежным пухом лапы елей,
Ресницы сосен, плечи тополей.
И белой органзой, заметной еле,
Украшен темный окоем полей.

Какая чистота! Под новым снегом
Вздыхают тихо прежние грехи...
Прощенные... и светлым оберегом
Блестит морозный тонкий балдахин.

Над ним парить всем искушеньям мимо.
Дрожит былинка-память в мерзлых снах.
Обетом неисполненным иль мнимым
Снежинка тает на немых губах.

Теперь возможно все начать сначала.
Хотя грехов-то – сонм летящих лет,
Да талый снег у нового причала...
И, может, ненаписанный сонет...

На чистый лист садится мыслей стая,
Кружа, роняет зыбкие штрихи...
И белый ангел, крылья расправляя,
Благословляет снежные стихи.

ГОЛУБЫЕ МЕЧТЫ

Мечта летела в тонкое одета –
прозрачность линий голубого цвета
стремилась ускользнуть, собой маня.
Как удалось ей выбраться на волю
из клетки заточенья своевольно,
как будто вовсе и не из меня?...

Сны обретали плоть, но как же робко,
как первая улыбка у ребенка –
успей увидеть – промелькнет и нет...
Немая пропасть между сном и явью,
сокрытая обманчивой вуалью,
пространство, где маячит силуэт.

Кого? чего? нелепых ли желаний?
Что может быть никчемней и жеманней
игры в себя, в придуманные грани,
где каждый жест – заранее знаком.
Где жажда смысла прячется за словом,
а страх – за самым правильным, суровым,
почти неузнаваемым
лицом...

Но все ж дрожит, не слушаясь запрета,
та нить – из сна, из воздуха, из света,
что тянется упрямо сквозь года.
И пусть смешны, наивны притязанья –
без них пусты и явь, и расстоянья,
и тишина...

**3
МЕСТО**

Ольга Смерецкая

г. Кемерово

ВТОРОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ

МАМА, МЕНЯ ОБМЕНЯЛИ!

Когда ожиданием встречи
Измотаны будем в ночи,
И в храме потухнут все свечи
И пламя погаснет в печи,
Исчерпаны будут резервы, –
Внезапная радость звонка
До каждого голого нерва,
До каждого позвонка!
Когда навсегда потеряли,
Три слова погасят печаль:
«Мама, меня обменяли!»
«Мама, не плачь, встречай!»

ПЛАЧЬ!

О вас душа каждый день болит,
Переднего края Боги!
Ты как там? Давление не шалит?
Тебя не подводят ноги?
Родной, тебе ведь не двадцать лет.

Забудь, что не плачут мужчины.
Не обижайся на мой совет,
Есть для него причины.
Не сомневаюсь, все выдержишь сам,
В горниле военных сложностей.
Плачь!
Это сигнал небесам
О пределе твоих возможностей.
Впервые жалею, что ты не трепач.
Серьезен, неразговорчив...
Поэтому я умоляю, плачь!
Смерти гримасы корчи!
Нервы стальные в узлы не вяжи,
Зло отбивая высоты,
Прошу тебя, плачь!
В себе не держи
Боль о друзьях двухсотых.
Плачь на обходе военврача,
Правила все нарушив,
Беззвучно, с надрывом и даже рыча,
Плачь, очищая душу!
Плачь, грызя зубами бинты,
...Но зря я слова трачу.
Ведь знаю, что плакать не будешь ты,
И я за двоих плачу.

ДАЙТЕ МАМЕ ТАБЛЕТКИ ДЛЯ СЛЕЗ!

Дайте маме таблетки для слез,—
Она смотрит весь день в одну точку!
Нет в живых дорогого сыночка!
Военком злую новость привез...
Дайте маме бинты для души!
Кровоточит она бесконечно!
Неужели война будет вечно?
Боже, пламя ее потуши!
Погибает народ без вины.
На бескрайнем славянском просторе.
Дайте мамам лекарство от горя!
Дайте миру настой от войны!
На портрете застыла она,
В триколоре российского флага.

А в ладонях «Медаль за отвагу»
А в глазах отразилась война.
Держит китель, сжимает берет,
И беззвучный вопрос в этом взгляде.
Цепенею в портретном параде.
Ничего не скажу я в ответ.
Лишь бы им не услышать потом
Этих слов: «А мы вас не просили!»
Лишь бы детям вернуться в Россию,
А не сгинуть на поле пустом.

ПОДРУЖКИ НАЧАЛИ ВДОВЕТЬ

Подружки начали вдоветь...
И эта новость в телефоне
Застынет в воздухе и в стене...
И ни дышать, ни спать, ни петь...

Подружки начали вдоветь...
А нам ведь даже не полтинник...
И в коридорах поликлиник
Как эту боль преодолеть?

Подружки начали вдоветь...
Беззвучно полстраны завыли...
И мы плечом к плечу застыли,
Чтоб от беды не поседеть....

ОНА ЕГО ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ДОЖДАЛАСЬ

Она Его чуть-чуть не дождалась.
Она устала. Очень. В самом деле.
Она четыре года на пределе.
И нитка между ними порвалась.

С той нитки полетели кувырком
Семья, родня, друзья, долги, доходы,
Но, уходя к какому-то уроду,
Она не сожалела ни о ком.

Усталости и Он не избежал.
Командировка не была банальной.
Он воевал. И сам устал реально.
И очень редко в отпуск приезжал.

Он тоже не планировал войну.
Он жил четыре года по Уставу,
И Он не ожидал такой подставы, –
Он воевал за сына и жену!

Он каждый день уходит умирать!
Он и Она. А между ними третий.
И я не о сопернике. О детях.
У маленьких нет права выбирать.

Он там, где должен быть и побеждать,
Есть Родина. Есть Совесть. Чувство долга.
Но для Нее мучительно и долго
Так бесконечно одиноко ждать,

Как будто Он – ненастоящий муж.
Она устала! Да, она устала...
И вдруг приснилось ей: Его не стало!
И этот сон как леденящий душ.

Но сохранил его бронезилет
За два часа пред самым Новым годом!
...Она не отдохнула с тем уродом, –
Поймет Она спустя десяток лет.

КРАЛЯ

А я его ждала. Он не пришел.
И он не виноват. Так получилось.
На фронте кралю новую нашел.
Она с ним от ранения лечилась.

«Не дали снова отпуск, – мне писал, –
И потому, мол, я не приезжаю».
О ней он мне не сразу рассказал,
Я чувствовала: рядом с ним чужая.

Я помню эту боль и эту ночь,
И тот звонок грозою с небосвода,
Что у него растет на фронте дочь,
И просит он, бессовестный, развода.

Война приносит разную беду.
Вернуть назад получится? Едва ли...
Я вряд ли от инсульта отойду,
От той истории с той самой новой кралей.

БОЕВАЯ ПОДРУГА

И пусть твердят вокруг, что на войне любовь
Совсем недолгая, а женщина – игрушка,
Пусть усмеваются завистливые вновь,
Мол, не жена, а так, окопная подружка, –
Ты с этой женщиной ходил в жестокий бой,
Она с любовью заговаривала раны,
Она делила сотни раз уже с тобой
И тишину, и гул атак на поле бранном.
Ты с ней шагаешь в ногу вольно и в строю,
И променять ее на новую нечестно,
Ведь эту женщину проверил ты в бою,
А как с другими будет, это неизвестно.

РЫЖИЙ

Мы вместе за партой сидели,
Тебе я списать давала,
И оба с тобой поседели,
Годков пролетело немало.
Я помню за хулиганство
Учительница серчала,
Пилила тебя за хамство,
На весь коридор ворчала:
«Какой ты, Петров, бесстыжий,
Наказан на пол-апреля!»
Ворчал ты: «Я, что ли, рыжий,
Дежурить пять раз в неделю?»
Но ты все равно дежурил.
Был самым веселым в мире,
С тобой было «все в ажуре»!
И метко стрелял ты в тире!
Был самым красивым в классе
Твой велосипед с оплеткой,
С тобой было все как в кассе:
Честно, понятно, четко.
Наш мир стал сегодня рыжим, –
На землю спустилась осень.

...А ты на войне не выжил.
Смерть самых хороших косит.

СВИДАНИЕ

Сынок, была сегодня у тебя.
Я очень-очень по тебе скучаю.
Я задыхаюсь, о тебе скорбя,
И ничего вокруг не замечаю.

Я так хочу с тобой поговорить,
Я так хочу обнять тебя покрепче,
Любимый вкусный борщ тебе сварить,
Не утешайте, будто время лечит, –

Душа моя застыла навсегда.
Спасибо за сочувствие вам, люди.
...Осталась старых фото череда,
А новых никогда уже не будет.

3
МЕСТО

Светлана Сытникова

г. Орел

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

Блаженный вечерний покой,
Нездешний покой горизонта.
Над близкой притихшей рекой
Заката висит позолота.
Взахлеб ее лошади пьют,
С водой изумрудной мешая.
Покинув за лесом приют,
Луна выплывает большая.
Жемчужиной в речке скользит,
В себя насмотреться не может...
Родимой земли реквизит –
Безвременья царское ложе.
Как сладко упасть на траву,
Отбросить дневные тревоги.
Забывшись во сне ль, наяву,
Увидеть себя на пороге
Отцовского дома в селе.
И клацнуть щеколдой чуть слышно.
Приметить опять на столе
Хлеб свежий – румяный и пышный.

* * *

Разметало родичей по свету,
Не собрать теперь, как ни зови.
Вопрошаю мысленно я – где ты,
Наша территория любви?

Там нередко вместе мы когда-то
Праздники сходились отмечать.
С самого утра у палисада
Поджидала бабушка внучат.

Там скрывал неведомые тайны,
Прячась за сараем, задний двор.
От «сокровищ» найденных случайно
Замирает сердце до сих пор.

Помню, оно так же замирало
Возле деда на большой печи.
Сказок тот рассказывал немало,
Души внукам сказками лечил.
Что любимчик, каждый был уверен,
Выяснили это лишь сейчас.
Жаль, что больше не откроет двери
Сказок обиталище для нас.

* * *

*Моей украинской
русской сестре*

Идет война за годом год,
Суля беду и гибель людям.
В дни испытаний и невзгод,
Сестра моя, скорбеть не будем.
И слезы спрячем до поры,
Когда мы снова будем вместе.
И даже, если на разрыв
Души, порой приходят вести,
Мы после вдоволь поскорбим.
Оплачем наших и не наших.
Из бессознательных глубин –
Чтить память и тужить о павших.

В чертогах сущности у нас
Веков прошедших скорбь таится.
Огромен слез людских запас,
А мы – земли родной частицы.
В славянских вотчинах опять
Смерть собирает урожай.
И страсти ярые кипят,
Печаль земли приумножая.
Со всех сторон грозит беда
И поминальные обеды.
Но верю – час грядет, когда
Скорбь станет радостью победы.

* * *

«У всех бывают слабости минуты»

Вероника Тушнова

О, полета свободного сладость
И желанье надежной орбиты,
Сила гордая, мудрая слабость –
Вы друг с другом незыблемо слиты.

Две опоры в житейских скитаньях.
Два фундамента скрытой поддержки.
В нужный час слабость силою станет,
Обретая свет новой надежды.

Чтобы думать всегда о хорошем,
И действительно в лучшее верить,
И назло повседневным порошам
Пробираться сквозь дебри неверий.

Опираясь на слабость и силу
Одолеть непростую дорогу,
Чтоб увиденный свет негасимый
К сокровенному вывел порогу.

«Днесь вод освящается естество»
Из чина великого водоосвящения

Такими разными бывают воды,
Целебные и страшные подчас.
Несут в себе записанные коды
Живого либо мертвого начал.

Когда к земле весенний дождь стремится,
Живительнее силы не найти,
А разъяренная вода-убийца
Сметает все на собственном пути.

От катаклизмов на земле тревожней.
Но есть иная сила. Неспроста
В воде крещенской милостию Божьей
Зашит навеки светлый код Христа.

И, как когда-то в воды Иордана,
На землю сходит снова Дух святой,
Развеять мрак греховного дурмана
И нам помочь в дороге непростой.

Как тихий дождь напитывает землю,
Питает тех крещенская вода,
Кто гласу веры и надежды внимлет
И за любовью следует всегда.

**ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория
старше 35 лет

Кристина Андрианова-Книга

г. Уфа, Республика Башкортостан

СТОЛЕТЬЯ НЕВЕСОМЫЕ

Отрывки цикла «Южнорусские хроники»

* * *

Россия...
Какой ценой
Себя собираешь снова,
Как будто в ковчеге Ной,
Родное
Спасая Словом
Всевышнего?
Вот завет
И радуга – знак завета –
Над Русью былинных лет,
Империи и Советов.
Росла ты и в ширь тайги,
И в глубь – под ударом бура,
И в высь, где Икар погиб,
Но жив
На века
Наш Юра;
Училась терпеть и ждать,

Теряла и обретала –
Воистину, ибо Мать,
Чья нежность
В огне металла
Сокрыта.
Твоя броня –
Надежда и вера Божья:
И снова одна земля –
Саратов и Запорожье,
Иваново и Луганск,
Самара и Мариуполь...

Забыли и Жан, и Ганс,
Как в землю вмерзают трупы,
Как сводят с ума поля
Без края, что рябь потопа...

Раздавлена твердь твоя
Возмездием вод, Европа.

АНТИСКАЗКА

Засыпали вечером июля.
Сон не шел. Чуковский сбился с ног.
«Мам, а мы с Америкой воюем?»
Что тебе ответить, мой сынок...

В беспросветной лжи гибридных войн,
Умных слов, лощеных фабрик грез
«Да» и «нет» похожи меж собою,
Как великоросс и малоросс,

А на деле – пропасть, где стихия
Породила идолиц Русии...
«Мама, а украинцы – плохие?»
Как ответят Курск и Би-би-си?

Почему одни до дури правы,
А другие – априори нет?
Не покажут Лондон и Варшава
О мальце со свастикой сюжет.

Не расскажешь, сын, об этом просто.
 Страшной сказкой на ночь – вой войны
 Мировой... Чем ярче наши звезды,
 Тем зловещей лес Галичины.

СЕДОМУ ГРАДУ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Самарский политех – то весны матери:
 Со мной холмы уфимские поладили.
 А все ж, когда с тобой впервые свиделись,
 Светлее было, чем в Москве и Питере.
 Теплее было, чем в Анапе с Ялтою,
 Тем летом, где гляделось небо мятное
 В царицу Волгу – как ее забуду я –
 Рассветную красу широкогрудую?
 Река и ты так встретили, как будто бы
 Знакомы были раньше, из другой судьбы;
 И чудилось, что Ленинградской улицей
 Не в первый раз душа моя любитесь...
 Неужто от того все это истинно,
 Что память родовыми сшита письмами,
 Где строчки – вязь загадок – хромосомами
 Впечатаны в столетья невесомые?
 И дед учился здесь же на строителя,
 И прадед – пусть его я и не видела –
 По сказам, из Самарской был губернии...
 О, русская история безмерная!
 Нет точек общих в личном и в профессии,
 Но мама здесь со мной сдавала сессию:
 Ее глазами на тебя смотрела я,
 Поволжский град с купцами-инженерами.
 Пути Господни – дней следы белесые...
 Глядишь, и род
 Еще вернется
 Веснами.

ВНУТРИ МЕНЯ

«На что твоя история? – мне скажут, –
 Какие скрепы, род!»
 Но, не виня
 Иных, отвечу: «Ценная поклажа –
 Все то, что есть навек
 Внутри меня».

А там, смотри, –
Владимирское море
Лесов и льна молитвенной зари,
Купцов нижегородских хлебосолье
И над Самарой царской тень ладьи.

Пусть кто-то брякнет «капля русской крови!» –
Das ist mir Wurst. А проще – барыбер.
Живут и финно-угры в общем доме
Из хромосом, и полька, например, –

И все они, собой латая раны
Веков суровых, свой умерив нрав,
Твердят мне: капля стала океаном
Живой воды, Евразию спаяв! –

И оттого глядишь особо остро,
И чувствуешь, и слышишь бытие,
Что пять дорог, вплетенных в русу косу,
Как будто Пятикнижие мое –

Они пять жил, пять сил, пять измерений,
Судьбы неуязвимая броня...
Россия,
Словно космос поколений,
Воспета в каждом –
И
 внутри
 меня.

С улицы тянет баней. Запахи трав целебных,
Дыма, хвои, березы в августе городском
Ветер воспоминаний снова несет до неба:
Там ведь бабуля с дедом... Здесь же, в квартире – ком
В горле. Но зреет радость: лета и детства брызги,
Весело разлетаясь, бьют эндорфином грусть...
В гуще многоэтажек избы-анахронизмы
С баньками – словно тайна, имя которой – Русь.

* * *

Читает маленький сыночек
 Под вечер «Аленький цветочек»,
 Тихонько клонится к плечу.
 За занавески перламутром
 Таится Чудище как будто,
 Но не боимся мы ничуть.
 Смотри, сынок: оно добрее
 Всех чарличаплинов Бродвея,
 Честнее дяденек с TV...
 Так пусть у нас поболее будет
 Отважных Настенок и чудищ,
 Преображенных по любви!

СЕРДЦЕ РОССИИ

Старшему сыну

«Где же сердце России?» – ты спросишь меня,
 Мой пытливый малыш, у излучины дня.
 Может быть, это Спасская башня Кремля,
 А быть может, Урал-аксакал?
 Или это Байкала священного синь,
 Или Горный Алтай, или Древней Руси
 Золотое кольцо?.. У кого ни спроси –
 Отзываются эхом века.

Назовут Петергоф и Мамаев курган,
 Церкви, лавры, мечети и даже дацан,
 И Самарскую область – границы ее
 Так на сердце похожи, смотри! –
 Херсонес, Красноярск или Владивосток –
 Пульс единый повсюду, единый поток:
 По артериям-венам, мечом и огнем
 Духа строился Спас на Крови.

Потому и ответу тебе я сейчас,
 Что и Красная площадь, и Обь, и Кавказ –
 Тоже сердце России. Так помни всегда,
 Что известно должно быть без слов:
 Нет у Родины края – и сердце ее
 Будет там, где родился, где детство провел...

Ты послушай, малыш: наше сердце поет
Меж отеческих двух городов.

«Вот и сердце России!» – скажу я тебе.
И для нас это будет
Уфа-Белебей.

Юрий Астанков

г. Самара

ДУША ОГЛЯНУЛАСЬ

НОВОСЕЛЫ

Несут шифоньер новоселы,
меняя на быт бытие.
И запах акации. Пчелы
висят над кистями ее.
Они ее чувствуют запах,
как солнца живительный свет.
И кот на пружинящих лапах
идет за хозяином вслед.
Они здесь поселятся вскоре:
хозяин с хозяйкой и кот.
И ворох житейских историй
с собой их приезд принесет.
Что вдруг отразится на лицах
жильцов близлежащих домов,
поскольку не знает границы
над нами небесный покров.

Мы связаны и одиноки,
порою живя невпопад.

А мальчик, сбежавший с уроков,
услышал, как пчелы жужжат.
Ему незнакомо быть в прошлом.
Он мыслит не дальше минут.
Он пчел поместил бы в ладошке
и слушал таинственный гуд.

Что сладостен детскому слуху,
где кисти напротив лица.
О чем он поведает уху
прогульщика и мудреца?
Быть может, он станет героем,
иль жизнь его будет пустой?
Сегодня он с вечностью вровень
стоит у акации той.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Вот пляж, вот люди. вот вода,
вот солнце низко над домами.
И скоро первая звезда
зажжется, как фонарь над нами.
И девочку ругает мать,
отчитывая очень строго,
что та не хочет понимать:
«Песок нельзя руками трогать».
И бабушка, наморщив нос,
ей повторяет наставление.
«Но почему?» – простой вопрос
их повергает в изумление.
Но что поделать, есть семья,
где к малышам свои подходы.
Но с девочкой согласен я
и вместе с ней смотрю на воду,
Где пузыри бегут со дна
и розовеют на закате.

И набежавшая волна
чуть задержалась при откате.
И цапля в белом, шею сжав,
летит и будто ставит точку.
От препирательства устав,

бунтарку одевают молча.
Я с нею чувствую родство.
Мы оба в центре мироздания.
А мать не видит ничего,
себя измучив воспитанием.

И КОНЧАЕТСЯ ДЕНЬ

Отдохнуть бы, ведь все же стара,
да и силы уже на исходе.
Задыхается сердце. Жара.
Но сорняк все забил в огороде.
И с усилием с постели встает,
растирая ладонями спину,
отправляясь с утра в огород,
где по краю кустится малина.
Все ее замечающий взгляд
ей работы, как прежде, подкинет,
где клубника, укроп и салат,
да плетутся арбузы и дыни.
Сколько лет повторяется круг
всех похожих до боли событий.
Там чеснок, помидоры и лук,
здесь картошку терзает вредитель.
Да и дед не помощник уже:
все хворает, а дети в отъезде.
И печаль поселилась в душе
с неприметною радостью вместе.
Вот и все, и кончается день.
Оглядела лозу винограда.
И полнеба занявшая тень
ей подарит немного прохлады.

ЧУДО ТИШИНЫ

Поиздержался я за год:
раздал долги, но снова занял.
Купил задорого восход
и снег, что в оттепель растаял.
Опять я по уши в долгах,
и расплатиться вовсе нечем
за свет в рассветных облаках,

за всеохватность русской речи.
За это чудо тишины,
где чайки в сумерках восхода
легко срывается с волны,
взрывая при разбеге воду.
Мне б рассчитаться хоть за год
за эту тень воспоминаний,
где продолжается полет
трех белых птиц над Волгой ранней.

БАБУШКА САНЯ

Утро. Борюсь, побеждаемый сном,
но просыпаюсь так кстати.
Бабушка Саня с парным молоком
тихо стоит у кровати.
В темных морщинах худая рука.
Взгляд просветленный любовью.
И протянув мне стакан молока,
скажет: «Попей на здоровье».
Пью, и течет по губам молоко
с пенкой ажурной, живое.
Господи, как от меня далеко
детство мое золотое!
Помню сияние летнего дня,
Сумерки старого сада.
Бабушка Саня, голубка моя,
тихо лежит за оградой.

ГОСПОДИ, НЕ УХОДИ

Хоть на исходе дорога –
ближе небесная синь.
Что ты попросишь у Бога,
если услышишь: «Проси»?
Вдруг участится дыхание
в этот немислимый миг,
и не присохнет к гортани
лживый бездумный язык.
Или в припадке тщеславия,
что ты отмечен судьбой,
не заикнешься о славе

в этой юдоли земной?
Или попросишь о власти,
чтобы остаться в веках?
Или довольства и счастья
с домом на южных морях?
Или, склонившийся ниже
камня на крестном пути,
вдруг ты прошепчешь чуть слышно:
«Господи, не уходи».

МУЗЫКА В ГОРОДЕ

Едва закончились бои
и зачищают город парни,
не прилетают соловьи
в еще дымящиеся парки.
И тут таится тишина,
где пепел прошлой жизни кружит,
и от разбитого окна
играют зайчики по лужам.
Они торопятся связать
весну и мир, сияя ярко,
и слепят синие глаза
бойца, идущего вдоль парка.
Но соловьи вернуться вновь,
где канонада отгремела
и все еще алеет кровь
врага убитого у стелы.
И там ворон истошный крик,
устроивших у тела свару,
и обезумевший старик
бредет с расстроенной гитарой.
Он музыку в себе несет
и струны трогает тревожно,
и этой музыкой спасет,
что и спасти-то невозможно.
Переберет с десятков гамм
и на бойца посмотрит гордо.
И подыграет соловьям,
когда они вернуться в город.

Григорий Егоркин

г. Челябинск

ОТЕЧЕСТВО

БУДЕМ ЖИТЬ!

Обычный дом. Не терем княжий,
но срублен крепко, на века.
Вот лавка, стол, вот миска с кашей,
а к каше – крынка молока.

У печки снимок в старой раме,
на раме солнца легкий блик.
А у стены, под образами,
ребенок, женщина, старик.

Стол, лавка, крынка, с кашей плошка –
весь немудреный их уют.
Но не в руках – поодаль ложки.
Сидят. Молчат. Кого-то ждут.

Кто может стукнуть в дверь снаружи,
их немь нарушив наконец?
Кто с ними должен сесть за ужин?
Ответят: «Сын, супруг, отец».

В часы багрового заката,
 когда во двор ломился враг,
 он встал, промолвив виновато:
 «Там без меня, видать, никак».

Ушел-уплыл на дальний берег,
 что затерялся в льдистой мгле,
 оставив свой не княжий терем,
 оставив ужин на столе.

Назад, известно, путь не близкий,
 шагать далёко-далеко...
 Но не остыла каша в миске,
 не скисло в кринке молоко.

Украдкой бросив взгляд в окошко,
 мотнув на снимок бородой,
 дед отчеканил: «Возвернется!
 Примета верная – живой.

Смекаю, днесь, как и доньне,
 цела связующая нить.
 Пока не киснет и не стынет –
 мы будем ждать.
 Мы будем жить!»

ЭТОТ МАЙ

*Памяти погибших однополчан
 из бригады «Призрак» НМ ЛНР
 посвящаю*

Ох, этот глупый май,
 чтоб драли его черти!
 Подходит он, и ты
 невольно вспоминай:
 кто в мае вступит в брак,
 промается до смерти –
 народная молва.
 Что делать – месяц май...

Ах, этот гордый май!
 Пройдя в строю едином

с портретами бойцов,
по полной наливай.
Чтоб не забыть Хатынь,
«катюши» под Берлином,
блокадный Ленинград.
Таков он – месяц май.

Ух, этот гулкий май!
В казачьем батальоне
делились пополам
и «прима», и сухпай.
Короткий бой, наряд,
НП на терриконе,
ночные трассера...
Все это – месяц май.

Эх, этот горький май,
от слез мужских кипящий!
Мы здесь пока, а те
шагнули через край.
Кто в мае с честью пал,
бессмертие обрящет –
окопная молва.
Воздай им, месяц май!

ФИТИЛЕК

Когда время нещадно свинчаткой – под дых,
когда волком голодным – на плечи,
под иконы угодников, к ликам святых,
мы приносим окопные свечи.

Огонек парафиновый брезжит в ночи,
в этот час в храме пусто и тихо.
Если долго стоять у горящей свечи,
лица близких проявятся в бликах.

Лица тех, кто не прятался дома, а жил
по священному предков завету,
кто грузил и возил, шил, вязал и кроил,
по чуть-чуть приближая Победу.

А ее волонтер ежечасно творит,
ведь Победа приходит с делами.
За спиной его Ангел незримо парит,
от беды заслоня крылами.

Знаю: справимся вместе с любой бедой,
труд бессонный не будет напрасен,
ведь у Ангела в тонкой руке золотой
фитилек никогда не погаснет!

ДЕД СПРОСИЛ

Так было:
он безлунной ночью
вошел и сел. Сказал не вдруг:
«Пора б уже поставить точку.
Когда победу ждете, внук?»

Мой дед. Наводчик с батареи –
каким назад был лет полста.
Рубец осколочный на шее,
где лацкан – Красная Звезда.

Махровым пледом темь нависла,
но слышу сквозь чернильный мрак:
«Львов взят? Форсирована Висла?
Снесен «Орешником» рейхстаг?»

Бросает в бой, забыв о смерти,
неисчислимость ратных сил
Георгий ваш?
А ваш Лаврентий
зачистил от подонков тыл?

Под благовест артиллерийский,
стеной свинца, огня, брони
к Ла-Маншу Пятый Украинский
уже подходит в эти дни?

Иосиф ваш назначил дату,
когда в Москву созвать гостей?
И под трибуну для парада
он приготовил Мавзолей?»

А голос тот все дальше, глуше...
Сажусь, проснувшись, на кровать.
Дед, ты куда? Кого мне слушать
и перед кем ответ держать?

Забрезжил свет.
В тиши звенящей
теряет ночь свою вуаль.
Нащупав пульт, включаю ящик,
мне до утра уснуть едва ль.

Губасто,
пафосно,
грудасто,
слащавей, чем тирамису,
блажит Филипп, гундосит Баста,
горланят Клава и Алсу.

Реклама бренди, джипов, боди,
курортов, саун... – от щедрот!
Держава в праздники заходит,
страна встречает Новый год,

за фейерверком спрятав мемы
«дрон», «цинк», «укреп», «зеленка», «град».

.....

Виссарионыч, дед, не в тему,
Бедросыч примет гей-парад.

ТЫСЯЧА ШАГОВ

По окопу гильз – не меньше тыщи,
из-за них порой не видишь дна.
В гильзах не считай войну, дружище,
это будет хлопотным и лишним,
в гильзу не поместится война.

В закопченном небе тыща дронов,
их гуденье как вороний грай
наползает из-за терриконов...
Только в темноте блиндажных схронов
дронами войну не измеряй.

На штабных планшетах тыща танков,
а ля гер и в штабе а ля гер:
танки с тыла, с фронта, танки с фланга...
Танк, понятно, это не берданка,
но и у него не тот размер.

А какой он – тот? Побольше хаты?
С небоскребы, с княжьи терема?
С «Искандеры», может? «Буки-Грады»?
С «Ураганы», «Панцири», «Торнадо»?..
Поспрошай об этом у штурма.

Расспроси служивого по форме.
А в ответ – почти без матюков:
«Видишь на краю села опорник?
Мы туда ходили в прошлый вторник –
ровным счетом тысяча шагов.

Кто вернулся, кто остался в яме...
Шаг бывает жизни подлинней,
когда надо гиблыми местами,
когда ночью – минными полями,
меж растяжек да под трассерами...
Войны, брат, промерены шагами –
так надежней,
так оно точней».

РАЙСКИЙ СПЕЦНАЗ

Говорят, что солдат, умирая,
попадает в небесный штрафбат.
Серафимов дежурная стая
забирает его автомат.
Ноги в цепи, колодку на выю –
и под стражу надежную, в сруб.
За грехи, мол, свои фронтовые
посиди до архангельских труб.

А затем по-над облачным плесом
по этапу – в небесный стройбат,
где бойцу херувимским начхозом
будет выдан комплект из лопат.

Шепчут ратнику истово в уши,
возглашая иную юдоль:
«На земле все коверкал да рушил,
а теперь, сударь, строить изволь».

Врут, конечно.
Солдат, погибая,
поступает в небесный спецназ.
И в засечных предместиях рая
получает последний приказ:
«В полный рост, рукопашным замесом,
не жалея зубов и штыков,
батальоны прорвавшихся бесов
отшвырнуть от Господних альков!»

Элла Зайцева

г. Москва

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ

Мурмурация птиц,
Листьев и шелухи.
Осень считает синиц,
Осень пишет стихи.
Кто я? Иван-дурак?
Вопрос ожидает ответ.
Красный любимый лак.
Завязанный в узел рассвет.
Глаза открыть и молчать?
Из крана пить кипяток?
Давно мне мала кровать,
Если спать поперек.
На небе сплошные штрихи.
Кто я? Зачем я здесь?
Осень пишет стихи.
А о чем они все? – бог весть.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ранним утром солнце плетет кружева.
Все меньше снега. В сердце – больше надежд.

Скоро-скоро станет зеленой трава.
Мы разойдемся словно Буда и Пешт.
Ярче краски за старой рамой окна.
Сотня причин заново жизнь написать.
Мартовский кот – песня его слыша –
С крыши царем вернулся, чтобы поспать.
И пока зверь дергает лапой во сне,
Щурит в пространство цепкий янтарный глаз,
Мир пребывает в блаженстве и тишине.
И ангел Божий смотрит с небес на нас!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СТОРОЖЕВОЙ СОБАКИ

Реки замерзли, и снег лежит.
Никто никуда здесь не убежит.
Даже звуки прилипли к небу.
Хочешь спеть песню? Попробуй!
Ни минаретов, ни куполов.
К последней весне всегда будь готов.
Душу прячет Урал под робой.
Хочешь пощупать? Попробуй!
Летнее солнце скупое на ласку.
Мама читает вечернюю сказку.
Спи, мой детеныш, спи крутолобый.
Станешь зубастым – и пробуй!
Пробуй!

Калининграду

В этом городе я не могу напиться.
От свежих булок кружится голова.
У привидений подвалы, песни и лица.
Немецкий учу, чтобы понять слова.

В караульной бойко шуршат марципаны.
Кофе работает грелкой – вот анекдот.
Каштаны растут – ясновельможные паны.
В каждом дворе обитает мартовский кот.

Птицы вторят мелодиям Баха.
 Любовь у подлодки разбилась о быт.
 Тайная карта: огромная черепаха
 В море плывет.
 Город на ней стоит.

Забудешь и Генриетту...
 М. Цветаева

Ласкай меня так, как море ласкает берег, –
 Неистово, бережно, страстно, легко, бесстрашно.
 Водил корабли на Севере Витус Беринг.
 Открыл пролив, острова. А, впрочем, сейчас неважно.
 Ласкай меня так, как циркуль окружность чертит.
 Круги на воде, под водой... Обжигают пальцы.
 Нам саваны шьют, смеются морские черти.
 Готовят к работе нитки, иголки, пяльца.
 Ласкай меня мягко, как карандаш рисует
 Вечных красавиц профили и портреты.
 Не выпьет шампанское залпом кто не рискует...
 Проходит все. И как не хватает света!

НОВОГОДНЕЕ

Песенку пела женщина кошке:
 «Спи, ясноглазая рыба моя.
 Мы – две смешные сороконожки –
 В дальние скоро поедем края!
 Елка-царевна, сливки на блюдце,
 И из печенки душистый паштет.
 Важные гости в круг соберутся.
 Каждый в нарядное платье одет».
 Песенку пела женщина кошке:
 «Спи, мохноногая рыба моя!
 С луком и сыром будут лепешки,
 Стрелы дорог, облаков кисея...»
 Песенку пела женщина кошке,
 Поезд бежал по ночной синеве.
 В сумке потертой банки горошка
 Споры вели про салат оливье.

Ольге

Выпить сонного кофе чашку.
Красным гляncем испачкать рот.
Бусы, кольца, ремень, рубашка,
Джинсы, сумка, душа
– Вперед!

Счастье – жить. Не играть в разведку!
Гладить нежно мостам бока.
Лето утром включать в розетку!
Солнце падает в облака...

Зингер снимет с полки машинку –
Небу хочет пришить звезду.
Ангел прячет в рукав смешинку:
«Подожди, – говорит, – иду».

Эдуард Коридоров

г. Москва

НЕ ВСЕ ПРОПАЛО...

Когда мы замолчим,
заговорят
Цветы, деревья, бабочки, травинки,
Тихонечко протопают тропинки
Прочь со двора,
куда глаза глядят.

Когда мы замолчим,
очнется дом,
Начнет на все лады скрипеть и щелкать,
Сам за собой подсматривая в щелки,
Вдыхая ночью, отдыхая днем.

И, накреньясь, пройдет тяжелый шмель
Над ноготками, как бомбардировщик,
И гул его за ним помчится к роще,
И вдаль, и вдаль,
за тридевять земель.

Тугие стебли, серые плетни –
Им хорошо без нашей болтовни.
Мы чушь плетем, как инопланетяне,
Припарковавшись шумно за плетнями.

Когда мы замолчим,
 когда уйдем,
Когда отчалит лайнер межпланетный,
Траве шепнет огарок сигаретный:
«Спаси меня!» – на языке чужом.

Бродит речка в крутых берегах,
Ядовитой вздымается пеной,
И у леса на черных рогах –
Равнодушные звезды Вселенной.

А за лесом мостится жильё
К небу, к небу, повыше, повыше,
И терзается сердце мое
Тем, что носит, и видит, и слышит.

Помнишь, мама, того дурачка
С пионерским сияющим горном?
Это я – неживая река,
Это я – громоздящийся город.

Сердце – словно змеиный клубок,
И болит, и признаться не хочет,
Что наделал твой бедный сынок,
Что с собой сотворил твой сыночек.

Ножом автострады туманы режь,
На город озябший мажь.
Отправь в отставку авиарейс
В Самару, полет на Марс.

Под непроглядным твоим лицом,
Мерцающим сквозь клубы,
Умрет, что было пылью, листвою,
Выживут лишь клопы.

Спаси с «Титаника» саранчу,
 Дай укорот январю.
 Надень-ка варежки, бормочу,
 Надень-ка шарф, говорю.

В свой закром спрячь меня. За кордон
 Тягучих туманных дней
 Закинь. Тепловизор включи. Закрой
 Теплильник свой поплотней.

Пересижу клопов, мышат,
 Рожусь троглодитом вновь.
 А сверху смотрит моя душа,
 Как мерзнет моя любовь.

Ты задыхаешься, пыхтишь, отдуваешься.
 Ты – акушер мертворожденных идей,
 А жизнь дается, чтоб лежать в одуванчиках
 Да в зачарованное небо глядеть.

Даль – бесконечная, итог – промежуточный,
 Кто выжил, те спорят, выжил ли Бог.
 Перелетает под седым парашютиком
 Над пепелищами сиротка-любовь.

Сколько ее носится, ничьей, оставленной,
 Вылетевшей из расстрелянных душ.
 С нею ты не скурвишься при Гитлере, при Сталине,
 С ней не отречешься от небесных дружб.

А коли отречешься, то ограждающим
 Милосердным облачком приземлится смерть
 И вызволит тебя, чтоб лежать в одуванчиках
 И в зачарованное небо смотреть.

ТРОМБ

Ты прирос,
 Укрепился,
 Навеки ты здесь окопался,
 Матерел,

И гордился,
И крепко за место держался.
Время льется и длится,
Пространство скукожилось,
Точно
Его юрисдикция – это бессрочная прочность.
Прирастаешь ты
Скромным геройством,
Достойным апломбом...
Был ростком,
Был наростом,
А стал оторвавшимся тромбом.
И тогда оказалось,
Что время на месте стояло,
Даль никак не кончалась
И в длинном тоннеле светало.

СПЛАВ ПО ИСЕТИ

Долго камням стоять еще, стариться и лысеть,
Много веков стоять еще.
В эту оправу грубую твое серебро, Исеть,
Врезал Урал-талантище.

То ли змеи скольжение, то ли полет ножа.
Все здесь по-настоящему.
Долго реке бежать еще до смертного рубежа,
Долго камням стоять еще.

Бурно, по нарастающей, медленно, под уклон,
Как «Вести» по телеящику.
Хмурый Урал навесит на шею тебе кулон,
Каменный, серебрящийся.

Все здесь по-настоящему. Золото – с голавля,
Платина, щедро, – с жереха.
А ты отдавай-ка душу за пять минут у руля,
За вечность ночного берега.

Не перевозмочь течения. Века не переждать.
Все здесь по нарастающей.
Не отдариться мелочью. Долго реке бежать.
Долго камням стоять еще.

У самых райских кущ, у входа,
Скулит прозрачная погода:
Нет-нет, да дождичек всплакнет,
Лягушка из-под кочки квакнет,
Под сапогом грязюка чвакнет,
Рыбешка в озере плеснет.

Едва слышны в тумане лодки.
Костер затеплить, хлопнуть водки,
Умыться сонною водой.
Под равномерный скрип уключин
Начнется день, велик и сучен,
И будет длиться день-деньской.

А где-то рядом вечность длится,
И завтра вечность повторится,
И все беспечно повторит.
И польхнет закат пунцовый,
И вечер теплою пыльцою
Залива гладь позолотит.

Размажет небо грязная вода,
Сползет под ноги.
Всплывут, хватая воздух, города,
Замрут подлодки.

А человек дороги не найдет
В тумане сером
И, как на дно подлодка, упадет,
Не чуя сердца.

Расправит равнодушная беда
Седые крылья
Когда-нибудь, когда-то, никогда,
В дождливой были.

Но пара умирающих антенн
Нам шлет сигналы
Из никогда: не все, ребята, тлен,
Не все пропало...

Людмила Левина

г. Москва

НАШ МИР

БЕЛОСНЕЖНЫЙ НАРЯД

На ветки деревьев снежинки летели –
Нарядными стали березки и ели.
Стоят неподвижно под первым снежком,
Любуясь друг другом, вздыхают тайком:
«Сберечь бы хотелось нам белый наряд,
Но только от ветра снежинки слетят...»
Услышала вздохи синичка одна
И веткам пушистым пропела она:
«Не стоит грустить и вздыхать без надежды:
У зимушки много прекрасной одежды –
Подарит не раз белоснежный наряд.
В запасах ее не один снегопад».

ЛЕСНАЯ СНЕГУРКА

Все деревья побелели
И под тяжестью снегов
Ждут, когда придут метели,
Чтоб смели густой покров.
Только серая коряга не волнуется ничуть:
Роскошь белого наряда

Ей не хочется стряхнуть:
«Пусть подольше снег обильный
Украшает силуэт,
Мне идет искристый, стильный
Снежно-белый зимний цвет!
Образ высохшей старушки
Навсегда хочу забыть,
Чтоб не серенькой дурнушкой,
А снегуркой белой быть!»

СНЕГ ИДЕТ....

Снег идет и днем, и ночью.
Захватить планету хочет?
Нет, конечно! Просто он
Позабыл, что значит сон.
Оттого не засыпает,
только землю засыпает.
Как же снегу нам помочь?
Мы не сможем. Только дождь
Знает сонные секреты:
Звуки капелек-монеток
В сон сумеют погрузить
И надолго усыпить.
С наступлением весны
Дождь подарит снегу сны.
И тогда забудем мы
Снег до будущей зимы.

СНЕЖНЫЙ ТОРТ

Снег летел, летел повсюду –
Нарядил и лес, и дол.
Во дворе сготовил блюдо:
Снежный торт на целый стол.
Для готовки блюд на стуже
У зимы рецепты есть –
Получился торт воздушным,
Ведь снежинок в нем не счесть!
Для кого зима старалась?
Кто десерт огромный съест?
Для лучей весенних – радость:
Торт съедят в один присест!

МНЕ ПРИСНИЛСЯ СНЕЖНЫЙ КОТ...

Мне приснился снежный кот,
Решено – слеплю!
И слепила. У ворот
Он меня все время ждет –
Я кота люблю!
Там, на страже у ворот,
Будет до весны.
– А потом уйдет в поход?
– Нет! Потом растает кот
И вернется в сны.

ПОДСНЕЖНИК – МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ!

Под снегом спят цветы и травы,
И лес еще в глубоком сне.
Но скворушка, веселый, бравый,
Запел сегодня о весне.
Сквозь сон, глубокий, безмятежный,
Под белым снегом, в тишине,
Красивый маленький подснежник
Услышал песню о весне.
И он проснулся моментально,
Встал, пробузив холодный слой,
Расцвел на первой из проталин
Красивый маленький герой!

ВЕСЕННЕЕ ТРИО

– Скоро, – всем трещит сорока, –
Расцветет весенний луг.
Нашу зиму-лежебоку
Позабудут все вокруг!
– Как об этом ты узнала? –
Удивился воробей. –
Если будет снега мало,
Если выпрыгнет ручей,
Лишь тогда весна примчится.
Но пока лежат снега,
Не видать нигде водицы,
Нет и первого цветка.
А сорока: – Есть примета:
Если шел лесник зимой,

Снежный хруст вещал об этом.
 Но теперь снежок немой.
 Утром солнце ярче светит,
 Будто льется через край,
 И свистит веселый ветер
 Песню «Зимушка, прощай!»
 – Точно, снег довольно тихий, –
 Воробей в ответ кричит. –
 И меж сосен ярче блики,
 Что с утра дают лучи.
 Предлагаю вместе с ветром
 На два голоса с тобой
 Громогласно петь дуэтом,
 Что прощаемся с зимой.
 И сорока говорила:
 – Я согласна петь мотив,
 Только если с ветром – трио
 Назовем наш коллектив.

СНЕЖОК-РУЧЕЕК

Зима уходит, снег осел
 И больше не искрится,
 Под ярким небом потускнел,
 Поджал свои границы.
 Вздыхает: – Был я молодым
 В холодную погоду,
 Теперь под солнцем золотым,
 Как дед седобородый.
 Весна ему: – Что ж, если ты
 Захочешь вновь искриться,
 Исполню я твои мечты,
 Но станешь ты водицей.
 – Хочу, – ответил ей снежок, –
 Стать юным и блестящим.
 И... превратился в ручеек,
 Сверкающий, бурлящий.

ЛЕТНИЙ ЛУГ

Июль. Погожие деньки –
 Как хорошо вокруг!
 В ромашки, клевер, васильки
 Одедся летний луг.

Поют кузнечики с утра,
И пчелам петь не лень,
Гудящей тучкой мошкара
Летает целый день.
И только черный жук притих
В ромашковом желтке,
Он никуда не полетит –
Гадает на цветке.

УРОЖАЙ ЯБЛОК

Красным, желтым и зеленым
Нам сигналил светофор –
Так, лучами озаренный,
Летний сад зовет на сбор.
Красный, желтый и зеленый
У созревших яблок цвет,
Вкус у них непревзойденный –
Лучше торта и конфет.
Приглашает всех садовник,
Чтоб снимали урожай:
– С яблонь просится в ладони –
Поскорее подставляй!
В сад шагают по тропинке
Все, кто слышал этот зов,
И ведерки, и корзинки
Наполняют до краев.

ЛЕТО КОНЧИЛОСЬ ВЧЕРА...

Лето кончилось вчера,
А сегодня осень:
Ветер с самого утра
Пыль гоняет вдоль двора
И листву разносит.
Над газоном, сделав круг,
Осыпает розы
И торопит птиц на юг,
Но пока осенний друг
Не зовет морозы.

Светлана Леонтьева

г. Нижний Новгород

СОХРАНЯЕМ ЖАР-ПТИЦ Я ЖАР-ПТИЧЬЮ НАДЕНУ РУБАХУ

В иерархию эрзянских фонемных пустот,
как мне, языков сих не помнящей, встроиться?
И как не вкусить мне от этих щедрот?
Как бабушек этих понять – в замусоленных
халатах фланелевых, стоптанных тапочках?
О, как они ловко орудуют, быстро так
узлами скрепляют масксетные тряпочки,
масксети –
защита от вражеских выстрелов...

Я не понимаю слова по-эрзянски,
но губы мои шепчут нечто заветное,
и челюсть выпячивается мокшански
во что-то сияющее,
в что-то светлое.

Какие же ловкие пальцы у школьников,
какие же светло-кудрявые локоны!

Они молоком расстилаются шелково,
текут по затылку, по шее и около.

Я здесь научилась молчать очень громко
и тихо кричать, словно бы онемело.
...Плету из волос я своих да из тела,
плету из себя, из своих рук я тонких!

И хватит о личном, о блеклом, мещанском!
В нас всех потаенное жжется мокшанство
из финно-угорского века четвертого,
на нем мы жалеем Христа распростертого.

И травы здесь тоже – большие, нагие,
деревья высокие. Древность. И давность.
И жизнь распростерлась, как счастье и гибель,
язычества духи к иконкам прижались.

Плетем вместе сети в углу самом дальнем,
на фото, смотри, это я – молодая,
и старая – я,
и такая седая,
и школьница я в новом платьишке бальном!

Не в этих ли мордовских лесах ты утеряна,
Не плачешь обо мне, не молишься, не радуешься, не витаешь?
Где ты меня не ищешь, сестра моя первая?
не в этих ли эрзянских мелколесьях – большая,
как это облако?
Сестра моя, сестриченька!
Не в этих ли лесах не протягиваешь руку мне?
Не в этих ли лесах не кажешь мне личико?
Гюльчатаяй, старуха-Яга, моя куколка?

Не в этих ли лесах не нужна я тебе, отгорожена?
Не в этих ли лесах ты кинула меня окончательно?
Что ни дерево, то птица, что ни птица, то конь стреноженный,
что ни солнце, то круг за семью печатями!
Углубляюсь в лес, углубляюсь в чащу я,
рядом чужие следы, дрожащие.

Но где твой след, где ты мне не оставила?
Где твои пальцы, под каждым – по музыке,
выворачивающей мне ребра октавами,
где широкая – я, прохожу в устья узкие?

Каждый ворон, как будто Иван Златоустный мне,
каждый куст, словно Петр-царь и древний апостол мне.
У нас разные были отцы, мать общая,
где, сестра, ты не ищешь меня, за той пустынью?

Ничего нет привольней в висок твой уткнуться мне,
где седые твои патлы колются лысые!
Эти елки стоят, словно римские нунции,
словно греческими и персидскими сфинксами.

Это Индия духа твоя, Кришна с Брахмою.
Чем не кормишь ты их, как не потчуешь сахаром?
Вот из этих деревьев крест получится Яхве,
вот на этих осинах Иуда повесится.
«Жил на Лупье-реке, жил на Мокше, Сивини он,
богатырь!» – это то, что не скажет нам крестница.
Твои тонкие-тонкие не вижу я линии.

Ты отвергни меня, тебя вечно искавшую,
оттолкни ты меня, к тебе вечно спешившую.
Углубляемся в лес, углубляемся в чашу мы,
рядом чьи-то следы, чьи-то рифмы дрожание!

Я иду, где не ждешь ты меня. Разве бывшими
могут сестры бывать? Если мы корневищами
в своей матери, в чреве ее оплетаемся,
заплетаемся ножками, телом и пищей мы,
оплетаемся белым младенческим аистом,
нас находят в капусте Вселенской – детишками,
нас приносят в одном клюве розовых, голеньких,
мы одними рифмуемся в мире глаголами
от Кирилла с Мефодием!

Об это слово я истерла рот свой:
Сивинь – мордовское, приточное село.

Сивинь – почти Сибирь, почти домой,
не я к нему пришла.
Оно – пришло,
Сивинь, как будто «Крым наш», полуостров.

Плетем мы сети. Вяжем. Тонок жгут,
о, как проворны пальчики Сивинья!
И, вправду, сети там, на фронте, ждут...
И женщины, сельчанки, приходили
на лавочках сидели и плели,
вот так плывут в Итаку корабли,
вытачивают скалы из земли:
щемяще, гордо, по-эрзянски остро!

ВРЕМЕНА НАБАТА

На нейтральной полосе дай Бог вам
отсидеться.
Дом, работа, сад.
...Тысяча шестьсот двенадцатого года
слышится набат.
В Новгород прорвалось войско шведов
через Чудинцево по реке-Волхве,
а в Москву проникли ляхи, мед отведав,
да на трон воссели во главе.
Смута, смута, как в ней жить поныне?
Как же так случился недогляд?
Но на площадь вышел Козьма Минин:
– Нужно золото, нужен меч-булат!
И с тех пор мне слышится набат.
Рвет мне кожу, сквозь лопатки стынет.
Вот они стоят – мои родные
Князь Пожарский и торговец Минин,
войско собиравшие в уряд.
И собрали. И отвоевали.
Прочь, Отрепьев Гришка! Мнишек, прочь!
Но пожарищ пепел и окалин
не унять,
забыть,
не превозмочь.
Прорывается сквозь время, рвет мне пальцы
музыкой набата сквозь кулак.

Вновь пора под Мининым собраться:
– Убоись на Русь соваться, враг!

Наденут с мордовским узором рубаху,
на воротнике шиты кони и зайцы.
Не все же мне замуж ходить! Отдаваться
так, как я люблю – с размахом и махом!

Наденут с мордовским узором юбку,
а по подолу цветы золотые.
Меня люди помнят, как правдорубку
и также забудут: они же святые!

Когда говорят: смерть ужасна. Не верьте.
Лежат кверху пузичком. И краше шерсти
не видела я у мышей – серых, длинных:
лежат на обочине в саже и глине.

И переливаются в травах кишками.
Пра-памятными детскими языками
я здесь говорю.
Так, как все здесь, мокшане.

Наденут на голову шапку с ушами,
расшитую бисером так, как люблю я.
Снег – это в перчатках дождь, липнувший к раме,
дождь – это есть снег без перчаток в июле.

Какие перчатки? О, нет, не могу я
смотреть на обыденность и на мещанство!
Себя бы засунула я, как перчатку
Мордовской Сивини! Дай, Шкай-Оцю, счастья
вот этим сельчанам!

Ты емь здесь огромней мордовской кастрюли!
Всегда на Руси Русь убогих врачует,
убитых, раздавленных Русь воскрешает.
Ее пропихнули вдоль узеньких улиц –
широкую Русь
повдоль улиц мокшанских!

Читай по губам! А я научилась
читать по рукам: маскировочных сеток
по узелкам: их сто сорок тысяч,
и каждый моими руками продетый!
Вот этими
тонкими
пальцами! Этим
моим искривленным остеопорозом,
петляющим с ленточками виртуозно!
Читай по рукам ты!
Ни в Турцию я, ни в Египет с Майями,
в Японию ехать, как быть дураками!

А я здесь осталась, где бабки с склерозом,
а я здесь осталась, где церкви стояли,
проросшие крепко корнями, веками.
Читай по рукам ты!
Здесь осень. Здесь просинь. Здесь пахнет котами,
всем детством моим пахнет, праязыками
моими славянскими – Камо грядешь ты,
аутентичными! И пахнет рожью!

Слушай меня! Говорю, как руками я!
И говорю крепкими узелками,
словно мужскими крутыми словами,
словно бы женскими нежными трогаю.
Все-все! Масксети – когда под покровом мы
от вражых пуль, от ракет, взрывов атомных.
Этими вот я руками так плакала!
Этими вот я руками рыдала!
Город – он голый с детьми и дорогами,
с глиной, песками и красноталами,
электростанциями. Скажу правду вам!
Этими сморщенными я руками!

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА

«ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

1
МЕСТО

Яна Ишмухаметова

г. Санкт-Петербург

ПТИЧЬИ ПЕСНИ

Птицам за песни не платят, они поют,
следуя зову сердечному,
Божьей воле.
Бросишь на землю крошки –
они склюют,
в небо помчатся с вестью о хлебосоле.

Наперебой рассказывать станут, что
ты угощал их семечками и салом...
Птице подобно, бедное свей гнездо –
станешь крылатым,
коль будешь доволен малым.

Я маленькую Эмму веду к большому храму,
где нам пообещали бессмертье подарить,
давно неизлечимо больна у Эммы мама,
и я, увы, не в силах ей маму заменить...

Ни плюшевая нерпа, ни новые мелочки,
ни салочки, ни прятки ее не веселят,
и маленькая Эмма, поднявшись на носочки,
с иконы чудотворной не опускает взгляд.

А я молчу, стараясь, стараясь очень сильно
не дать свободы горьким беспомощным слезам,
и слышу, как исходит от образа кадильный,
как будто настоящий, душистый фимиам...

И Эмма, рассмеявшись, мне говорит:
«Послушай,
теперь я знаю точно, что мама не умрет,
я видела на небе сияющие души –
как дивен и прекрасен свободный их полет!»

Кукушка плакала в ночи
зимой унылою.
Твои тугие кирзачи
слезами мыла я,

ведь мне с разлучницею злой
никак не справиться...
«Жена – женой, война – войной,
моя красавица».

Кукушки плач в ночи глухой
давно не слышится.
Ты умер.
На передовой.
И мне не дышится.

Моя любовь подобна сорнякам,
в твой буйный сад пробравшимся украдкой, –
ты вырвешь их,
они, прильнув к рукам,
несмелые оставят отпечатки.

И даже в этом, нежностью томясь,
я угляжу невиданную милость,
так небом недозволенная связь
молитвами твоими
не случилась.

Я бы хотела съездить с тобою в Северск,
Новокалиново, Марьинку, Часов-Яр:
там, на полях уставших, лиловый вереск
артиллерийский клонит к земле удар.

Ты на прощанье сказал мне:

«Иди по следу,
птичьему следу,
скользящему к небесам».

Можно, я тоже...

Тоже с тобой поеду?

Можно, я никому тебя не отдам?..

Сердце мое не сердце уже, а море:
чаек отчаянных слышен надрывный гам.
Свежей землею пахнет большое горе,
можно я и земле тебя не отдам?..

По темному лесу иду, спотыкаясь,
на ощупь иду, наугад.

Я пламенно верю и истово каюсь:

«Прости меня, я виноват!»

Соделавший ухо, я знаю, ты слышишь,
придумавший око, ты зришь.
И сердце становится глубже и тише,
в него ты, как в бубен, стучишь!

Владыка, гляди-ка, уж звезды погасли,
и птицы умолкли в глуши...

Приди и возляг в сиротелые ясли
моей бессловесной души!

Решили в землю тебя втоптать
ботинком грязным?
Послушай, чадо:
ты – семя!
Семечку ли не знать
о жизни вечной под сенью сада?

Чем глубже втопчут, тем выше ты
поднимешь голову через время...
Ни зла не бойся, ни темноты –
расти тихонечко,
Божье семя!

Не беспокойся, друг, о дне грядущем,
Ведь в настоящем радостнее жить!
Кофейную разглядывая гущу,
Спокойствия души не сохранить...

Пути Господни неисповедимы...
Все суета, все суета сует!
Мы – странники, скитальцы, пилигримы,
Идем на свет.

Я певчая в заброшенной церквушке,
мне подпевают птицы и лягушки,
и хор кузнечиков, от радости ликуя,
провозглашает миру:
«Аллилуйя!»

Я причащаюсь зернышком ячменным,
я знаю, милосердные блаженны,
и потому-то от рассвета до темна
перечисляю ваши имена.

Христу Спасителю, Отцу, Святому Духу,
в закрытое шепчу от взора ухо:
«Помилуй, мол, того-то и того-то...»
И соловей, высокую взяв ноту,

гнездится на земле и засыпает...
И чудится мне, что благоухает
цветочный ладан – жертва для Царя,
и я сама усну у алтаря...

Вот чему меня научила Индия:

если хочешь
быть богатым,
раздай, что имеешь, нищим –
не жалея для них денег, одежды, пищи.

Не жалея самого себя,
раздавай – не думай,
за какую ты приобрел эти вещи сумму.

Накорми бедняка,
если хочешь насытить чрево,
если яблоко съел – сумей посадить и дерево.

Если хочешь быть в добром здравии,
сядь, послушай:
исцели для начала уставшую свою душу.

Видишь, там на картонке лежит калека,
знай, он тоже достоин звания человека...

Знай, что каждый, кого ты встретишь,
посланник Бога –
от уборщицы на заправке до гуру-йога.

2 МЕСТО

Арина Гаврюшина

г. Москва

ТЫ И Я

У ПОДОКОННИКА

Златокудрое море березовых крон под окном
 Рыбы фары распучив машины шнуруют в пучине
 где как саваном черным асфальтом застелено дно
 обреченное лишь иногда
 от шагов большегрузов
 пружинить

Зябко ерзает в кончиках пальцев колючая дрожь
 сотни сотен заноз с невысокого деревца жизни
 сотни сотен берез облетят прежде чем ты поймешь
 путь от бездны к небесным вратам
 невозможно тебе пройти
 без них

Я смотрю в глубину то своей запыленной души
 то проспекта бурлящего пенящимся листопадом
 можно боль мять в ладонях во всем обвинив миражи
 можно дальше карабкаться вверх
 поменяв траекторию
 взгляда
 тут уж сам ты реши

Подбородок задрал,
я зажмурю глаза.
Верь – полезней,
чем чай из женьшеня,
Фиолетово-огненная белизна,
Счастье солнечного мельтешенья.

Я бесстрашно пушусь
в даль, где блики рябят,
Через
– душу слепящую –
рощу,
Прямо в непроходимые дебри себя,
Жизнь и свет познавая на ощупь.

Веки сжав,
сквозь века проскользну,
как во сне,
И четыре великих потока
Мимо красных,
и синих,
и черных теней
Увлекут меня к райским истокам.

Знаю точно, я тут родилась.
Здесь меня
Помнят рыбы,
и звери,
и птицы.
В этот мир под покров вечно ясного дня
Суждено ли мне вновь возвратиться?

Подбородок задрал,
я внимаю лучу,
Позабыв, как бездушна дорога.
Кто-то грубо ударит меня по плечу,
Кто-то крикнет: «Слепая!»,
А я прошепчу:
«Нет,
я вижу теперь слишком много».

Вневре́мье
ноябрь в зените
но сердцу он
забавно чужд
я вне времен
и сердце видит
апрель в зрачках
осенних луж
я вне времен
и в мутной жиже
мне слышен
колокол ручьев
и от дождя
от слез
от жизни
душе легко
и горячо.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Где-то там – шум машин. Только мне все равно
Средь домишек, вдали от домищ. И
До зари, сбившись с ног, соловьиная ночь
Сон бесследно исчезнувший свищет.

За версту – ни души. И я снова дышу,
Тишиной теша душу, и снова
Мне легко. Знаю, где-то – машины и шум.
Здесь – я слышу шаги домового.

Мне легко. Молоко с сахарком под порог
Положу, прошептав: «баю-баю».
Городища гудят, а ты спи, городок,
Я сегодня твой сон охраняю.

В переулке маячит растрепанный май,
Небосвод звездным бисером выткан,
И скребется, смешно лепеча «баю-бай»,
Лето веткой сирени в калитку.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Январь
расплавил ночь
в трескучей белизне
но как во сне
мне
было жарко
от мороза

душа
дрожа
упала на колени в снег

душа
заплавав
в небеса уткнулась носом

а я стояла неподвижно в стороне
и не решалась задавать тебе вопросы

Никто не слышал, да и вряд ли б смог понять
о чем ты
тая от стыда
крошила слезы
от глаз чужих
и от себя
и от меня
укрывшись под крылом
епитрахили звездной
к земле склоняясь
словно свечка
от огня

все так же мысли звонко обжигал мороз
но
я вдруг почувствовала тихое тепло
как будто треснул лед всех недомолвок прежних

душа
заканчивала исповедь без слов

душа
поднявшись
протянула мне подснежник

ТЫ И Я

Дожди и ветры
обнажают естество.
Я знаю, осень,
ты –
возмездье
и награда.
Как жженный сахар на зубах
хрустел когда-то,
Так тротуар хрустит
опавшею листвою.
Ты скоро смоешь мишуру
с древесных тел
И явишь черные
запутанные ветки.
Я сразу вспомню,
что,
за исключением редким,
Дни лета разошлись
в мотках бесплодных дел.
Ты не осудишь
эту ветреность деревьев,
А я взамен прошу тебе
твое смирение,
Что заставляет
опуститься на колени,
Перед твоим
величием
кротким
оробев.
Себя увидят
в отраженьях луж сердца,
И ливень слез
вернет их
в русло благодати.
Нет, осень – это не конец,
Но может стать им,
Не став началом
избавленья
от конца.

2
МЕСТО

Елизавета Евстигнеева

г. Москва

МОЛИТВЕННЫЕ ЯМБЫ

1

Вот чудо из чудес – осенний свет.
И необъятность жеста, миг по краю,
Которым приближаешь чудо к раю.
Вся жизнь – ранеткой спелой на просвет.
Один укус – и нет уже той сласти.
Но в океане человеческих лет
Молитва и стихи – вот наши снасти.

Тебя не смечь, тебя не побороть.
Мне страшно говорить о том, что рушу.
Как всякую отчаянную душу
И всякую отчужденную плоть
И, как плотину защищают дамбы, –
Так защищаешь Ты меня, Господь.
А я пишу молитвенные ямбы.

2

А что ночами делают иконы?
Вдруг – вздрагивают от икоты,
Когда их чей-то грешник вспоминает?
И Мать сильнее Сына прижимает.

А может, все прозрачнее и проще:
Им тоже снится город, рынок, площадь,
Грешить идут веселенькие дети,
А им – висеть на стенах в майском свете

Друг с другом – от рожденья до закланья...
Ахтырская и Сладкое лобзанье,
В пасхальном свете длящийся мотив.

...Не выходя из замкнутого круга,
Две Матери смотрели друг на друга,
Молчанием друг друга перебив.

3

Летит бесхозный майский пух.
Через вчера летит в сегодня.
Сегодня – плоть, а завтра – дух.
И Вознесение Господне.

4

А в церкви тихо, в церкви ладно
И даже если вьется ладан,
И даже если никого.
Но почему же так досадно
В упор смотреть на божество?

Здесь все одические рати
И элегические яти.
Сюда пришедший знает всяк:
Не спрятаться от благодати
И не собрать ее в кулак.

Никто меня не прогоняет.
В тот миг душа моя взлетает
Туда, где лишь Она и Ты...
Но целый воздух отделяет
Меня от этой полноты.

5

От нас уходит тополиный пух,
И тени удлиняются багровые.
Слабеет зренье, догорает слух,
Слова дряхлеют – древние и новые.

Душа на ощупь ищет Божий Дух.
Я об одном прошу Отца скорбящего –
Уйти за Ним как тополиный пух
По зазеркальной глади настоящего.

6

К.Ш.

И кажется: в молитве столько слов,
На столько букв закрыт ее засов,
Что отделяет Бога от меня...
Где здесь прилечь и где зажечь огня?

И я иду на ощупь, жгут слова,
Иду за контур внутреннего рва
И разжигаю дух – как боль, как стих:
За Господа, за Матерь, за святых.

И вот горит огонь, чтоб мне стенать
За праотцов, прадочерей, прадядь...
И вспомнить, подходя к концу: а мы?
И выдохнуть короткое: аминь.

3 МЕСТО

Дарья Александрова

г. Самара

ЛЕСОРАЗВЕДЕНИЕ ДУШИ

Моя душа как почва на обрыве,
Где ветер гнева и безверья дул,
Где ливень слез в отчаянном порыве
Последний корень веры пошатнул.
Иссякли родники былых доверий
И обнажилась глина пустоты.
Лишь пыль обид, сует и суеверий
Клубится над равниной темноты.

И не растут на ней цветы бывшие –
Ни радости, ни страсти, ни любви.
Шипы терновника, ехидные и злые,
Да горькая полынь кипят в крови.
Всё больше углубляются овраги,
Где некогда ручьи стихов текли.
Теперь в них не найти уже отваги,
Чтоб вновь цветы надежды зацвели.

И вот душа – как вытоптаный луг,
Как целина, не поднятая плугом,
Где новый стебель переживал испуг
И жалко падал, захворав недугом.

Как сложно этому давать отпор!
Мне время стало и врагом, и другом.
Но я пойду судьбе наперекор
И разорву ту связь с порочным кругом...

Нет сил терпеть развал, распад и крах!
Я исцелю все раны и все шрамы!
Леса из музыки воздвигну я в веках,
Чтоб вихри лжи не разыграли драмы.
Террасами из мудрых книг и встреч
Я укреплю души крутые склоны,
Чтоб веры трепетный огонь зажечь
И возвести надежды бастионы.

И вот уж слышу, как трава растет
И камни шепчутся под сенью скал,
И каждый ручеек во мне поет
О том, о чем я прежде не слышал.
И в этом хоре, в этом торжестве,
Где жизнь сама себя венчает вновь,
Душа моя, подобная листве,
Вбирает свет, и веру, и любовь.

3 МЕСТО

Елисей Липатов

г. Чехов, Московская область

НА ЯЗЫКЕ ПРИРОДЫ

ЗЕЛЕНЬ БАРХАТ

Зеленый бархат под ногой,
Простор, залитый синевою.
Качает ветер ковыли,
Клоня колосья до земли.

Ромашки смотрят в небеса,
Блестит на клевере роса,
Звенит пчелиный хоровод,
Во всем незримый жизни код.

Здесь пахнет медом и смолой,
Кипреем, мятой луговой,
Тут облака, как корабли,
Плывут задумчиво вдали.

Приляг, закрой на миг глаза,
Услышишь мира голоса,
Как сердце луга бьется в такт
С твоим... И это добрый знак.

ВЕТЕР

Ветер рыщет по опушке,
Ветками по крыше бьет.
Вьюгой лижет дверь избушки,
Волком воет в дымоход.

Выдувает ритм фокстрота,
Водит снежный хоровод,
Веет хладом на болота,
Выстилая настом брод.

Валит мягкие сугробы,
Волны катит по полям,
Ведь шалит разбойник, чтобы
Веселее было нам.

Встану рано. Будто в сказке!
Все вокруг белым-бело.
Вытащу на двор салазки,
Вон как горки намело.

Валенки на босу ногу,
Выбегаю из ворот.
Выть* родная вниз по логу**,
Восхищение берет!

*Выть – земля

**Лог – овраг

ГРОЗА

Мир вздрогнул, снято наважденье,
Сошла душившая жара.
Еще единое мгновенье –
Из-под лазурного шатра

Потоки пенные, лихие,
Дар зачарованных небес,
Вобрав разряды грозовые,
Омыли изнуренный лес.

Впиталась благодная влага
Из вод бездонного ключа,
Гусей крикливая ватага
Взметнулась в небо, гогоча.

Порывы ветра треплют перья,
Стихия рокотом грозит,
Но клин пернатых, ей не внемля,
Над новью долгою парит.

Крылами ветер собирая,
Младым указывая путь,
Вожак, ненастье презирая,
Свободу им дает вдохнуть.

Еще увереннее взмахи,
Острее взгляд, ровней полет,
Ушли волнения и страхи,
Борей пред дерзкими сдает.

И солнца луч, пронзая тучу,
В алмазах радужно горя,
Триумфу смелости кипучей
Воздвигнул арку, хлябь зоря.

В ЛАЗУРИ НЕЖНОЙ НЕБОСВОД

Пришла кудесница – Весна!
Жизнь пробудила, отогрела,
Устав свой утвердила смело,
Сведя все сущее с ума!

В лазури нежной небосвод
Пернатых гомоном полнится,
Любовь потоками струится
И проникает в толщи вод.

И очень скоро соловьи,
В родные возвратятся пенаты,
Чувств романтических делегаты,
Засвищут музыку любви.

И снова зацветут сады,
Благоуханиями вея,
И мы, от запахов пьянея,
Черпнем живительной воды.

СПЕШИТ ЗИМА

Коврами пестрыми укрытая земля,
Пропитанная холодными дождями,
Мороз о снисхождении моля,
Шуршит слова увядшими листьями.

Торопит зиму царствие принять,
Прийти скорей с прекрасными дарами,
Ненастье серое унылое унять,
Свет облачить пуховыми снегами.

Спешит зима в санях из хрусталя,
Вперед себя Борея посылая,
Живому отдых благодный суля,
Мир кутая от края и до края.

Метая жемчуг царственной рукой,
Мехов драгих продрогшим не жалея,
Несет природе сладостный покой,
Истоки жизни бережно лелея.

Багрянцем радостным залиты небеса,
Серебряной каймой покрылись реки,
Царица расточает чудеса,
Благое пробуждая в человеке.

БАБЬЕ ЛЕТО

Улыбка года, дар прощальный,
Природы тайная игра,
Предвестье грусти увядальной,
Тепла недолгая пора.

Птиц беспокойных хороводы,
Лет паутинки легкой вдаль,
Листов цветные переходы,
Беспечной жизни пастораль.

Покров туманный, трав шуршанье,
Небес прозрачных глубина,
Лесов степенное молчанье,
Букашек праздных кутерьма.

Согреет душу и отринет,
В златую осень обратясь,
Дождем промозглым охолонет,
С гусиным клином ввысь умчась.

**ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА
«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ»
2026 ГОДА**

«ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория
от 14 до 35 лет

Ангелина Доценко

г. Батайск, Ростовская область

СЛОВА-САЖЕНЦЫ

САДОВНИК ДУШИ

Когда впервые делишь пополам
Свою конфету с другом, не жалея,
Ты строишь в сердце свой незримый храм,
Где доброта становится смелее.

Зерно упало в рыхлый чернозем,
Поступок честный стал водой живою.
Мы этот сад сквозь годы пронесем,
Укрыв его от бури головою.

Сорняк обиды вырви поскорей,
Не дай ему глушить цветы надежды.
Среди закрытых наглухо дверей
Не будь таким, каким ты был и прежде.

Взрасти в тиши прекрасные цветы,
Прощенья розы, лилии участка.
Садовник главный здесь, конечно, ты,
Творец своего собственного счастья.

Пусть расцветает внутренний Эдем,
Даря плоды любви и сострадания.
Он станет лучшим из твоих поэм,
Итогом жизни и всего старанья.

ПРИВИВКА

Я чувствую, как мир дрожит внутри,
Когда чужая боль стучится в двери.
Она приходит тихо, до зари,
И я впускаю, хоть порой не верю.

Как будто ток бежит по проводам,
Чужая скорбь становится моею.
Я часть души безропотно отдаю,
Иначе просто жить я не умею.

Прививка слез, отчаянья и бед
Меня не губит, только закаляет.
В чужой ночи ищу я слабый свет,
Который тьму навеки разгоняет.

И каждый шрам на сердце – не вина,
А знак того, что мы едины с вами.
Я выпью эту чашу всю до дна,
Чтоб мир согреть простыми именами.

САД ВНУТРИ

Когда вокруг сгущается туман,
И мир глядит с ухмылкой ледяной,
Не верь в его безжалостный обман,
А просто будь в ладу с самим собой.

Внутри души есть маленький росток,
Он хрупок, словно первый луч зари.
Пускай летит насмешек злой поток,
Ты этот свет заботливо храни.

Цинизм – как яд, что травит корни трав,
Он сушит все, что искренне цветет.
Но ты, закон любви в себе приняв,
Растопишь даже самый толстый лед.

Взрасти свой сад, где вера – как стена,
 Где доброта – живительный родник.
 Пусть в сердце вечно царствует весна,
 Чтоб ты к теплу и радости привык.

САНИТАР ЛЕСА

В лесу словесном, где густеет мрак,
 Брожу с метлой, как дворник или лекарь.
 Здесь каждый стих – не просто так пустяк,
 А светлый луч для сердца человека.

Среди коряг обид и пней тоски,
 Где злоба вьется липкой паутиной,
 Я убираю грязные куски,
 Чтоб мир опять казался нам единым.

Поэт – не бог, он просто санитар,
 Что лечит души рифмой, словно мазью.
 Он раздувает творческий пожар,
 Сжигая ложь с ее прилипшей грязью.

Пусть будет чист духовный небосвод,
 Без дыма ссор и копоти сомнений.
 Мой труд простой: полоть за годом год
 Сорняк пустых и злых хитросплетений.

Дыши легко, вдыхая этот слог,
 Ведь слово – фильтр для мутного потока.
 Чтоб каждый путник здесь укрыться мог
 От холода, что бьет по нам жестоко.

ЛЕКАРСТВО

Когда внутри сгущается туман
 И давит груз невыплаканных слез,
 Стихи врачуют боль душевных ран,
 Как теплый свет среди ночных угроз.

Мы чистим мысли, словно старый дом,
 Выносим сор обид и горьких драм.
 Строка к строке ложится под пером,
 Воздвигнув в сердце белоснежный храм.

Экологичность – это не молчать,
А честно жить в гармонии с собой.
Уметь прощать и заново начать,
Смывая грязь рифмованной волной.

Пусть этот ритм настроит пульс другим,
Кто ищет смысл в потоке суеты.
Мы словом мир спасаем и храним,
Сажая в душах новые цветы.

Ангелина Егорова

г. Казань, Республика Татарстан

ВОСПОМИНАНИЯ**ДРУГУ**

А знаешь, я вспомнила нашу улицу Горького,
тебя в оранжевых шортах и майке в клеточку
с букетом ромашек, обвязанных синей ленточкой...

Живое ваяние душу наивную торкало.

Я помню качели зеленые, вредно-скрипучие,
трепещущие от ветров молодые сосенки,
и долгие до неприличья мороки осени,
уроки, которые быстро обоим наскучили.

А помнишь, я в детстве упала в кустарник шиповника,
и ты излечил меня мелким листком подорожника,
до дома донес, угостился кусочком творожника?

И взглядом простился, скромняга, еще до полдника.

Я верю, что ты не забыл, и в минуту отчаянья,
а может быть, даже в минуту и счастья великого
услышишь, как я тебя сердцем и голосом кликала.
Надеюсь, ты что-то ответишь, пусть даже нечаянно.

ПОСЛАНИЕ

Уже вступила осень
в свои права,

Скрывают тучи просинь –
для них игра,
И даже это небо
меняет цвет,
И южным ветром лето
пошлет привет.
Сентябрь лечит душу
отваром трав
И запеченной грушей
с пломбиром LOVE,
Шарлоткой ароматной,
чуть-чуть глянсе,
И запахом асфальта
пустых шоссе.
Мир замер в ожидании
конца зимы,
Печатное издание
томов Дюмы
Открою снова с трепетом,
и ноги – в плед.
Я помню, как мне летом ты
послал привет.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Северный ветер дует нещадно,
стрелки часов подгоняя вперед.
Детскую маленькую площадку
вновь до весны запрут на засов.

Северный ветер разносит по миру
листья упавшие, мусор, слова,
чтобы печальную ныне Пленуру
развеселила на время молва.

Северный ветер укроет под куртки
лица прохожих, их части души.
От холодов сокращаются сутки,
солнечный свет только в капле смолы.

Северный ветер – ветер тоскливый,
и не его в этом деле вина.
Мир черно-белый ведь тоже красивый,
если в глазах своих нету бревна.

Татьяна Карташева

г. Уфа, Республика Башкортостан

РОДНЫЕ

ДЕДУШКЕ

Ты помнишь, дед? Веранда. Теплый свет.
Варенье вишневое. Я на тебя похожая.
Тетрадка в клетку. Мне – неполных восемь лет.
Ты говоришь: «Ну что, писать начнем, моя хорошая?»

Знакомьтесь – это я. Смешная, и с каре,
С чернильным пятнышком на кончике носа.
В тот день о рифме рассказал мне на заре,
И угостил меня ты половинкой абрикоса.
«Про что писать?» – я ерзала, сопя.
«Про все, что любишь. Про себя. Про дождик.
Про бабушкин пирог. Про воробья.
Про то, как ты растешь – милой и хорошей».

И мы писали. Ты – красивым почерком,
А я – каракулями, высунув язык.
Ты рифмовал «звезда» и «никогда»,
А я – «котлета» и «конфета» – в тот же миг.

Ты не смеялся. Ты кивал серьезно:
«Отлично, внучка. Настоящий слог».
И я – светилась. Мне казалось: можно.
Все можно – если дедушка помог.

Ты научил меня, что слово – это чудо.
Что можно в строчку спрятать целый мир.
Что если больно – напиши, и будет
Не так темно. Что стих – как добрый пир:

Ты делишься – и всем вокруг теплее.
Ты говорил: «Пиши, моя родная.
Когда меня не станет – я в аллее
Твоих стихов останусь. Обещаю».

Не поняла тогда. Мне было восемь.
Я думала – ты вечный, как восход.
Как этот сад. Как этот старый дом.
Как вишня. Как варенье. Как компот.

А ты – ушел. Однажды. Тихо. Очень.
Я помню: только снег и пустота
И я себе сказала: «Он ведь хочет,
Чтоб я писала. Это – как мечта.

Он так хотел, чтоб я – его продолжила.
Чтоб строчки наши – дальше, в небеса...»
Я так скучала. Но села. И – о чудо –
Я написала. Этот стих. Он для тебя.

Про дедушку. Про то, как пахнет лето.
Про карандаш в твоих больших руках.
Про то, что ты – ушел. Но ты – вот это:
Вот эти буквы. Этот свет. Строка.
С тех пор прошло – так много. Я – другая.
Я выросла. Уже вторая дочь растет...
И я ей говорю, тетрадь листая:
«Давай напишем вместе? Про восход?»

Она смеется. Волосы и нос в чернилах.
И я – как ты – шепчу: «Моя хорошая».

И ты – ты рядом. В каждой строчке – сила.
Твоя. Моя. И наша общая.

Ведь: дочери. Внучки. Правнучки – потом.
Мы – продолжаемся. Строкой к строке.
Ты дал мне голос, дед. Ты дал мне дом.
Ты – в каждом слове. В сердце. В языке.

Спасибо, дедушка. За летний свет.
За рифму первую – кривую, но родную.
За то, что был. За то, что – рядом. Нет –
За то, что есть.

В строке.
В душе.
Живу я –
И ты во мне.

Когда-нибудь – потом –
Мы встретимся. Веранда. Вечный дом.
Ты скажешь: «Ну, прочти, что написала».

И я прочту.
И ты обнимешь.
И – сначала...
Все – заново. Все – вместе. Навсегда.

БАБУШКЕ

Пятнадцать лет. А кажется – вчера
Она стояла в платье васильковом,
Красивая, как летняя пора,
И молодая – вечно, бесконечно, снова.

Она встречала нас у тех ворот,
Где яблони склонялись низко-низко,
И пах ее передник, как компот,
И счастье было – рядом, близко-близко.

Она любила деда – тихо, нежно,
Как любят только раз, на целый век.

Смотрел он на нее так бесконечно,
Как смотрит на звезду влюбленный человек.

Она любила маму – как умела,
Всей глубиной натруженной души.
И нас с сестрой – так бережно, так смело,
Как любят тех, кто в сердце – малыши.

А сад ее... О, этот сад волшебный!
Там георгины, розы, ноготки,
Там каждый куст – ухоженный, целебный,
Политый утром из ее руки.
Она склонялась к грядкам на рассвете,
В соломенной панамке, босиком.
И были мы – счастливейшие дети,
Бежавшие за ней через весь дом.

«Смотри-ка, внучка, тюльпан какой раскрылся!»
«А здесь – смородина, попробуй, сладкий куст...»
И целый мир в ее саду светился,
И никогда тот сад не был пуст.

Теперь ее там нет. И сад другой.
Пятнадцать весен отцвели без встречи.
Но я несу ее в себе – живой,
В той памяти, что время не калечит.

Она приходит в запахе цветов,
В случайной песне, в солнечном луче,
В тепле июньских, ласковых ветров,
В моей слезе, что скатилась по щеке.

Мне не хватает рук ее – обнять,
Мне не хватает голоса – услышать,
Мне не хватает просто рядом встать
И знать, что бабушка – вот здесь, со мной, под крышей.
Но я храню. Храню ее в груди –
Ее улыбку, смех, глаза родные.
Она как будто шепчет: «Подожди,
Мы встретимся. Где дали голубые».

Я верю, ба. Я верю и люблю.
Ты – в каждом вздохе, в моем сердцебиенье.
И я тебе вот этот стих дарю –
Как запоздалое, но вечное цветенье.

Ты – в лепестках. Ты – в утреннем луче.
Ты – в нас с сестрой, в улыбках наших, в лицах.
Ты навсегда – в моем, родном, ключе.
И эта связь – она не прекратится.

Пятнадцать лет. Но ты – со мной всегда.
Моя красивая. Моя любимая.
Как в небе – негасимая звезда.
Как в сердце – боль невыразимая.

Я помню, ба. Я помню. Я люблю.

Лада Окулова

г. Очёр, Пермский край

ДУМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Человека любят просто так
Не за деньги, славу или внешность.
Даже красота и доброта
Для любви не главное, конечно.
Человека любят ни за что –
Не нужны для этого причины –
Подставляют крепкое плечо
Или, если надо, даже спину.
Любят человека, вот и все,
Без его усилий и стараний
Так, как любят братьев и сестер,
Без любых на это оснований.
Любят человека, и все тут –
Ценят, доверяют и прощают.
А любить людей – нелегкий труд,
Кто любил хоть раз, тот это знает.
Любят человека навсегда,
Не кончаются любовь и верность.
Коль любовь исчезла без следа,
Значит, не было ее, наверное.

Да, я тоже умею плакать.
Может, даже чаще других.
В тишине глухой полумрака,
Когда мир на время затих,
Я роняю горячие слезы
Или бурным потоком лью.
На куски ломаются грезы,
Боль ломает душу мою.
Да, я с виду скромна и спокойна,
Может, даже счастливой кажусь,
Но, как часто в душе моей войны
Затевают радость и грусть.
И, увы, печаль побеждает,
Непонятная, странная боль.
И я снова слезы роняю,
А на людях играю роль.

А мне б хотелось на деревню к дедушке,
На лето все уехать к доброй бабушке,
Чтоб утром – молоко парное с хлебушком,
Чтоб вечером – с вареньицем оладушки.
Чтоб ветер в занавесках пританцовывал,
И на заре петух будил сонатами.
С ладони пить водицу родниковую
И любоваться тихими закатами.
Чтоб босиком по лугу многоцветному,
Чтоб руки мыть водой из умывальника,
Ромашки в поле собирать букетами,
И «блинчики» пускать на речке гальками.
В густой малине заплутать нечаянно,
Кормить пшеницею цыплят и курочек,
На самокате мчатся вдаль отчаянно,
На крыше от лучей палящих жмуриться.
Сражаться с сорняками и крапивою
Взлетать с качелей в море небосводное...
Я б стала бы, наверное, счастливую,
Прожив такое лето беззаботное.

Когда бушует непогода,
Метелью, вьюгами, дождем,
На сердце мрачно отчего-то,

Я помню – у меня есть дом.
Там ярко светится окошко,
Как будто кораблям – маяк.
Там чай горячий, плед и кошка,
Там пристань верная моя.
Я все преграды одолею
Для тех, кто меня дома ждет.
Родные руки обогреют
Мне сердце, смерзшееся в лед.
И не влекут меня, не манят
Чужие яркие огни.
Под свист декабрьского бурана
Меня прельщают не они.
Мой путь домой, туда, где светит
Мне огонек во тьме сплошной.
Приду домой сквозь снег и ветер,
И снова станет хорошо.

До седых волос от младенчества
Человек не поймет решительно:
Отчего так счастье изменчиво?
Почему уходит стремительно?
То синицей в руки опустится,
То мелькнет журавлем за тучами,
То бежит конем необузданным
Или речкой бурлит кипучею.
То растает в тумане звездочкой.
И вдали миражом пригрезится,
Уплывет в горизонт на лодочке,
За собою поманит весело.
А потом в ладонях пригреется,
Мягким, теплым комочком съежится.
И опять неприметно развеется,
И растает в руке мороженым...
Кто его поймал, непоседное?
Кто себе подчинил окончательно
Так, чтоб песню пропеть победную,
Став навек его обладателем?
Счастье всем нам дается временно,
Чтоб ценить научились правильно.
И для каждого столько отмерено,
Сколько в силах ему управится.

В ночи глухой, в холодной мгле
Горит далекое оконце.
Там свечка тает на столе
И плачет, что она не солнце.
Что ей планету не согреть,
Не осветить весь мир сияньем,
Что суждено ей здесь сгореть,
Отдав лишь слабое мерцанье.
А где-то далеко в ночи
Усталый путник улыбнется.
Увидев слабый свет свечи,
Он с тропки верной не собьется.
И этот свет во тьме ночной
Ему ценней, чем пламя солнца.
Мрак отступает пред свечой,
А та все плачет на оконце...

Так хочется, чтоб мир однажды
Стал навсегда совсем иным,
Чтоб в чудеса поверил каждый,
Чтобы сбывались наши сны,
Чтоб если плакать, то от счастья,
Грустить – о сбывшихся мечтах,
Чтоб не делился мир на части,
Но был для всех во всех местах.
Чтобы у каждого на свете
Был друг, который не предаст,
Чтоб ночью не боялись дети,
Что может в дом прийти беда.
Чтобы разлуки не случались,
Чтобы не знали про войну,
Чтоб одиноких замечали
И уважали седину.
Чтоб каждый видел пред собою,
Где верная его стезя...
Но так устроено судьбою,
Что мир переменить нельзя.

Научи меня, солнце, нежности,
Бескорыстной своей добротой,
Чтоб любить, не смотря на внешности,
Одинаково этих и тех.

Научи меня, снег, прощению,
Покрывать все обиды собой,
Забывая боль огорчения,
Украшать этот мир белизной.
Научи меня, птица, радости,
Чтоб и в серости хмурого дня,
И в болезни, в тяжкой усталости
Повод к радости был у меня.
Научи, родник, непорочности,
Чтоб душа, безусловно чиста,
Оставалась светлым источником
На земле, где царит темнота.
Научите, моря и равнины,
Научите, цветы и трава,
Научите, я буду отныне
Ученицей прилежной для вас.
В безбрежном звездном закулисье
На безмятежных небесах
Нам ангелы внимают с выси
И посылают чудеса.
На облако усевшись с краю,
Взяв ножницы из серебра,
Они снежинки вырезают,
Как истинные мастера.
Изящно кружево сплетая
Из призрачного хрусталя,
Бросают вниз снежинок стай,
Где ждет их мягкая земля.
Спустилась мне на рукавицу
Снежинка, полная чудес
Вот-вот прекрасное случится.
Спасибо, ангелы с небес.

«Годы и минуты, времена и сроки,
Как несправедливо к людям вы жестоки!
Радость – на мгновение, месяцы страданий,
Миг один для встречи, годы ожиданий» –
Так с поры далекой говорили люди,
Так и мы, бывает, о прошедшем судим,
Но всему положен срок определенный,
Для всего на свете есть свои законы.

Если горе в жизни было б на минутку,
Не смогли бы люди быть друг к другу чутки.
Не узнали б сладость радостных мгновений,
Нам она была бы как обыкновенье.
Встречи потеряли б смысл и назначенье.
Если встреча вечно – в чем же наслажденье?
Не напрасно Богом создана система:
Для всего на свете есть и срок, и время.

Содержание

Александр Громов. Светлые лики _____	3
Александр Малиновский. Утренний свет _____	5
Марианна Дударева. Избяной космос Александра Малиновского _____	18

Члены жюри о конкурсе _____	24
-----------------------------	----

ГРАН-ПРИ конкурса «Экология души» 2026 года «За глубокое и оригинальное истолкование творческих исканий Александра Малиновского»

Анатолий Логинов. Чертеж целостности: инженерное слово и экология души Александра Малиновского. Эссе _____	32
---	----

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ЭССЕ»

Возрастная категория старше 35 лет

1 место. Александр Ильин. Садовник собственной души. Эссе _____	38
2 место. Анна Глухова. Песни от всей души. Эссе _____	42
3 место. Анна Вакурова. Дорогой добрых дел. Эссе _____	48
3 место. Антонида Бердникова. Трагедия личности в эпоху слома: «Отклонение» Александра Малиновского. Рецензия-эссе _____	51

Диплом учредителей и жюри конкурса «За яркое освещение восприятия детской аудиторией произведений Александра Малиновского»

Людмила Чернецова. Он – свой. Лирический этюд _____	55
--	----

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ЭССЕ»

Возрастная категория от 14 до 35 лет

1 место. Илья Калошин. Все живое имеет одну и ту же душу. Эссе _____	59
2 место. Ирина Фабричная. «Радостная встреча» как источник памяти и современного смысла в творчестве А.С. Малиновского. Эссе _____	63
2 место. Анна Калюжная. Экология души: шепот ветра и тишина леса. Эссе _____	66

3 место. Анна Бердникова. Экология души: в поисках утраченного мира. Эссе	70
3 место. Никита Хмельницкий. Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. Эссе	74

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПРОЗА»

Возрастная категория старше 35 лет

1 место. Сергей Пупышев. О рыбе. Рассказ	77
2 место. Эллина Савченко. Круги на воде. Рассказ	91
3 место. Ирина Иванова. Рассказы сестры милосердия. Короткие новеллы	96
3 место. Вита Градская. Яблочный спас. Рассказ	101

Финалисты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПРОЗА»

Возрастная категория старше 35 лет

Валерий Голубенко. 1984. Рассказ	107
Светлана Деревягина. Музыкальный класс №26. Рассказ	115
Регина Климович. Реставрация. Рассказ	121
Лидия Корнева. Листик. Рассказ	126
Ирина Кречет. Школьный товарищ. Рассказ	131
Иван Разбойников. «Американка». Рассказ	143

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПРОЗА»

Возрастная категория от 14 до 35 лет

1 место. Екатерина Суворова. Черника, сахар и человечность. Рассказ	151
2 место. Людмила Фетисова. Сириус. Рассказ	157
3 место. Михаил Воронов. Неприятное происшествие. Рассказ	165

Финалисты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПРОЗА»

Возрастная категория от 14 до 35 лет

Макар Лопухов. Периодическая таблица гармонии души. Рассказ	173
Марина Неустроева. Однажды летом. Рассказ	183
Диана Федорович. В краю сияющего неба. Рассказ	190
Екатерина Харитонова. Васильковый зонтик. Рассказ	197
Валерия Черногубова. Застольная. Рассказ	203

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года «ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория старше 35 лет

1 место. Валерий Хатюшин. Любовная лирика. Стихи	209
2 место. Татьяна Кижайкина. На краешке души. Стихи	217
2 место. Ирина Кислова. По дорогам души. Стихи	223
3 место. Ольга Смерецкая. Второе измерение войны. Стихи	230
3 место. Светлана Сытникова. Территория любви. Стихи	236

Финалисты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория старше 35 лет

Кристина Андрианова-Книга. Столетия невесомые. Стихи	241
Юрий Астанков. Душа оглянулась. Стихи	247
Григорий Егоркин. Отечество. Стихи	252
Элла Зайцева. Из путешествий. Стихи	259
Эдуард Коридоров. Не все пропало... Стихи	263
Людмила Левина. Наш мир. Стихи	268
Светлана Леонтьева. Сохраним Жар-птицу. Стихи	273

Лауреаты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория от 14 до 35 лет

1 место. Яна Ишмухаметова. Птичьи песни. Стихи	280
2 место. Арина Гаврюшина. Ты и Я. Стихи	285
2 место. Елизавета Евстигнеева. Молитвенные ямбы. Стихи	290
3 место. Дарья Александрова. Лесоразведение души. Стихи	293
3 место. Елисей Липатов. На языке природы. Стихи	295

Финалисты конкурса «ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» 2026 года Номинация «ПОЭЗИЯ»

Возрастная категория от 14 до 35 лет

Ангелина Доценко. Слова-саженцы. Стихи	301
Ангелина Егорова. Воспоминания. Стихи	305
Татьяна Карташева. Родные. Стихи	307
Лада Окулова. Думы и размышления. Стихи	312

События и новости конкурса

В 2025 году Самарский государственный технический университет инициировал конкурс среди студентов факультета архитектуры и дизайна на создание символики литературного конкурса «Экология души». На оценку жюри было представлено около 20 работ, среди которых выделились два ярких лидера: работа «Девушка в волнах реки жизни» (автор – Анастасия Богомолова, 3 курс) и работа «Малиновый щур» (Полина Лавриенко, 3 курс), педагог – Галина Травкина, ассистент кафедры «Архитектурно-строительная графика и изобразительное искусство», научный руководитель – Сергей Колесников, заведующий кафедрой «Архитектурно-строительная графика и изобразительное искусство».

Анастасия Богомолова:
«Абстрактная композиция «Экология души» воплощает идею непрерывного развития и внутреннего очищения. Текучие, лишенные жесткой геометрии формы символизируют энергию, мысли и чувства, которые вечно движутся, меняются и перетекают друг в друга. В этом пластическом вихре проступает прекрасный женский лик – олицетворение гармонии и внутреннего света».

Полина Лавриенко:
«На ветке еловой малиновый щур
опробовать голос свой нежный
спешит». В сборнике «Даль без
края», посвященном детству и
родному краю, Малиновский
пишет про птиц, а в стихотворении
«На Бариновой горе» подмечает,
что и сам чувствует себя как
птица. «Есть в моем крае клочочек
землицы, где я всегда чувствую
себя птицей!» Поэтому мне пришла
идея выразить облик писателя в
виде птички, название которой
так созвучно с его фамилией.
Малиновый щур олицетворяет
писателя и полет его творчества».

Наш дизайнер Виктория Лисина разработала макет конкурсной награды, который был принят к изготовлению и выполнен с помощью лазерной гравировки на стекле.

Ребята из экологического клуба «Жизнь» Самарского политеха, вдохновленные творческими работами, поступившими на конкурс, вместе со своим руководителем Алиной Копниной смонтировали несколько видеороликов, где прочитали наиболее затронувшие их строки из произведений конкурсантов разных лет. Видео можно посмотреть по ссылкам

Сборники конкурсных работ победителей и финалистов конкурсов 2024, 2025 и 2026 гг. доступны для чтения и скачивания на сайте mcentr.samgtu.ru в разделе «Издания».

Экология души

Работы лауреатов и участников
Всероссийского литературного конкурса
на основе творчества
Александра Станиславовича Малиновского

Корректурa – Ирина Бровкина
Оформление обложки – Виктория Лисина

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244, главный корпус
тел.: (846) 278-43-11
www.samgtu.ru

Подписано в печать 14.05.2026
Формат 84x108/32. Бумага офсетная
Печать офсетная Усл. печ. л. 17.01
Тираж 200 экз. Рег. № 49/26
Заказ № 2015

Отпечатано в типографии ООО «Полиграфия».
443110, Самарская область, Самара, ул. Мичурина, 80, оф. 3.
Тел.: (846) 279-02-82.

Александр Станиславович Малиновский – русский писатель, поэт, учёный и инженер.

Родился 20 февраля 1944 года в селе Утёвка Куйбышевской области в крестьянской семье.

В 1967 году Александр Станиславович окончил Куйбышевский политехнический институт и получил диплом инженера-технолога по специальности «Технология основного органического нефтехимического синтеза».

После окончания института Малиновский работал на Куйбышевском (Самарском) заводе синтетического спирта, где прошел путь от рабочего (с 1967) до генерального директора (1984–1999 гг.). С 1999 года – генеральный директор ОАО «Новокуйбышевский нефтехимический комбинат» (позже ЗАО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания»). За свою трудовую деятельность Александр Малиновский награжден премией Совета Министров СССР (1990).

В 1985 году без отрыва от производства защитил кандидатскую, а в 1992 году докторскую диссертацию, является заслуженным изобретателем России (1994), почётным нефтехимиком (1992), почётным химиком (1999), заслуженным инженером России (2000).

С 2007 по 2016 год – профессор кафедры «Химическая технология и промышленная экология» Самарского государственного технического университета.

Перу Александра Станиславовича принадлежат как поэтические, так и прозаические произведения. Он является автором более сорока книг, в том числе поэтических сборников и книг для детей. Как поэт Александр Малиновский дебютировал в 1970 году в газете «Волжский комсомолец». С тех пор он публиковался в периодических изданиях, выпускал собственные книги.

В 2021 году вышло полное собрание сочинений Александра Станиславовича Малиновского в семи томах. Александр Станиславович является членом Союза писателей России с 1996 года.

Малиновский Александр Станиславович удостоен всероссийских литературных премий «Русская повесть» (2000), имени В. Шукшина (2002), «Имперская культура» (2004), имени П. Ершова (2011), имени И. Шмелёва (2011), является лауреатом Губернской премии в области культуры и искусства, награждён медалью Преподобного Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церкви (2000) и Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской» (2014).

Александр Малиновский ушёл из жизни 26 ноября 2017 года.

На сайтах <http://malinovsky-as.ru> и <http://mcentr.samgtu.ru> размещена более полная информация об А.С. Малиновском, представлены его произведения, документальные фильмы о нем, с его участием и по его книгам.